

84. 1842
Р-21

Р. Рамсей

*Открытия,
которых никогда
не было*

*Raymond
H. Ramsay*

*No Longer
on the Map*

Discovering places
that never were

New York

1972

Р. Рамсей

*Открытия,
которых никогда
не было*

Перевод с английского

УЛИЦКОЙ Г. М.

Под редакцией

СОЛОВЬЕВА А. И.

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

1977

Редакция литературы по географии

© Перевод на русский язык, «Прогресс», 1977 г.

Р $\frac{20901-513}{006(01)-77}$ 71-77

Книга американского историко-географа и публициста Р. Рамсея рассказывает о мнимых открытиях, зафиксированных в свое время картографами, а затем стертых с карты мира; о действительных и выдуманных плаваниях, которые привели как к целому ряду географических открытий, так и ко многим ошибкам.

Книга содержит интересные описания различных стран и территорий, знакомит с политической жизнью этих стран и реальными историческими личностями, жившими в эпоху Великих географических открытий, эпоху, оставившую такой яркий след в истории развития человечества.

Книга имеет большое познавательное значение, написана живо и увлекательно и рассчитана на самый широкий круг читателей.

Предисловие автора

Эта книга — плод долгого чтения и многолетних размышлений, а не запланированная научно-исследовательская работа. Меня больше всего интересовали история и география, но в процессе работы вплетались и другие темы, и я надеюсь, что мне удалось пролить свет на избранный мной предмет, дополняя его информацией из таких источников, которыми, возможно, не располагают ученые-специалисты.

Сейчас многих названий уже нет на картах: Новая Франция, Бельгийское Конго, территория Дакоты, Курляндия, Западная Резервация, Манджи, Священная Римская империя — вот лишь немногие примеры.

Но подобные регионы остались за пределами этой книги. Нет ничего загадочного в их исчезновении с карт, так как названия эти были не географическими, а политическими. Эти территории впоследствии назвали по-другому. Одни из них были разбиты на меньшие или включены в более крупные, другие реорганизованы на иной основе. Теперь их можно найти на картах лишь в историческом атласе. Кое-где они бытуют в народе как неофициальные названия не точно очерченных земель.

Совсем другое дело — королевство Эльдорадо, пролив Аниан, Норумбега, Грокланд или остров Сатанаксио. Их нет больше на картах, так как они никогда не существовали, по крайней мере в том виде, в каком они были известны географам минувших времен. Как же тогда они попали на карты? Вот это — самая интересная история, а вернее, множество историй.

Иногда это бывало результатом прямого надувательства, иногда — следствием искажения фактов. Многие названия появились на карте из-за путаницы самого различ-

ного характера: от ошибок в правописании или произношении слов до неверных представлений о географии. Одни наименования дублировали названия островов, расположенных совсем в других местах, иные появлялись на карте потому, что люди брали на веру мифы о новых землях и их обитателях. Некоторые из этих мифов прочно завладевали воображением людей и играли большую роль в последующих исторических событиях. Несколько мифических стран, по чистому совпадению, оказались реально существующими.

Мифы не раз пересказывались, но в некоторых случаях данные последних исследований позволяют увидеть их в новом свете. Я полагаю, что некоторые исторические факты впервые последовательно изложены именно в этой книге, предназначенной для широкого читателя.

Однако необходимо сразу кое-что пояснить. Все, кому я излагал идею этой книги, считали, что Атлантида — классический пример такой несуществующей страны. И все же Атлантида не вошла в мое исследование, потому что греческие карты до нас не дошли, а на четырех или пяти дошедших до нас римских картах ее нет. Предполагалось, что Атлантида погрузилась в океан за несколько тысяч лет до того, как о ней поведал Платон. У египтян же, от которых Солон, вероятно, услышал дошедший до Платона рассказ об Атлантиде, не было карт, охватывавших район Атлантического океана и его островов. Оставляя в стороне вопрос о реальном существовании Атлантиды, надо сказать, что она никогда не была обозначена на карте*.

Сказанного достаточно для предисловия. А теперь, читатель, милости просим на борт корабля, отправимся в несуществующие страны и исследуем извилистые пути, ведущие к ним.

* В данном случае мы не принимаем во внимание карт, составленных современными учеными, где они обозначают теоретически возможное местоположение исчезнувшего континента.

Эльдорадо. Люди и мифы

Под лучами восходящего солнца на склоны гор ложатся длинные тени высоких сосен; по выющейся вверх тропе идет пестрая процессия. Ее возглавляет группа нагих мужчин, поющих высокими голосами протяжную, заунывную песню. Тела их в знак траура выкрашены красной краской. Далее шествует около сотни мужчин, одетых словно по контрасту с идущими впереди в пышные убранства, украшенные золотом и серебром, перьями трогона и шкурами ягуара. Эти не поют заунывных песен, а, напротив, маршируют с радостными криками; многие из них наигрывают на флейтах и трубах веселые мелодии. Тут и жрецы в высоких шапках и длинных черных одеждах. Европейец был бы поражен странной деталью этого языческого костюма: украшающими его белыми крестами. Замыкает процессию группа разодетой знати с носилками, увешанными золотыми дисками. На них полулежит человек, совершенно обнаженный, как и те, что идут впереди. Однако на нем не траурная окраска, а сверкающая позолота — символ триумфа. Тело его натерто смолой и покрыто золотым порошком. В свете утренних лучей он сверкает, как золотой идол.

Процессия останавливается у горного озера, окруженного величественными вершинами. Мужчины ставят носилки на бальзовый плот и гребут с полмили до середины озера. Теперь человек на носилках становится активным участником событий: он ныряет и быстро плавает, чтобы смыть с себя позолоту. Люди на берегу приветствуют его песнями и радостными возгласами и бросают в озеро приношения — золото и драгоценные камни.

Смыв с себя позолоту, человек вновь поднимается на плот, и его перевозят на берег. Все спускаются вниз по

склону горы в город, чтобы принять участие в танцах и торжествах в честь нового вождя.

Такова была, по слухам, дошедшим до испанцев, церемония с «позолоченным человеком» (по-испански: El Hombre Dorado).

По странному капризу судьбы этот торжественный ритуал небольшого индейского племени в отдаленном уголке Южной Америки вырос до размеров грандиозного географического мифа. Понятие «эльдорадо» вошло в языки всех цивилизованных народов. Миф же об Эльдорадо стал источником многих легенд, некоторые из которых продолжают жить и поныне.

К середине XVI века испанцы обобрали Мексику и ограбили Перу. Ослепительные сокровища Нового Света, открытого менее чем за столетия до этого, все еще оставались в их безраздельном владении. Они жаждали найти новые источники сокровищ.

Один из испанцев, Себастьян де Белалькасар, соратник Писарро, был направлен в северные районы для разгрома перуанцев, все еще оказывавших там сопротивление. Белалькасар разбил перуанцев близ Кито, в нынешнем Эквадоре, и вот там-то один индеец и рассказал ему о земле Попаян, лежащей еще дальше к северу, о ее народе, муисках, отмечавших избрание нового вождя церемонией с «позолоченным человеком». К этому времени индейцы уже знали, что лучший способ избавиться от испанцев — это наплести им небылицы о золоте и направить их по ложному следу. На сей раз слух был правдивым, но индеец в своем рассказе Белалькасару умолчал (а может быть, и сам не знал) о том, что сведения его несколько устарели.

В конце 1535 года Белалькасар со своим отрядом выступил из Кито, направляясь на север, на поиски людей, которые могут позволить себе швыряться золотом. Что случилось потом, не совсем ясно, так как источники расходятся. Но общий ход событий, видимо, таков: прежде чем Белалькасар достиг страны муисков в начале 1536 года, она уже была захвачена и покорена экспедицией, возглавляемой Гонсало Хименесом де Кесадой, которая прибыла с севера, с Карибского побережья. Эта авантюра не принесла сокровищ, зато присоединила новые земли к испанской короне. Белалькасару пришлось убедиться, что его опередили.

В это же время в стране муисков появилось и третье лицо — немецкий авантюрист, наемный солдат Николай Федерман с остатками отряда, выступившего из Венесуэлы еще до упомянутых событий (по некоторым источникам, за 5 лет). Таким образом, страна Эльдорадо оказалась захваченной тремя различными группами, относящимися друг к другу с подозрением. Посоветовавшись между собой, предводители отрядов договорились предоставить королю Испании решение вопроса об их притязаниях на эту землю. В конце концов Белалькасар был назначен губернатором провинции Попаян — ныне одного из штатов в южной Колумбии.

Племя муисков со своим необычным и красочным обрядом, при котором нового вождя покрывали позолотой, было одним из племен народа чибча. Всего за несколько лет до прихода Белалькасара оно было покорено более могущественным племенем, называвшим себя чибча богота (по имени этого племени названа нынешняя столица Колумбии), и этот обряд больше не соблюдался.

Испанцам не понадобилось много времени, чтобы уяснить себе истинное положение дел. У побежденных муисков уже не было своих вождей, в честь которых совершались жертвоприношения золотом. К тому же они, как и все чибча, сами золота не добывали, а получали то небольшое, что требовалось им для ритуальных целей, от торговли с перуанцами. Еще хуже было то, что небольшое горное озеро Гуатавита, где совершались жертвоприношения, имело около 120 метров глубины и было недоступно для ныряльщиков, так что золото на дне его было утрачено безвозвратно. То Эльдорадо, которое впервые получило это название, оказалось совершенно невыгодным предприятием, и было бы не удивительно, если бы легенда о нем угасла уже тогда, оставшись лишь незначительным эпизодом в истории Южной Америки.

Ошибочно утверждать, что падкие на золото испанцы поддерживали миф об Эльдорадо из одного только желания верить в него, перемещая Эльдорадо на карте с одного места на другое каждый раз, когда местоположение его не подтверждалось. Золото, быть может, и кружило голову конкистадорам, но они оставались реалистами.

Примерно в это время монах Марко де Ниса вернулся в Мексику и стал распространять фантастические рассказы о богатых городах Сивола на севере. Однако, когда на-

правленная туда экспедиция Коронадо не обнаружила ничего фантастического, о них просто перестали вспоминать. А в 1563 году Диего де Ибарра сделал сообщение об открытии «новой Мексики», полной легкодоступных сокровищ. Но оно не подтвердилось, и единственный след, оставленный этим событием в географии, — это название Нью-Мексико, обозначающее и поныне один из американских штатов, расположенных на этой территории. Таким образом, подлинное отношение испанских конкистадоров ко всяким «уткам» не вызывает сомнений, и то, что легенда об Эльдорадо продолжала жить, имело свои особые причины.

В то время как чибча богота завоевывали родственных им муисков, индейцы тупинамба на отдаленном юго-восточном побережье Бразилии находились в состоянии религиозного экстаза. Среди них появился пророк, призывавший народ последовать за ним на запад, где, по их поверьям, был рай — Земля без Бедствий. Переход продолжался девять лет. Тысячи тупинамба с трудом пробирались через безлюдные районы Мату-Гросу и высокие Анды и наконец в 1539 году закончили поход в Чачапояс, в северном Перу.

Испанцы набросились с расспросами на этих пришельцев из неведомых им земель и узнали многое, что помогло им уточнить их карты. Полученная информация оказалась полезной для дальнейших исследований. Но больше всего испанцев интересовали сведения о богатых царствах и полных золота городах в неисследованных глубинных областях, и тупинамба рассказывали обо всем, что тем хотелось услышать, или, во всяком случае, давали такие ответы, которые испанцы истолковывали в самом оптимистическом духе. Возможно также, что полудикие тупинамба, не знающие золота, понимали вопросы испанцев по-своему, в соответствии со своими собственными, более скромными представлениями о богатстве.

Таким образом, сложилась новая легенда об Эльдорадо, вернее, Эльдорадо представилось испанцам в новой обличье, превратившись из *El Hombre Dorado* (золотого человека) в *El Dorado* (золотую страну). Это эффектное название казалось подходящим для всех золотых земель, которые еще предстояло открыть.

Сыграв свою роль в этой истории, тупинамба почти сразу же уходят в тень. Некоторые из них поселились

на побережье Перу, но большинство убедилось, что Перу под властью испанцев мало похоже на Землю без Бедствий, и постепенно потянулось обратно, на свою родину на побережье Бразилии, где впоследствии возник город Рио-де-Жанейро. И по сей день там много индейцев тупинамба, более или менее сохранивших чистоту крови.

Около 1530 года, когда происходило переселение тупинамба, прежний товарищ Кортеса по оружию Диего де Ордас, путешествуя вверх по Ориноко, услышал об индейском племени, богатом золотом, которое живет вблизи большого озера, у реки Мета. (Следует заметить, что это было за несколько лет до того, как Белалькасар услышал о «позолоченном человеке». Эти две истории, в сущности, не связанные друг с другом, впоследствии слились в одну, так как обе относились к одной и той же территории и в обеих шла речь об озере.) В 40-е годы XVI века испанцы тщательно прочесали район реки Мета в Колумбии и прилегающие возвышенности вокруг Боготы. Они не нашли ни цивилизованных индейцев, ни городов, ни золота и отказались от мысли о том, что Эльдorado лежит дальше на юг, в теперешнем Эквадоре. В 1539 году Гонсало Писарро — младший сводный брат завоевателя Перу — выступил со своим отрядом из Кито. Реальной целью его экспедиции был район, изобилующий, по слухам, коричневым деревом, хотя Гонсало не терял из виду и страну золота. При переходе через Анды его отряд встретился с огромными трудностями и действительно нашел немного коричневых деревьев (слишком мало, однако, чтобы извлечь из них выгоду), но не обнаружил никаких признаков Эльдorado. Со временем отряд разделился: Гонсало Писарро возвратился в Перу (где его несколько лет спустя казнили за измену), а лейтенант Франсиско де Орельяна с несколькими участниками экспедиции отправился на лодке вниз по большой полноводной реке, которая в конце концов привела их к побережью Атлантического океана. Во время путешествия они не раз вступали в столкновения с индейцами. Одно из сообщений Орельяны, в котором он описывал сражение с женщинами, дравшимися как настоящие воины-мужчины, произвело такое сильное впечатление на современников, что река получила название «река амазонок», или Амазонка.

Можно сказать, что исследования северо-западной части Южной Америки покончили с поисками «реального»

Эльдорадо, порожденного описанной выше церемонией индейцев муисков. Зато начали множиться мифы. Испанские власти сами содействовали живучести мифа об Эльдорадо, он был им на руку.

К середине XVI столетия период завоеваний в испано-американской истории подошел к концу. Были основаны города и гасиенды, были созданы своего рода правительство и регулярная испанская армия. Дни военных авантур прошли, настала пора колонистов, плантаторов, рудокопов и предпринимателей. Однако большинство отщепенцев из отрядов первоначальных завоевателей еще болтались без определенной цели. Их было полно в каждом испанском поселке: стареющие, непригодные к труду головорезы, они проводили время в попойках, потасовках, воровстве, буянили и были угрозой для всех порядочных женщин. Когда они слишком досаждали, их легко можно было собрать под командованием какого-нибудь достаточно крутого офицера и отправить куда-нибудь в глушь на поиски Эльдорадо. Это давало временную передышку, и при благоприятном повороте событий некоторые из них обратно не возвращались. К тому же всегда имелась вероятность того, что они что-нибудь откроют.

Около 1541 года история об Эльдорадо оказалась связанной с другим районом, расположенным довольно далеко от Боготы и реки Мета. Экспедиция из Венесуэлы во главе с немцем Филиппом фон Гуттенем столкнулась с могущественным племенем омагуа из юго-восточной Колумбии и была разбита. Внушительная мощь этого народа породила фантастически преувеличенные рассказы о столице омагуа, впервые увиденной и описанной фон Гуттенем, и около 1558 года была подготовлена новая экспедиция, которая ознаменовала собой окончательный и бесславный распад испанского конкистадорства.

Во главе этой злосчастной экспедиции стоял Педро де Урсуа. Но это предприятие было ему не по плечу. Еще неопытный офицер, он не был достаточно решительным, чтобы управлять командой головорезов. Он собирался пройти из Перу водным путем по реке Уальяга вниз по течению до реки Мараньон, которая, сливаясь с Укаяли, образует Амазонку, и плыть по ней через всю Южную Америку до побережья Атлантики, разыскивая по пути богатые золотом города и прислушиваясь к рассказам о них аборигенов.

Но беда была в том, что беззаботная жизнь в городских условиях, очевидно, разнежила авантюристов и отбила у них охоту приспосабливаться к лишениям и однообразию джунглей. Их плавание не приносило результатов. Они не находили золота и все больше разочаровывались. Однажды произошла драка, во время которой был убит помощник Урсуа. Урсуа неразумно разрешил создавшуюся ситуацию: он обещал убийцам неприкосновенность в случае признания своей вины, но, когда они сознались, он их повесил. Это был не лучший способ создания себе авторитета среди низких, опасных людей, и вскоре стали возникать серьезные трудности.

Главной фигурой последующих событий был Лопе де Агирре, головорез и негодяй, в прошлом отличившийся участием в нескольких попытках мятежа в Перу. Он был типичным представителем тех нежелательных элементов, которых власти стремились устранить из поселений, прибегая к вымышленным экспедициям.

Агирре стал вождем мятежников и возглавил заговор с целью убийства Урсуа. Однако это убийство было скорее мщением, чем подлинным мятежом, так как мятежники вместо Урсуа немедленно избрали командиром другого молодого офицера регулярной испанской армии — Фернандо де Гусмана.

Хотя Гусман больше приходился по душе своему окружению, у него был один недостаток: он верил в Эльдorado или по крайней мере в то, что он обязан его разыскивать. Но у старого закоренелого бунтовщика Агирре к этому времени появились собственные притязания более практического характера. Он разжег еще одну интригу, убил Гусмана, взяв командование отрядом в свои руки и провозгласил себя «генералом Мараньона». Жалкие экс-конкистадоры теперь оказались под властью человека себе подобного, который мог с ними справиться. Они энергично продолжали начатые поиски, но не Эльдorado, а территории, пригодной для создания их собственной независимой империи. Каким курсом они следовали, осталось неясным. Возможно, что они плыли по Амазонке до Атлантического побережья, но если принять во внимание место их окончательного прибытия, то представляется более вероятным, что они проплыли вниз по Амазонке только до ее слияния с Риу-Негру, а затем проследовали вверх по течению последней до Ориноко и вышли в Карибское море. Не-

трудно понять, что именно происходило во время остальной части путешествия: подозрительность и вражда, заговоры и интриги, драки и беспорядок, бесконечные убийства индейцев и своих собственных товарищей — кошмарный путь, оставивший за собой кровавый след.

Наконец в 1561 году пиратская банда вошла в Карибское море и пристала к острову Маргарита у побережья Венесуэлы. На острове был небольшой гарнизон, и завоевать его было нетрудно. Агирре убил губернатора и всех офицеров и несколько месяцев управлял островом. Создается впечатление, что к этому времени им уже полностью овладела мания убийства, поскольку время его правления было сплошным кошмаром, состоящим из непрерывных предательств и кровопролитий. Даже закаленные сторонники Агирре не выдерживали, и почти ежедневно кто-нибудь из них дезертировал. Несмотря на это, обезумевший завоеватель попытался вторгнуться в Венесуэлу. Испанские регулярные части, сдерживавшие натиск осаждающих, значительно уступали им по числу, но у людей Агирре не было желания участвовать в этой битве. Они почти все дезертировали, части, находившиеся в обороне, легко одержали победу, и кровавая жизнь Агирре окончилась, как и следовало ожидать, в битве.

Это была последняя официальная попытка испанских властей организовать поиски Эльдorado. Ее исход бросил мрачную тень и на сам миф об утопающей в золоте стране. По-видимому, у испанского населения Южной Америки сложилось впечатление, что любое предприятие, связанное с Эльдorado, приводит к несчастью.

Что же касается состояния картографии того времени, то оно пока не поддается удовлетворительному исследованию. Правительства как Испании, так и Португалии располагают большим количеством материалов, включая и карты. Но в эпоху Великих географических открытий эти материалы классифицировались как чрезвычайно секретные, многие из них остаются недоступными для изучения и по сей день. Возможно, что среди них есть карты, указывающие на те места, где, как предполагали, находилась страна Эльдorado. Необходимо иметь в виду, что поиски Эльдorado производились на территории, на которую претендовала Испания. Кроме того, в XVI столетии этими поисками, по-видимому, занимались только испанцы, в остальном мире почти ничего об этом не знали, и мало ве-

роятно найти Эльдорадо на каких-либо других картах, кроме испанских *. Мне, во всяком случае, не удалось его найти на картах XVI века. Эльдорадо жило своей особой жизнью: о нем носились всевозможные слухи, сообщалось в донесениях, рассказывалось в историях и мемуарах, но его нельзя было обнаружить на долготах и широтах. Однако с историей об Эльдорадо вскоре слилась другая легенда — легенда о Маноа. Маноа стало красоваться на карте, великолепное и манящее.

Хотя фиаско Агирре официально дискредитировало Эльдорадо, все же еще находились люди, не потерявшие в него веры. Одним из них был Антонио де Беррео, респектабельный гражданин Боготы. В 1584 году, более чем через двадцать лет после авантюры Агирре, он направился вниз по течению реки Ориноко в поисках иллюзорной страны золота. Он совершил две попытки. Первая из них была безрезультатна, вторая как будто не без успеха. Золота он, конечно, не нашел, но получил следующую важную информацию от индейцев: оказалось, что «подлинное» название того Эльдорадо, которое ищут испанцы, — Маноа.

Беррео узнал, что существует большое озеро, называемое Парима, где-то к юго-востоку от Ориноко, а на его берегу стоит утопающий в золоте город Маноа — та сказочно богатая страна, которую испанцы безнадежно искали, пробираясь через горы и лесные дебри на запад. (Вспомним сообщение Диего де Ордаса в 1530 году о городе на берегу озера, в котором полным-полно золота.) Казалось, что наконец местоположение золотой земли указано. Однако отдельному авантюристу было не под силу самостоятельно пускаться на поиски сокровищ. Необходимо было информировать обо всем короля Испании.

Помощник де Беррео, Доминго де Вера, был направлен в Испанию, чтобы провести необходимую подготовку. Это потребовало времени, а кроме того, слухи об Эльдорадо, которые раньше не выходили за пределы испанских владений, достигли Европы и распространились там. Тем временем де Беррео был назначен губернатором острова Тринидад. Наконец в 1595 году де Вера с несколькими кораблями в сопровождении войска более чем в две тыся-

* Например, Антониу Галвану, португальский историк, который в своей книге «Открытия мира» доходит приблизительно до 1553 года, об Эльдорадо не упомянул и, очевидно, ничего о нем не знал.

чи человек отплыл из Испании, чтобы обнаружить подлинное местонахождение иллюзорного Эльдорадо. Экспедиция де Веры встретилась с Беррео на Тринидаде и продолжила свой путь без него до побережья Венесуэлы, где она высадилась на берег. Однако большинство ее участников были новичками, прибывшими прямо из Испании, а не теми опытными покорителями джунглей, какими были конкистадоры, поэтому они не вынесли трудностей и опасностей, связанных с пребыванием в тропических дебрях. А те немногие, что выжили, ничего не нашли.

В том же году из Плимута, независимо от де Веры, вышел англичанин Уолтер Рэлей. Его экспедиция обрушилась на Тринидад вскоре после отплытия де Веры. Рэлей ограбил город Сан-Хосе (ныне Порт-оф-Спейн) и взял в плен губернатора Беррео. Потребовалось немного времени, чтобы де Беррео выболтал все, что слышал о большом озере и городе, утопающем в золоте, который долго называли Эльдорадо, но который теперь известен под своим «подлинным» названием — Маноа.

Рэлей поплыл к устью Ориноко, но не успел еще далеко отойти, как ему доложили, что приближается испанский флот. Рэлею пришлось отказаться от своего намерения и вернуться в Англию.

В следующем, 1596 году он принимал участие в военных действиях британских войск у Кадиса, но ему тем не менее удалось послать одного из своих людей, Лоренса Кеймиса, в Южную Америку. Каким путем пробирался Кеймис и что он на самом деле видел или слышал, нам неизвестно, но он вернулся в Англию и рассказал о большом озере (по его словам, соленом), называемом Парима. Он указал, что озеро находится на пути в Маноа.

Рэлею этих сведений было вполне достаточно для того, чтобы создать классический образец неправдоподобной географической литературы, книгу «Открытие обширной, богатой и прекрасной империи Гвиана» с вымышленным описанием «большого, богатого золотом города, который испанцы называют Эльдорадо, а туземцы — Маноа». Позолоченный человек, источник легенды, не был забыт с течением лет, но история о нем зазвучала по-новому. Рэлей связал ее с королем Гвианы и его традициями. Он рассказывал о том, как король Гвианы устраивал оргии со своими придворными. Во время этих

оргий слуги должны были раздевать всех участников, «смазывать их сверху донизу белым бальзамом» и покрывать золотым порошком, который они выдували через трубки до тех пор, «пока гости не начинают сверкать с ног до головы, и в таком виде они сидят и пьют группами по двадцать и по сто человек и продолжают это занятие иногда шесть-семь дней подряд». Первоначальная церемония избрания вождя разрослась и превратилась в рассказе Рэлей в ряд продолжительных непристойных оргий.

Другой вымысел (не связанный с Эльдорадо), который Рэлей приурочил к тому же месту, — это описание племени людей без головы. Легенду о безголовых людях с лицами на груди можно ретроспективно проследить до Плиния, который считал, что они обитают где-то в недрах Африки. Средневековые географы перемещали их по всему миру: из Африки в Финляндию, северо-восточную Азию и, наконец, в Южную Америку. Источником этого страшного мифа, может быть, послужили рассказы греческих и римских путешественников о церемониальных масках первобытных племен.

С этого момента Эльдорадо исчезает. Испанцы из Южной Америки предприняли еще несколько нерешительных попыток организовать его поиски, но в конце концов разочаровались в самой их идее. В остальных странах мира никогда до конца не верили в рассказы об Эльдорадо, так как там со здоровым скептицизмом относились к испанским сообщениям (сэр Уолтер Рэлей оказался редким исключением). В результате к концу XVII века Маноа было забыто, а слово «эльдорадо» вошло в большинство западноевропейских языков как символ безнадежных поисков.

И все же стоит упоминания еще одна попытка отыскать Маноа. В 1616 году Уолтеру Рэлею, теперь уже старому опальному узнику Тауэра, удалось убедить короля Якова I в возможности найти все еще не обнаруженный золотой город. Рэлею было разрешено снарядить новую экспедицию, но в связи с политикой мирного сосуществования с Испанией, которую проводил Яков I, он мог это сделать только при условии, что на пути к Маноа не будет посягать на какую-либо испанскую территорию. Во время этого путешествия стало ясно, что счастье изменило Рэлею. Штормы потрепали его флот. Многие из его людей

умерли или сбежали при первом удобном случае. Сам Рэлей заболел тропической лихорадкой, а по прибытии на место назначения увидел противостоящие ему испанские войска. Столкновение с ними стоило жизни его любимому старшему сыну. В довершение ко всему этот набег на испанскую территорию дал испанскому послу в Англии повод потребовать наказания Рэрея, и по возвращении на родину ему вновь было предъявлено обвинение в измене, приведшее его в Тауэр, где он был обезглавлен.

Эльдорадо уже не существовало, но все еще оставалось озеро Гуатавита, с которого началась вся кампания. Испанцы сделали несколько неудачных попыток осушить его, и только в 1913 году английской экспедиции, оснащенной современным оборудованием, удалось выкачать озеро и раскопать его дно. Они нашли несколько изделий из золота, но их трофеи скорее носили характер археологических находок, чем богатой добычи. Общая стоимость экспонатов не могла покрыть даже расходов, затраченных на экспедицию. Скрываются ли на дне озера под вековыми илистыми напластованиями еще какие-либо сокровища? Было бы преждевременным считать, что то, что найдено при этих раскопках, исчерпывает все содержащиеся в озере богатства. Но на основании имеющихся данных было бы не менее опрометчиво предполагать, что индейское племя муисков практиковало церемонию с «позолоченным человеком» долгое время или что их золотые приношения были когда-либо очень многочисленными. Возможно, что золота на дне озера осталось не так уж много.

Маноя, второе Эльдорадо, впервые появилось на карте, вычерченной Рэлеем приблизительно в 1596 году. Эта карта предназначалась для неоконченной и неопубликованной рукописи, хранящейся сейчас в Британском музее. Иодок Хондий, голландский картограф, работавший в Англии, опирался на нее при составлении карты Южной Америки в 1598 году. Это была первая из опубликованных карт, на которой было нанесено Маноя. В 1599 году знаменитый фламандский гравер Теодор де Брай опубликовал в Кёльне свою «Америку», которая включала де-

тальную и чрезвычайно образную карту Гвианы, очевидно созданную на основе рассказов Рэлея, а не на основе карты Хондия. На ней были изображены амазонки и безголовые люди, странный зверь, под которым, видимо, подразумевался броненосец, и «море, называемое каннибалами Париме»*. На северо-западном берегу его стоял город «Маноя, или Дорадо... самый большой город в мире».

Очень трудно точно определить, как долго Маноя продержалось на карте. Да это и не так существенно, поскольку первые картографы обычно копировали друг друга и потому часто продолжали изображать то, что уже устарело. У меня есть две карты Южной Америки. На обеих нет дат, но, очевидно, обе они относятся к началу 20-х годов XVII столетия. Автор одной из них, Вильгельм Блау (известный картограф того времени, изготавливавший карты для продажи), все еще обозначает озеро Парима и на его берегу город Маноя; автор другой, Михаэль Меркатор (сын знаменитого Герарда Меркатора), не обозначил на своей карте ни города, ни озера.

В картографическом отношении с Маноя-Эльдорадо было покончено к 30-м годам XVII века, но озеро Парима продолжало оставаться на картах на протяжении всего XVIII века и часто изображалось как бассейн, питающий Ориноко. К 1802 году весь бассейн реки Ориноко был исследован Александром Гумбольдтом, который доказал, что там нет озера. Но он признал, что реки во время разлива затопляют такую большую территорию, что слухи об озере могли иметь под собой реальную почву. Начиная с этого момента озеро Парима больше на картах не фигурирует.

Эльдорадо давно мертво, но призрак его все еще продолжает странствовать. Британцы, видимо, долго относились с огромным любопытством к Южной Америке — единственному континенту, на который Британская империя никогда не распространяла своей власти. В настоящее время большинство споров и слухов о Южной Аме-

* Каннибалы не в нашем понимании этого слова, а искаженное испанцами слово «кариб».

рике либо британского происхождения, либо легче всего приживается на Британских островах.

Представление о Южной Америке как о таком месте, где может случиться все, что угодно, привело к сомнительным теориям Луиса Спенса, фантастическим книгам Гарольда Уилкинса и к загадочно исчезнувшей экспедиции полковника Фосетта. Сейчас истории о потерянных городах Южной Америки, как правило, могут привлечь внимание только того сорта публики, которая любит рассказы о «летающих тарелках» и исчезнувших континентах. Подобные рассказы не имеют никакой географической ценности, поэтому серьезные географы их игнорируют и они не приводят к изменениям на картах. Но без них история Эльдорадо была бы неполной.

Не все сообщения о потерянных сокровищах непременно легендарны: существуют, например, золотые копи Мартирса где-то в центральной части Бразилии. Они разрабатывались какими-то португальцами в XVIII столетии до тех пор, пока рабы-индейцы не восстали и не убили своих хозяев. С тех пор копи так и не обнаружены.

Эта история, по-видимому, соответствует истине, но было бы ошибкой видеть Эльдорадо в каждом из слухов, доходящих до нас из недр южноамериканских джунглей. Континент, на котором значительные районы остались не исследованными до сих пор, обязательно должен был сочинить свои небывлицы.

Повествования, которые можно рассматривать как продолжение истории Эльдорадо, имеют одну отличительную черту: все они говорят о затерянном городе (обязательно полном сокровищ), расположенном у озера или какого-либо крупного водоема, который служит ориентиром, указывающим на его местоположение. Конечно, в этом нет ничего странного, так как люди во всем мире стремились строить свои города у рек или озер. Поэтому история об Эльдорадо и последующие мифы, порожденные ею, начиная с озера Гуатавита и до самых последних его вариантов, объединяет одинаковая схема расположения Эльдорадо вблизи какого-либо водоема.

Ходят, например, слухи о затерянном городе где-то на пути инков, на дороге, ведущей из Перу в «страну амазонок», следы которой сохранились. Говорят, что к городу можно подойти только по широкой лестнице, выбитой

в скале над пещерой, в которую низвергаются воды, образуя водоворот.

Однако нет никакого смысла и дальше пересказывать подобные истории. Следует признать, что джунгли Мату-Гросу еще не настолько тщательно исследованы, чтобы кто-нибудь с уверенностью мог сказать, что в них нет затерявшихся городов. Нечто в географическом смысле сходное со схемой расположения Эльдорадо могло бы, возможно, еще обнаружиться, но те, кто считает Эльдорадо реальностью, безусловно, слишком легковжны.

Якобы известная Южная Земля

Нет сомнений в том, что Южный континент реально существует и что с каждым днем о нем становится известно все больше и больше. Однако к настоящему исследованию этот факт не имеет никакого отношения и несуществен для него. Южная Земля проложила бы себе путь на карты мира и заняла бы именно то место, которое занимает теперь, даже если бы весь район Антарктики оказался лишенным суши.

Большинство изучаемых здесь географических мифов относительно недавнего происхождения — продукт позднего средневековья или эпохи открытий, но те, что относятся к Неведомой Южной Земле, насчитывают более двух тысячелетий.

Вероятно, слишком смело говорить о том, что древние греки «знали», что Земля круглая. Однако им были известны основания, позволяющие делать такое предположение, и они смогли довольно точно определить ее окружность. Они проводили различие между *ge* — земным шаром, и *oikoumene* — известным нам миром, «миром» в том смысле, что он был ареной деятельности человека.

Примерно к началу нашей эры мир, который знали греки и римляне, включал в себя Европу (кроме самого крайнего севера), район Средиземноморья и его островов, побережье Западной Африки примерно до 10° северной широты, север Африки до Сахары, долину Нила (по крайней мере до шестого порога), восточноафриканское побережье, возможно до Кении на юге, Левант и Малую Азию, Черноморское побережье, Аравию и Персию, Центральную Азию до Сырдарьи (Яксарта), Индию и Малаккский полуостров. У них были некоторые сведения об обширности Средней Азии и Китая, который им

был известен под названием Серика — страна шелка*. Кроме того, были известны некоторые прибрежные острова: на западе Канарские, возможно, острова Мадейра, Британские острова (включая Оркнейские и, возможно, Шетландские) и таинственная земля Ultima Thule (Крайнее Туле), под которой подразумевалась либо Исландия, либо, что более вероятно, Скандинавия (Шетландские острова упоминались также как вероятность); на востоке остров Сокотра, Мальдивские острова, Цейлон, Никобарские и Андаманские острова, остров Суматра и, возможно, некоторые другие острова Индонезийского архипелага. По представлению античных географов, жара неуклонно увеличивалась по мере продвижения на юг, пока на экваторе не становилась такой сильной, что исключала всякую возможность существования; следовательно, они ничего не знали, по крайней мере официально, об областях, находящихся за пределами экватора, хотя есть данные о том, что экватор несколько раз пересекался еще в античные времена. Зато вопреки утверждениям некоторых энтузиастов нет ни малейших убедительных доказательств того, что римлянам было что-нибудь известно об Америке.

Греко-римские географы были убеждены, что известный им мир составляет не больше четверти поверхности земного шара, но они не могли допустить и мысли, что за его пределами ничего нет. Это противоречило их здравому смыслу и симметрии. К тому же, по их мнению, должны были существовать приблизительно равные массы суши в других четвертях мира, хотя бы ради сохранения физического равновесия, иначе мир опрокинулся бы.

Теперь мы знаем, что Земля удерживается в определенном положении силой гравитационного притяжения других небесных тел и существенна общая масса земного шара, а не ее распределение, и что в межпланетном пространстве нет понятия «верх». Но для того времени аргументация античных ученых была вполне убедительной.

Поскольку была допущена мысль о существовании других стран, нужно было признать и возможность путешествий в них. И этот факт плюс поэтическое воображение, по-видимому, стали источником многих упоминаний в классической литературе о «землях за морем», которые

* Римляне называли шелк «серикум». — *Прим. ред.*

приводятся как доказательство незафиксированного открытия Америки в древности.

В истории науки новые открытия постоянно вытесняют старые концепции, поэтому часто случается так, что в памяти остаются заблуждения ученого, а о важной работе, проделанной им, забывают. Ярким примером этому может служить великий грек из Александрии, астроном и географ Клавдий Птолемей, который в наше время известен широкой публике как автор теории о том, что Солнце и планеты вращаются вокруг Земли. Птолемею была знакома идея о возможном вращении Земли вокруг Солнца, но он отклонил ее из-за недостатка доказательств и поступил по тому времени совершенно правильно. Он был географом, астрономия привлекала его главным образом тем, что положение звезд могло помочь определять местонахождение на Земле. Его главный интерес был направлен на изыскание средств для определения расстояний и местоположений на Земле, и его работа значительно содействовала последующему искусству определения широты и долготы.

Во вступлении я указывал, что до нас не дошли греческие карты. Однако могут быть исключения, например знаменитая карта мира, приписываемая Птолемею. В настоящем своем виде она может быть прослежена только до издания Ульма, опубликованного в 1482 году (хотя, возможно, были издания и более ранние), которое, вероятно, основывалось на более раннем оригинале и потому является наиболее достоверным. На карте этого издания берега как Африки, так и Малайи показаны спускающимися южнее экватора до соединения с Terra Australis (Южной Землей), которая дальше распространяется в обоих направлениях, опоясывая всю южную окраину Земли. Это фактически превращает Индийский океан во внутреннее море, а Африку — в гигантский полуостров Южной Земли.

Птолемей, без сомнения, был знаком с египетско-финикийской экспедицией, которая в VII веке до нашей эры якобы обогнула Африку и доказала, что у нее есть южная оконечность. Но он, вероятно, просто не поверил этому. Геродот, рассказавший о плавании этой экспедиции, тоже этому не верил. Птолемей предпочел принять теорию человека, пользовавшегося большим научным авторитетом, астронома Гиппарха, жившего во II веке

до нашей эры, который предполагал, что Африка и Южная Земля соединяются, образуя замкнутое море — Индийский океан, наподобие Средиземного моря. Во времена Гиппарха для подобных представлений были свои причины. Незадолго до этого была открыта земля Тапробан (Цейлон) к югу от Индии, которая могла быть полуостровом Южного континента. Но ко временам Птолемея уже было доказано, что Тапробан — остров. В последующие века такая же судьба неоднократно постигала и другие форпосты Terra Australis, сведения о которых доходили до ученых.

На упомянутой карте Птолемея, если она точно соответствует подлиннику, впервые подробно нанесено изображение Terra Australis Incognita (Неведомая Южная Земля). Другая карта с изображением Южной Земли, дошедшая до нас, была составлена в XII веке арабским географом Идриси для короля Сицилии Рожера II. Во всех практических аспектах Идриси просто следовал схеме Птолемея и, возможно, знал его карту, хотя в его варианте береговая линия Африки, хорошо знакомая арабским морякам, изображена значительно точнее. Теории Птолемея вновь возбудили интерес в Европе только в XIII веке, но картографы средних веков направили свои усилия главным образом на изучение Европы, Азии и Африки, не рискуя углубляться в неведомое. В средневековой Европе мнения по вопросу о том, существует ли вообще такая земля Terra Australis, разделились.

Обычно ошибочно предполагают, что средневековые ученые считали Землю плоской до тех пор, пока Колумб (или какой-нибудь его современник) не выдвинул радикальной идеи о сферичности Земли. Необразованные люди, несомненно, так считали; впрочем, они и сейчас придерживаются того же мнения. На заре средневековья некоторые географы действительно провозгласили, что Земля плоская, но они были византийцами, а не жителями Западной Европы, и их идеи мало повлияли даже на их современников. Аристотель был главным научным авторитетом в культурной среде средневекового общества, общества, для которого вера Аристотеля в округлую форму Земли была сама по себе достаточным доказательством, не говоря уже о подтверждении этого положения многими греческими географами, работы которых были хорошо известны в то время в латинском переводе. Географы, предпо-

дававшие в средневековых университетах, основывались на том, что Земля — шар*, и символический шар, который императоры Священной Римской империи держали в руках во время торжественных государственных церемоний, рассматривался как символ их власти над всем миром.

Но к этому времени уже понимали, что Terra Australis — не обязательное условие для создания равновесия в мире. В соответствии с христианскими идеями о мире, подкрепленными выдержками из Библии, предполагалось, что всемогущий бог может удержать Землю в равновесии независимо от распределения тяжести. Те средневековые ученые, которые высказывались в пользу существования Terra Australis, основывались на греческих авторитетах. Их противники подкрепляли свои соображения более современными доводами, а именно: ссылались на изобретение компаса. Они утверждали, что, поскольку магнитная игла указывает на север, она, следовательно, притягивается более крупной концентрацией суши в северном полушарии или бóльшим числом звезд на северном небе.

Возникали также и теологические споры, но они больше касались проблемы возможного населения Южной Земли, чем существования самого континента. Если Terra Australis необитаема, к чему было господу богу так расточительно относиться к пространству? (Но тогда разве не расточительство, если все это пространство состоит из одной воды?) Если оно населено, то его обитатели, вероятно, язычники, но как же тогда можно выполнить предписание священных книг «идти в мир и проповедовать Евангелие», ведь на пути туда лежит район экватора? А если бог все же поместил туда людей, не способных искупить свои грехи, то, значит, на нас падает задача проповедовать им, и должен существовать путь туда, который мы еще не нашли**.

* В средневековом университетском курсе (квадриуме) география преподавалась как отрасль геометрии. Адам Бременский был одним из немногих средневековых ученых, употреблявших слово «география».

** После открытия Америки некоторые теологи, которые ранее доказывали, что Terra Australis заселена, стали утверждать, что индейцы не настоящие люди, а существа, созданные сатаной для его личных целей. Но это шло вразрез с ортодоксальной католической доктриной, которая считает, что только единый бог способен творить.

В течение XV века было доказано, что средневековые ученые правы по крайней мере в своем утверждении, что экватор можно пересечь. Оказалось, что это до смешного просто: взять и переплыть его. Португальский принц Генрих Мореплаватель (который никогда сам не совершал дальних плаваний) развил бурную деятельность по исследованию побережья Африки. Его задачей было открыть источники богатого аллювиального золота Гвинеи и, если возможно, морской путь на Восток, чтобы миновать враждебных мусульман, контролировавших средиземноморский бассейн. Когда португальские моряки осторожно пробирались на юг вдоль побережья Западной Африки, они повсюду находили буйную растительность и обитающих там людей и никаких признаков приближения выжженной безлюдной экваториальной зоны, непригодной для жизни. Наконец в 1472 году экспедиция под командованием Сикейры пересекла экватор без всяких тяжелых последствий.

Шестнадцать лет спустя Бартоломеу Диаш обогнул южную оконечность Африки и к югу от нее не нашел ничего, кроме открытого моря. Таким образом, концепция Птолемея о Южном континенте был нанесен сокрушительный удар.

Это, конечно, еще не доказывало, что не существует континента дальше на юг. Едва только вера в существование Южного континента, имеющая тысячелетнюю традицию, была подорвана, как возникло новое всеобщее убеждение, что какой-нибудь континент все же существует, на этот раз не математическая абстракция или предмет веры в авторитет классиков, а реальный массив суши, к которому может пристать мореплаватель. Экватор был пересечен, и это могло служить доказательством того, что путешествие туда возможно.

Затем наступил 1492 год и открытие западных стран. Колумб до конца своих дней верил, вернее, не позволял себе разувериться в том, что он действительно достиг Востока, плывя на запад. Но еще до смерти Колумба Америго Веспуччи заявил, что Колумб открыл доселе неведомую землю. Событие это стало широко известно за пределами Испании, а Новый Свет получил имя Америго. Всеобщий эффект был ошеломляющим: открыть так много, столь долго неведомое, и так внезапно и сенсационно! Сколько же еще может быть не открыто? Создавалось впечатление,

чатление, что Terra Australis уже вырисовывается с полной определенностью. Все-таки мудрые греки, должно быть, были правы, говоря о южной земной массе.

«Введение в космографию» — сочинение Мартина Вальдземюллера, опубликованное во Франции в 1507 году, было тем источником, в котором впервые употребляется название «Америка», однако позднее, в издании 1513 года, Вальдземюллер заменил название «Америка» (использовавшееся только для современной Южной Америки) названием Terra Incognita (Неведомая Земля). Название Terra Australis (Южная Земля), традиционно используемое для обозначения предполагаемого Южного континента, вскоре смешалось с ним, и возникло новое наименование — Terra Australis Incognita (Неведомая Южная Земля), которое присутствовало на картах мира на протяжении всего XVI столетия и значительную часть XVII. Некоторые более оптимистичные картографы предпочитали называть ее Terra Australis Nondum Cognita (Пока Неведомая Южная Земля).

Во время своего третьего плавания в 1502 году, которое увлекло его далеко на юг, Веспуччи установил, что существует юго-юго-западный скос восточной прибрежной полосы Южной Америки, и географы предположили, что аналогичное явление наблюдается также и на западной стороне. Они представили себе, что Южная Америка имеет грубо клинообразную форму, южная оконечность которой омывается морем и окаймлена Южным континентом. Эту концепцию хорошо иллюстрирует карта, опубликованная в Нюрнберге в 1515 году Иоганном Шёнером, на которой за четыре года до плавания Магеллана уже показан пролив*. Некоторые историки предполагали, что Шёнер, возможно, располагал какими-то данными, привезенными из более ранних забытых путешествий, но никаких веских причин для подобных предположений нет. Мысль о том, что у Южной Америки есть оконечность, поддерживалась в географических кругах, но принималась не всеми. И именно для того, чтобы найти эту оконечность и, если она существует, обогнуть ее и поискать западный путь в Индию, в 1519 году пустился в путь Магеллан.

* Антонио Пигафетта, который вел записи во время путешествия Магеллана, ожидал найти пролив, следовательно, он мог быть знаком с этой картой.

Он убедился, что географические условия, несомненно, соответствуют характеристике Шёнера: узкий южный мыс континента, извилистый морской проход, к которому с юга примыкает земля, имеющая, как казалось, значительную протяженность. Ночью вдоль южного берега пролива можно было видеть многочисленные огни. На самом деле это были костры кочующих индейцев, но Магеллан думал, что огни вулканического происхождения, и назвал эту землю *Tierra del Fuego* (Огненная Земля).

Ни Магеллан, ни его товарищ по плаванию, итальянец Антонио Пигафетта, который вел дневник путешествия и начертил примерную карту пролива, не решились утверждать, что они открыли Неведомую Южную Землю. Но европейские географы сами сделали такое предположение, и *Tierra del Fuego* прочно, почти на целое столетие, обосновалась на карте как *Terra Australis* непосредственно под Южной Америкой*. Наконец в 1616 году голландский мореплаватель Вильям Корнелиус Скоутен обогнул Огненную Землю с юга, доказав тем самым, что эта Земля — остров, и дал самому южному его выступу название мыс Горн, по имени своего родного города. К юго-востоку от него он увидел новый берег, названный им Землей Штатов, и решил, что это может быть северный выступ Южного континента, но впоследствии оказалось, что это лишь незначительный островок**.

Таким образом, *Terra Australis* снова пришлось отступить. Между тем вести о ней стали приходить отовсюду. В 1545 году испанский путешественник Иньиго Ортис Ретес обнаружил большой остров к востоку от Молукк, который он из-за его чернокожего населения назвал Новой Гвинеей. Может быть, это северный мыс неизвестной земли? В последующие шестьдесят лет не было никаких причин думать иначе.

В 1567 году из Перу в плавание вышел Альваро де Менданья де Нейра. Он направлялся на запад, разыскивая какой-либо континент в безграничных просторах Тихого

* В 1525 году испанец Франсиско Осеса видел юго-восточную оконечность Огненной Земли, но его сообщение тогда осталось без внимания. В 1577 году Огненную Землю обогнул англичанин Френсис Дрейк и доказал, что это не выступ неведомого Южного материка, а архипелаг. — *Прим. ред.*

** В настоящее время он принадлежит Аргентине, и его название дается в испанском переводе — остров Эстадос. — *Прим. ред.*

океана, не обязательно Terra Australis. Ему посчастливилось найти острова, которые он назвал Соломоновыми, по-видимому по аналогии с библейским преданием, надеясь на то, что там окажется золото. Путешествие туда, так же как и обратное путешествие, было адски трудным. Только в 1595 году ему удалось предпринять повторное плавание для реализации своего открытия. Но в том же году на пути к Соломоновым островам он умер, и командование экспедицией взял на себя его помощник Педро Эрнандес Кирос. Ему не удалось найти островов, но тем не менее, возвратившись в Европу, он сумел произвести впечатление как на короля Испании Филиппа III, так и на папу Климента VIII своими небылицами об открытиях, которые можно сделать в Тихом океане, и о бесконечном количестве золота и рабов, которые там можно раздобыть. Наконец в 1605 году ему предоставили возможность вновь попытаться счастья. Через пару лет он возвратился в Испанию и попытался поразить короля своим фантастическим рассказом о континенте, который он якобы открыл и объявил собственностью испанской короны. Он назвал этот мнимый материк *Austrialia del Espiritu Santo* (Австралия Святого Духа) и торжественно заложил там город Новый Иерусалим. В соответствии с его версией новый континент был больше Европы, а золота в нем было больше, чем в Перу. На самом же деле он открыл архипелаг Новые Гебриды и *Austrialia* была лишь одним из его островов. Делал ли он в своем отчете слишком поспешные выводы или это было намеренное желание ввести всех в заблуждение значительностью находки, сейчас определить невозможно. Во всяком случае, его рассказы не имели никаких географических последствий. Испанские власти были достаточно опытными для того, чтобы распознать намерения моряка. Они не поверили Киросу и не предали гласности его доклад, о котором стало известно значительно позднее.

На время своего отсутствия Кирос оставил колонию «Австралия» под присмотром лейтенанта Луиса Ваэса Торреса, но Торрес считал, что его покинули, и вскоре отплыл на Филиппины, бывшие испанским владением. По пути он обогнул с южной стороны Новую Гвинею и доказал, что это остров, но к югу от своего курса увидел новую береговую линию [северный берег Австралии.— *Ред.*]. Эти сведения тоже не имели никаких географических по-

следствий, так как были погребены в архивах Манилы и были вновь обнаружены лишь в XVIII веке. Только после этого пролив между Новой Гвинеей и северной оконечностью полуострова Квинсленд получил название Торресова, так как Торрес был первым из европейцев, оповестившим мир о существовании континента Австралия. Внимание всего мира было снова приковано к этому району лишь в 1616 году, после того как голландец Дирк Хартог обследовал западный берег Австралии.

Период, когда *Terra Australis Incognita* стала царить на картах в полном блеске, уже начался.

В начале XVI века Неведомая Земля изображалась в виде нечеткой продолговатой фигуры у самого Южного полюса, как, например, на небрежно вычерченной карте 1528 года Пьеро Коппо, где она помещена точно к югу от Африки и названа *Isola Pocho Cognita* (Малоизвестный остров). Но положение изменилось, когда в 1531 году Оронс Фин, французский математик, начертивший первую французскую карту Франции, создал великолепную карту двух полушарий в полярной проекции и показал в самом выгодном свете широкие просторы Южной Земли с горными вершинами и заливами. Следует признать, что очертания обозначенного им Южного континента, хотя и слишком обширного, поразительно сходны с подлинной береговой линией Антарктики, известной нам теперь. Начиная с этого времени становится все более и более ясным, что *Incognita* — ошибочное название, так как, судя по картам, об этом мнимо неизвестном континенте уже многое было известно.

Дальше этим континентом занялся Герард Меркатор. Он известен как изобретатель картографической проекции, при которой Земля рассматривается не как сфера, а как цилиндр. Это влечет за собой максимальное искажение расстояний к северу и к югу от экватора, но проекция Меркатора удобна для составления навигационных карт. На своей знаменитой и очень важной карте мира 1569 года Меркатор превратил красивую *Terra Australis* Фина в огромную неуклюжую фигуру. Если принять Огненную Землю за исходную точку, то можно сказать, что континент показан следующим образом: он огибает оконечность Южной Америки зубчатой береговой линией, затем поднимается к северу, образует вогнутую кривую южнее Африки и опускается к югу, образуя большой за-

лив далеко на юг от Индии. Затем в виде огромного мыса, устремленного к северу, он почти соприкасается с Явой. Следующий, меньший по размеру мыс не доходит до тропика Козерога и переходит в огромный мыс, который достигает южной стороны причудливо вычерченной Новой Гвинеи и постепенно превращается в конус на юге напротив Огненной Земли. За этой картой последовала другая, еще более популярная карта фламандского картографа Ортелия, который обратил на себя всеобщее внимание, создав в 1571 году первый атлас мира. Береговую линию Южного континента Ортелий скопировал с карты Меркатора, но добавил еще больше деталей. Район Огненной Земли был заполнен группой прибрежных островов, которые он назвал Архипелагом островов. Многим из них Ортелий дал названия. Кроме того, он отметил несколько мысов (например, мыс Хозяина, мыс Доброго Знака, мыс Желания) и даже рек (река Островов, Прелестнейшая). К югу от Африки он расположил Страну Поцугасев, пометив, что такое название дали ей португальцы*. На большом полуострове, простирающемся к северу, в сторону Явы, Ортелий поместил три прибрежных района, скопированных у Меркатора под названием *Lusach*, *Beach* и *Maletur*, а также прибрежный остров, названный *Java Minor* (Малая Ява).

Эти названия по крайней мере поддаются объяснению. Они заимствованы у Марко Поло. Великий венецианец, описывая Китай, говорит о южном районе *Лосас*, где было найдено золото, который он, однако, сам не посетил. Очевидно, он имел в виду какую-то часть Индо-Китая, а *Lusach* — просто неправильно помещенный *Лосас*. Поло упоминает о *Malaiur* (Малайе), которую здесь легко узнать под названием *Maletur*. Под *Java Minor* вначале, возможно, подразумевалась Суматра, но она была смещена к югу от *Java Major* (Большой Явы), вероятно, в целях симметрии.

Перенесение азиатских территорий на Южный материк можно объяснить тем, что подобные перемещения

* На значительно более ранней карте Пири Рейса (1513 год), которая показывает Южную Америку и Австралию неотделенными одна от другой, на том же месте нарисованы шестирогие быки и дается пояснение, что португальцы помещали таких быков на своих картах. Возможно, что какие-нибудь приукрашенные истории португальского происхождения широко распространялись в XVI столетии и оказывали свое влияние на географов.

названий с одного места на другое были обычным явлением в географии, основанной на догадках; объяснить такие явления мы не можем, а можем лишь отметить их, когда они встречаются. В седьмой главе мы увидим, что то же происходило и в случае с Анианом, еще одним местом, упомянутым Марко Поло.

Архипелаг островов, река Прелестнейшая, различные мысы, Страна Попугаев и прочее были, вероятно, чистым полетом фантазии, хотя Ортелий, несомненно, пользовался каким-то источником.

Так, завоевавшая себе прочное место Малоизвестная Южная Земля заполняла нижнюю часть карты мира на протяжении почти всего следующего столетия.

Как уже упоминалось раньше, Торрес был первым европейцем, сообщившим о том, что он видел побережье Австралии (в 1606 году). Но Дирк Хартог был первым, чей доклад был опубликован (в 1616 году), и потому оказал влияние на географов. По некоторым признакам можно судить, что и раньше было известно о существовании этой страны, по крайней мере португальцам. Некоторые данные свидетельствуют о том, что португальские моряки еще в 1540 году знали о земле, которую они называли Большая Ява, и думали, что это часть *Terra Australis*. Еще раньше, на карте Йорга Рейнела приблизительно 1510 года, якобы первой португальской карте Индийского океана, появилась двойная линия примерно на месте западного берега Австралии — условный прием, которым пользовались для обозначения берега, замеченного, но не исследованного. Сообщения об этих фактах, возможно, повлияли в некоторой степени на представления о *Terra Australis*, но не имели никаких практических последствий.

Следующий период — это в известной степени история смелых экспедиций мореплавателей-голландцев. После того как они впервые разглядели берег западной Австралии, они продолжали прилагать все усилия к тому, чтобы его разведать, чего португальцы, как видно, не делали. Во время своих путешествий они останавливались в разных местах побережья, изучая его до тех пор, пока, сложив вместе все полученные сведения, не смогли представить себе в общих чертах линию берега. Одновременно другие голландские моряки проводили разведку тех мест, которые теперь известны как восточное побережье Австралии, а тогда принимались голландцами за южное продол-

жение Новой Гвинеи (пролив Торреса они принимали за залив). Создавалось впечатление, что Южная Земля наконец найдена; казалось, вырисовываются береговые линии большого полуострова с прибрежными районами *Maletur* и *Beach*, хотя и значительно восточнее, чем предполагалось.

К началу 40-х годов XVII столетия голландцы уже обследовали и даже нанесли на карту большую часть западного побережья Австралии. К 1642 году было известно, что к югу от мыса Лёвин берег принимает восточное направление. Возник вопрос, что это — конец суши или начало большого залива? Ван Димен, губернатор голландской Восточной Индии, отправил в плавание капитана Абея Тасмана, чтобы тот выяснил, является ли Австралия частью Южной Земли.

Тасман поплыл вдоль западного берега до мыса Лёвин, затем к юго-востоку. Долгое время не было видно никакой суши, но наконец он увидел на севере довольно большую землю и, не зная, остров это или полуостров австралийского континента, назвал ее Вандименова Земля (в честь губернатора). На самом деле это был большой остров к югу от Австралии, и англичане позднее переименовали его в Тасманию, в честь первооткрывателя.

Тасман продолжал плыть на юго-восток и приблизительно через 1000 миль обнаружил гористый берег, который назвал Новой Зеландией (это был южный остров этой группы). Затем он возвратился северным курсом, открыв по пути острова Тонга и Фиджи. Проплыв беспрепятственно тысячи миль вокруг Австралии, он доказал, что она не какая-либо часть Южного континента, а отдельная земля. Что касается побережья, названного Новой Зеландией, то это могла быть и часть *Terra Australis Incognita*, но он не нашел никаких признаков, служащих тому доказательством.

В дальнейшем на протяжении почти целого столетия вопрос о Неведомой Южной Земле не поднимался. Постепенно она исчезла и с карт. Дело было не в том, что ее перестали считать существующей, а в том, что у географов XVII века появилась тенденция наносить на карту только то, что было проверено, а неисследованные районы оставлять незаполненными, не пытаясь заполнять их по догадке. Например, «Новая и весьма точная карта земного шара» Николая Вишера, не датированная, но, вероятно,

относящаяся к 1660-м годам, дает очертания Австралии (кроме восточного берега) и южной оконечности Тасмании с достаточной точностью, а также общие очертания известного берега Новой Зеландии, но совершенно не показывает Южной Земли. Антарктическая область в полярной проекции этой карты совершенно пустая, если не считать показанной на ней южной оконечности Южной Америки с островом Огненная Земля.

Девяносто шесть лет прошло со времени путешествия Тасмана. И вот один молодой честолюбивый француз по имени Жан-Батист Буве поддался уговорам французской Ост-Индской компании и отправился в плавание в южные воды не столько ради поиска *Terra Australis*, сколько для общих исследований. Буве смело поплыл на юг, в район самой плохой в мире погоды, к знаменитым «ревушим сороковым» широтам. 1 января 1739 года он увидел землю: два мрачных оледенелых пика, неясно вырисовывавшихся на горизонте.

Детали этого события не совсем ясны. Возможно, что Буве увидел за этими пиками остров с отлогим берегом, окутанным туманом. Во всяком случае, ему показалось, что это мыс, за которым находится обширная земля, тянущаяся на юг, и по возвращении во Францию он сообщил об открытии северной оконечности Южного континента. Поскольку он увидел землю 1 января, в день христианского праздника «Обрезания господня», он назвал этот мыс «мысом Обрезания».

Географы отнеслись к этому открытию скептически. В ожидании дальнейших исследований они назвали открытый Буве остров его именем. И два столетия спустя после этой истории, необычной для столь незначительного острова, он все еще носит имя своего первооткрывателя.

Но были люди, поверившие Буве. Один из них — Филипп Бош. В 1754 году он опубликовал эффектную карту, сделанную в южной полярной проекции. На ней показана *Terra Australis* внушительных размеров, разделенная на две части внутренним морем. Приблизительно в центре этого моря расположен Южный полюс. На той части материка, которая обращена к Африке и Южной Америке, Бош показал мыс Обрезания; часть к югу от Австралии, значительно большая, включает северное побережье Новой Зеландии. На полях дается описание

открытия Буве и крупным планом показан мыс его имени.

Эта карта вызвала оживление. Известный натуралист и математик граф де Бюффон публично выразил свое мнение в пользу существования такого континента и даже объявил, что он считает его обитаемым. То же самое вскоре сделал Александр Далримпл, главный гидрограф британской Ост-Индской компании, а позднее Королевского флота.

Различие мнений привело к спору. Но взгляды официального лица, эксперта по океанам и всему тому, что в них таится, приходилось принимать всерьез. Настало время раз и навсегда решить вопрос о Неведомой Южной Земле.

Человек, на которого пал выбор осуществить эту задачу, был знаменитый Джеймс Кук, известный всему миру как капитан Кук, выдающийся исследователь, внесший большой вклад в развитие географической науки.

В 1768 году Королевское общество направило его с группой ученых в южную часть Тихого океана для наблюдения за Венерой в тот момент, когда она будет проходить через диск Солнца. Британские астрономы избрали остров Таити (впервые открытый Кирсом в 1605 году во время его второй попытки найти Terra Australis и вновь открытый в 1766 году англичанином Самюэлем Уоллисом) как самый удобный для выполнения намеченной работы*. И Кук первый создал популярность Таити. В своих рассказах об этом острове и его народе он нарисовал роскошную картину островов южных морей с перистыми пальмами, спокойными лагунами и влюбчивыми девушками. Кук изучил острова вокруг Таити и назвал их островами Общества в честь Королевского общества, которое его финансировало. Оттуда экспедиция направилась к земле, о которой сообщил Тасман, называемой Новой Зеландией. Было установлено, что это два острова, к югу от которых нет ничего, кроме открытого моря. На обратном пути Кук обошел восточный берег

* Наблюдения за Венерой были лишь предлогом. Истинные цели экспедиции заключались в поисках Южной Земли и присоединении к Британской короне новых территорий. Именно поэтому во главе ее был поставлен моряк, а не ученый.— *Прим. ред.*

Австралии и нанес его на карту. Таким образом, общие очертания этого района были закартированы (подробно он был изучен в 1822 году, когда Филипп Паркер Кинг завершил обследование берега, начатое Куком).

Проблема Южной Земли приковала к себе внимание Кука, и к 1772 году ему удалось найти средства для организации новой экспедиции, в задачу которой входили тщательные поиски континента. Два его судна — «Резолюшн» и «Адвенчер» — были идеально приспособлены для разведывательных работ. Это были северные угольные суда (угольщики) с небольшой осадкой, очень емкие, маневренные почти в любых водах и легко выволакиваемые на берег, когда их днища требовали очистки. Во время этого плавания Кук исколесил всю южную часть Тихого океана, открыл много островов, включая Новую Каледонию и группу, в настоящее время носящую его имя (острова Кука), но не нашел никакого континента. Три раза он первым из европейцев пересекал Южный полярный круг.

Затем Кук направился на восток вокруг мыса Горн к району Южной Атлантики, где, как сообщал Буве, находится северная оконечность Южного континента. По пути он открыл мрачный субантарктический остров, который назвал Южная Георгия. Комментируя его «дикий и ужасный» облик, Кук добавил, что «если судить о континенте по этому образчику, то Terra Australis не стоило бы открывать». Его долгие поиски земли Буве ни к чему не привели. Туман помешал ему заметить остров, он не нашел никаких следов земли и пришел к выводу, что Буве, возможно, был введен в заблуждение гигантским айсбергом. По возвращении в Англию Кук сообщил, что если какой-нибудь южный континент и существует, то он должен находиться в пределах Южного полярного круга.

Так закончилась эпопея Terra Australis Incognita. То, что последовало за этим, к ней не относится, так как это было уже открытием и изучением реальной Антарктиды. В конце XVIII и начале XIX столетия китобойи и охотники за моржами открывали различные острова к югу от Южной Америки: Южно-Оркнейские острова, Южные Шетландские острова, группу Южных Сандвичевых островов — и постепенно подходили к континенту. Невозможно точно определить, кто именно открыл Ан-

тарктический континент*, так как многие записи мореходов очень туманны. В 1820 году капитан британского военно-морского флота Эдвард Брэнсфилд и шкипер американского зверобойного судна Натаниель Палмер высадились на территории, которая традиционно наносилась на карту как полуостров Антарктика и стала называться на американских картах Землей Палмера, а на английских сохранила название Земля Грейама. Произошел спор по поводу того, кто из них был первым, но, судя по имеющимся данным, Брэнсфилд опередил Палмера на несколько месяцев. Это едва ли имеет какое-либо значение, так как исследования, произведенные во время Международного Геофизического года 1957—1958, доказали, что «полуостров» на самом деле совсем не часть материка, а группа островов, спаянных ледником.

Возможно, что истинная заслуга открытия континента принадлежит Джону Биско, капитану английского зверобойного судна, который в 1831—1832 годах проплыл вокруг континента, присоединил Землю Грейама к английской короне и обнаружил выступ Южного материка, который он назвал Землей Эндерби в честь своих хозяев, лондонской фирмы братьев Эндерби, которая поощряла антарктические исследования попутно с китобойным и тюленьим промыслами. Но все это уже не относится к истории Неведомой Южной Земли, к истории связанных с ней мифов и бесплодных поисков.

Когда я писал эту главу, я еще не прочел книги Чарльза Хэпгуда «Карты древних морских королей». В ней он развивает, и довольно убедительно, ошеломляющую теорию о том, что около десяти тысяч лет назад, до эпохи последнего оледенения, существовала развитая культура мореплавания, благодаря которой весь мир был исследован и закартирован. Он считает, что некоторые из карт этого периода сохранились до сравнительно недавнего времени, были известны отдельным географам и копировались ими; это и объясняет поразительную точность и современность деталей на некоторых древних картах. В частности, Хэпгуд считает, что форма Terra Australis — результат точ-

* Здесь и ниже автор упорно обходит молчанием заслуги русских мореплавателей в открытии Антарктиды. — *Прим. ред.*

ного исследования побережья Антарктики, проведенного до последнего оледенения. Эта форма сохранилась на протяжении веков на нескольких древних картах, скопированных в увеличенном масштабе Оронсом Финном и другими картографами. Источником, натолкнувшим Хэпгуда на исследования, приведшие к этой теории, была карта Пири Рейса, упоминавшаяся выше. Я не могу не признать, что мне свойственна склонность к романтике, и потому хочу верить гипотезе Хэпгуда, но недостаток данных вынуждает меня к осторожности. Но так или иначе книга, безусловно, заслуживает внимания тех, кто любит карты и географию.

Необычайный случай с Фрисландией

«К юго-западу от Исландии расположен другой остров, не менее холодный. Обычно его называют Фризланд из-за того, что на нем постоянно стоят морозы. Латиняне дали ему наименование Фрисландия, чтобы отличить этот остров от Фризии в Германии*. Он расположен в зоне вечной мерзлоты, но не так далеко в глубь Арктики, как Исландия. Самый длинный день в середине лета около 20 часов, и все же почва настолько холодная и бесплодная, что на ней не родятся ни зерновые, ни другие земные плоды, и население питается главным образом рыбой. Рыба также и единственный товар, которым можно заинтересовать купцов. Ее ловят у этих берегов в таком изобилии, что остров постоянно посещают ганзейцы, шотландцы, голландцы, датчане и англичане. Англичане так зачастили туда в минувшие годы, что люди стали называть этот остров Западной Англией. По размеру он немного больше Исландии, но из-за того, что климат там очень суровый и из-за других упомянутых выше недостатков он мало населен. Главный город этого острова называется Фризланд, по имени острова. Расположен он на восточном берегу. Помимо него, на карту нанесены и другие поселения, но они не представляют особенного интереса. К западу от Фризланда, как сообщает нам Зиглер (а вслед за ним и Маджини)**, находится меньший по размеру остров, называемый

* Прибрежная полоса в Германии у Северного моря и Нидерланды, населенные фризами.

** Маджини — это Джованни Антонио Маджини, математик, который в 1596 году выпустил в свет новое издание сочинений Птолемея с новыми картами. Зиглер — по видимому, Яков Зиглер, который в 1536 году опубликовал запутанную карту Северной Атлантики, на которой, однако, не были обозначены эти острова. Хейлин, очевидно, допустил здесь ошибку.

Икария. Он дал свое имя морю, которое его омывает. Назван он так (по ошибке автора или в соответствии с легендой) по имени Икара, сына шотландского короля Дедала, который когда-то (но никто не знает, когда именно) правил этими островами».

Это сообщение появилось в «Космографии» Питера Хейлина, изданной в 1659 году. Оно производит впечатление добросовестного краткого описания физической и экономической географии довольно отдаленного, но тщательно исследованного уголка земли, острова, о котором в упомянутой заметке говорится, что он «принадлежит норвежской короне». Написание слова «Фризланд» Хейлин изменяет таким образом, чтобы оно соответствовало его объяснению этого названия: на картах того времени его писали Friesland, Frisland или Frislandia. Но если оставить в стороне написание слова, то данное им описание острова кажется достаточно обстоятельным, правдоподобным и совершенно нелегандарным. Однако проблема состоит в том, что такого острова не существует.

Сейчас же возникает вопрос: а не мог ли он уйти под воду? Ответ, безусловно, должен быть отрицательным. И дело совсем не в том, что погружение островов в море вещь невозможная. Известно, что многие из них исчезли в вулканическом районе исландских вод, но остров с такой характеристикой — большой, населенный, с несколькими городами, участвующий в мировой торговле, постоянно посещаемый европейскими судами и особенно хорошо известный в Англии — не мог исчезнуть просто так, как будто бы он спрятался в тот момент, когда все закрыли глаза. Катастрофа такого рода вошла бы в историю, затмив трагедию Помпеи и Лиссабона, а слово «Фрисландия» было бы в настоящее время общеупотребимым, а не представляло бы географической загадки.

Но если этот остров существовал лишь в воображении тех, кто его придумал, то тогда возникает трудноразрешимый вопрос. То, что было изобретено Эльдорадо, привлекавшее к себе внимание сверканием золота, или заманчивый Южный континент, вполне понятно. Но зачем было придумывать прозаический северный остров, населенный торговцами рыбой?

Начало этой истории положила публикация маленького томика с очень длинным названием: «Открытие остро-

вов Фрисландия, Эстландия, Энгроенландия, Эстотиландия и Икария, сделанное двумя братьями Дзено, Николо и Антонио, с приложением карты указанных островов». Это произошло в Венеции в 1558 году. Автор (или соавтор, или редактор, неизвестно, что вернее) не назвал себя, но было установлено, что это был Николо Дзено из той же известной венецианской семьи, что и двое упомянутых братьев, член Совета десяти, управлявшего Венецианской республикой. Эту историю было бы гораздо легче распутать, если бы в ней не участвовали два человека по имени Николо Дзено. Для ясности мы будем различать Николо I — мореплавателя, жившего в XIV столетии, и Николо II, опубликовавшего эту книгу, жившего в XVI столетии и подарившего миру не только целое собрание географических мифов, но и один из самых загадочных и таинственных документов во всей литературе о путешествиях.

В XVI и начале XVII столетия «Книгу Дзено» воспринимали как выдумку. Позднее у географов начали возникать сомнения. Ричард Генри Мейджор, большой знаток истории географии, сделал в 1873 году английский перевод этой книги, приведя убедительные доказательства ее достоверности. Его изложение усложнено априорными предположениями и окольными рассуждениями, но ему действительно удалось установить несколько существенных положений. В 1898 году другой англичанин, Фредерик Льюкас, вновь изучил повествование Дзено главным образом с целью критики книги Мейджора. Американец Уильям Х. Бабкок в 1922 году осторожно занял промежуточную позицию. Другой американец, Фредерик Поля, в 1951 году решительно выступил в своем исследовании на защиту обоих Дзено, привлекая для своих доказательств последние данные науки*. Затем в 1954 году было сделано археологическое открытие, которое, как казалось, наконец избавило от сомнений всех сторонников подлинности «Книги Дзено», так как под описанные в ней факты была подведена реальная база. Но об этом речь пойдет дальше. Повествование Дзено необходимо рассмотреть

* Я полностью не согласен с теорией Фредерика Поля о том, что Фрисландия — это остров Фэр-Айл (Fer Island) из группы Оркнейских островов, так как данные лингвистики противоречат этой теории. Название Fer Island может принять форму Ferland или Fegoe, но никак не Friesland. Кроме того, такой крошечный островок просто не мог стать ареной описываемых здесь событий.

несколько подробнее. К счастью, оно достаточно краткое и позволяет это сделать.

В редакционной заметке в конце книги Николо II признается, что, будучи еще маленьким мальчиком, он порвал некоторые старые семейные документы. Позднее он узнал об их содержании и попытался загладить свою вину. Собрав все, что осталось, он постарался как можно более связно и добросовестно изложить их содержание. В результате получилось лоскутное, местами несвязное, часто сомнительное, но очень заманчивое повествование.

В нем рассказывается о том, как Николо Дзено I отправился в плавание примерно в 1390 году, чтобы посмотреть мир, но на пути в Англию ветер изменил его курс, и он потерпел крушение у странного северного берега. Ему угрожала опасность нападения пиратов, но он был спасен правителем страны, с которым мог объясняться на латинском языке. В своем повествовании Николо II назвал страну, в которую тот попал, Фрисландией, а князя, ее правителя,—невнятным именем «Дзихмни». Будучи опытным моряком, он произвел благоприятное впечатление на правителя и был назначен командующим флотом. Задачей этого флота было покорить Фрисландию, которая, очевидно, восстала против правления Дзихмни.

Прежде чем продолжить рассказ, следует упомянуть, что эту Фрисландию, или Фризланд, легко опознать. Это Фарерские острова, которые в средние века именовались *Norse Faeroisland* и считались единым массивом суши (в действительности острова эти отделены друг от друга очень узкими проливами). Позднейшая Фрисландия, о которой рассказывает миф, так далеко перемещенная на карте, ставит перед нами другие проблемы, к которым мы еще вернемся, но в этой земле, куда пристал Николо, нет ничего таинственного.

Нетрудно также определить, кто был этот Дзихмни. Иоганн Рейнгольд Форстер, участник одного из кругосветных плаваний Джемса Кука, в 1784 году впервые предположил, что под именем Дзихмни мог скрываться Генри Синклер, граф Оркни. Он высказал это предположение на том основании, что граф Оркни был тогда единственным правящим князем в этих водах. Однако большинство исследователей становилось в тупик при сопоставлении имен Дзихмни и Синклер. Некоторые высказывали предположение, что это был вождь пиратов по

имени Зигмунд, которого братья Дзено величали царским титулом, чтобы оправдать свое присоединение к его банде. Но никакого доказательства действительного существования этого Зигмунда так и не было обнаружено.

Палеография дает ответ на эту загадку. Введение в конце XV — начале XVI веков «изящного итальянского письма» произвело революцию в европейской каллиграфии, затруднив понимание средневекового письма тем, кто привык к принятому уже новому стилю. Средневековое заглавное S выглядело похожим на букву, которую уже привыкли воспринимать как Z. К тому же имя Sinclair было, вероятно, написано без буквы n и с тильдой (черточкой) над i для обозначения носового звука, стоящего после гласного (это сокращение было распространено в средневековом письме и до сих пор применяется в португальском, например при написании имени João). Если так обозначалось имя Zîclair, то легко можно себе представить, как при поспешном или небрежном написании получились каракули вроде Zichmni.

Таким образом, под именем Дзихмни скрывался Генри Синклер, шотландский землевладелец, которого норвежский король в 1379 году сделал графом Оркни.

Дзихмни (теперь мы будем называть его Синклер) осуществил подчинение Фарерских островов на суше, в то время как Дзено проводил морские операции. В описании дается много географических названий, одни из которых легко распознать, другие трудно. Но это не должно нас смущать. Важно то, что описание Фарерских островов, данное Николо I, дополняет описание Хейлина, с которого начинается эта глава, следующими важными деталями: столица названа Фрисландия, по имени острова, экономика страны базируется на рыболовстве, у нее имеются постоянные торговые и экономические связи с европейскими народами, включая Англию. Сведения о том, что самый длинный день там не превышает 20 часов, исходят не от Дзено, а являются результатом простых математических вычислений, которые мог произвести любой географ, современник Хейлина, если он знал местоположение страны на карте.

Николо Дзено I, хотя и привык к мягкому климату Средиземноморья, нашел, что приключения в северных

водах соответствуют его натуре, и написал письмо своему младшему брату Антонио с приглашением присоединиться к нему. Антонио согласился и прибыл туда в 1392 году.

С помощью двух венецианских искателей приключений Синклер решил подчинить себе Шетландские острова, которые в «Книге Дзено» называются Эстландия. (Даже при беглом взгляде на карту можно увидеть, что Шетландские острова расположены значительно восточнее и Оркнейских и Фарерских островов.)

Братья обнаружили, что против них на островах возведены укрепления, и приложили немало труда, чтобы ими овладеть. Во время осады норвежский король выслал против них флот, но он был уничтожен штормом.

За это событие цеплялись все, кто считал «Книгу Дзено» искажением истины. Они основывались на том, что у норвежского короля не было причин мешать вторжению Синклера на Шетландские острова, бывшие законной частью его владений, и что Синклер не мог воевать с Норвегией, так как это автоматически лишило бы его звания графа. К тому же никакой подобной военно-морской акции не записано в истории Норвегии, да и никакого короля в это время в Норвегии не было, так как суверенная власть принадлежала королеве Маргарите.

Ричард Генри Мейджор предположил, что вторжение было начато неким Мэлисом Сперром, соперником Синклера, претендовавшим на графство Оркни и потом ретировавшимся в Норвегию, и что Дзено II знал лишь о том, что корабли пришли из Норвегии, и сделал из этого неправильные выводы. Но это не объясняет утверждения, сделанного им на предыдущих страницах, будто бы Синклер одержал победу над королем Норвегии за год до того, как к нему присоединился Николо I. Можно было бы извинить Николо II на том основании, что он имел дело с фрагментарным материалом и потому ошибся в своих выводах, но это не довод, и следует признать, что, если бы не археологическое подтверждение того, о чем речь пойдет ниже, подобное возражение могло бы сыграть фатальную роль при установлении подлинности всего документа.

Но возвратимся к повествованию. Покончив с завоеванием Шетландских островов, Синклер возвратился во Фрисландию, оставив Николо I правителем покоренной

столицы (Леруик, нынешняя столица, появилась лишь в XVII веке). Но Николо I наскучило бездействие, в нем снова пробудилось желание видеть мир. Он поплыл на северо-запад и достиг Энгроенланда (Гренландии), района, о котором европейцы имели в то время лишь смутное представление, как об отдаленном форпосте христианского мира. Древнее скандинавское поселение в Гренландии в то время доживало свои последние дни, но Николо I рассказывает, что обнаружил там францисканский монастырь, построенный в непосредственной близости от вулкана. В этом монастыре воду для приготовления пищи и отопления получали из близлежащих горячих источников. В рассказе Дзено подробно описаны также эскимосские каяки и упоминается о том, что он будто бы открыл какую-то реку. Но сейчас уже невозможно установить, какая эта река. После возвращения во Фрисландию из-за непривычно холодного климата в 1396 году Николо I умирает, по-видимому, от пневмонии.

Здесь впервые то, что казалось в рассказе Дзено исторически неправдоподобным, ощутимо подтверждается данными археологии. В 1920-х годах в трех различных местах Гренландии во время археологических раскопок были найдены жилища с трубопроводами, установленными для накачивания воды из близлежащих горячих источников. Сначала их приписывали скандинавам, но оказалось, что план этих жилищ полностью отличается от скандинавских и скорее напоминает расположение ирландских жилищ X века. Дзено сообщал, что монахи в этот монастырь прибывают из Норвегии и из Швеции, но главным образом с Шетландских островов, где ирландцы уже к IX веку создали свои религиозные общины. Можно, вероятно, слишком увлечься толкованием этих описаний и вложить в них субъективный смысл, но то, что искусство прокладки водопровода и использование горячих источников было известно и практиковалось уже в ранний период истории Гренландии, совершенно определено.

Что же касается самого монастыря, то есть одно не очень убедительное доказательство в подтверждение рассказа Дзено. Ивар Бардсен, уроженец Гренландии, давший описание этого острова за несколько лет до Николо I, упоминает о монастыре на юге Гренландии, однако не о францисканском, а об августинском. Возможно, Бард-

сен был прав в определении монашеского ордена, а ошибался Дзено. Местонахождение монастыря пока не обнаружено, но вполне вероятно, что он находился поблизости от епископства Гардар, которое, как известно, было расположено в южной Гренландии.

Тут мы дошли в своем повествовании до того момента, который обратил на себя внимание историков. Антонио Дзено, унаследовавший от своего брата Николо пост командующего флотом, написал другому брату в Венецию письмо, в котором излагал целую повесть.

Где-то на островах неожиданно появился старый моряк. Его немедленно доставили к Синклеру, чтобы он повторил ту интересную историю, которую рассказывал другим. Он сообщил следующее: двадцать шесть лет назад (около 1370 года) он был одним из членов экипажа корабля, который ветер гнал по Атлантике около тысячи миль и наконец прибил к острову. Моряк назвал этот остров Эстотиландия. Обитатели острова были, очевидно, выходцами из Европы. Они мастерски владели всеми ремеслами; у них был большой город, много золота, а у короля много латинских книг, но народ уже разучился читать по-латыни. Они торговали с Гренландией, покупая у нее меха, серу и дёготь, выращивали зерно и варили пиво, «питье, которое (как объясняет Николо Дзено) северные люди пьют так, как мы пьем вино». Это был относительно цивилизованный народ, обитавший на неизвестной земле.

Язык этих людей был незнаком морякам, но они могли говорить по-латыни с другими потерпевшими кораблекрушение и таким образом наладить общение. Ими восхищались как искусными мореплавателями за их умение пользоваться компасом, который не был известен жителям Эстотиландии, и король удерживал их у себя пять лет, совершая с ними плавания у побережья. За это время они выучили язык островитян, но Дзено сообщает, что никаких примеров этого языка старик не привел в своем рассказе. Один из моряков обследовал остров и дал ему следующую характеристику: он меньше, чем Исландия, плодороден, покрыт густым лесом; в центре его находится гора, с вершины которой растекаются по стране четыре реки.

Через пять лет моряков снарядили в плавание на юг в соседнюю страну под названием Дроджо. Там их

схватили каннибалы, и большинство из них было съедено. Рассказчик уцелел только потому, что обучил дикарей ловить рыбу при помощи сетей. Он стал для них таким важным человеком, что соседнее племя пыталось захватить его в плен. И это случалось неоднократно. В Дроджо он провел тринадцать лет и двадцать пять раз переходил из рук в руки. Он рассказал, что люди, с которыми ему пришлось жить, охотятся с помощью деревянных копий, заостренных на конце, и очень страдают от холода, так как они слишком глупы или невежественны и не догадываются укрыться шкурами зверей, которых убивают. Во время своих странствий он слышал, что дальше на юг есть земля с более теплым климатом, где жители строят города и храмы, используют золото и серебро и приносят человеческие жертвы своим идолам.

Наконец ему удалось бежать и с помощью дружественно расположенных к нему вождей, которым он раньше служил, он возвратился в Дроджо, у берегов которого его подобрал корабль, доставивший его обратно в Эстотиландию. Там он сам стал процветающим купцом и в конце концов смог купить свой собственный корабль и вернуться во Фрисландию. В «Книге Дзено» говорится, что «моряки нисколько не подвергали сомнению его повествование, поскольку они были опытными и сами видели немало необычного». Синклер сейчас же решил организовать экспедицию для поисков этой соблазнительной страны.

Вот тут-то и начинается самое невероятное. Николо II, несомненно, считал, что страна Эстотиландия находится у восточного побережья Северной Америки — в районе без всякого золота и без каких-либо гор, с которых текут четыре реки. Коренное индейское население этого района не было каннибалами, они с незапамятных времен ловили рыбу сетями и, без сомнения, знали, что такое одежда. К тому же трудно представить себе необразованных моряков, говорящих по-латыни. Возможно, что существовал какой-то международный морской жаргон, который в просторечии называли латынью. Однако это же слово употребляется применительно к латинским книгам короля, и тут оно не может значить ничего, кроме подлинной латыни. То, что моряки не понимали языка жителей Эстотиландии, делает несостоятельным предположение о его скандинавском происхождении, так как древнескандинав-

ский язык был общеупотребимым языком на Оркнейских и Шетландских островах; он до сих пор употребляется на Фарерских островах, и моряки, безусловно, узнали бы его. Южная страна, где приносились человеческие жертвы, очень напоминает Мексику ацтеков, и Николо II, живший после Кортеса, возможно, просто сам неуместно расширил свое повествование, дополнив его последним эпизодом. Кто эти пьющие пиво жители Эстотиландии, определить невозможно. Чтобы объяснить их существование (в дополнение к теории скандинавской колонизации), некоторые историки высказали гипотезу о ранней колонизации Америки ирландцами.

В сущности, вся эта путаница не имеет значения. То, что напел матрос с целью произвести впечатление на правителя-графа и что к тому же было записано из третьих или четвертых рук, не имеет ценности свидетельского показания, которое необходимо принимать во внимание. Очень многие защитники «Книги Дзено» сделали ошибку, стараясь обосновать каждое слово этого документа, и потерпели неудачу. Важно только то, что рассказ моряка зажег Синклера и подтолкнул его к путешествию на запад. Важен и тот факт, что в своем описании Дроджо моряк характеризует его как «огромную страну и, так сказать, новый свет». Это было первое зафиксированное использование термина «Новый Свет»*.

Но вернемся к «Книге Дзено». Синклер вместе с Антонио, командовавшим флотом, отправился в путешествие, чтобы отыскать эту неизвестную землю. Ужасающий шторм разбросал и потопил многие корабли, но корабль, на котором плыли Синклер и Дзено, чудом уцелел и достиг земли, обитатели которой были готовы с оружием в руках помешать чужеземцам высадиться на сушу. Синклеру удалось убедить их, что у него нет намерения вторгаться в страну, и ему сказали, что эта страна называется Икарией (смотри отрывок из Хейлина в начале этой главы). После этого они плыли десять дней — шесть из них прямо на запад, а четыре боролись с неблагоприятным юго-западным ветром — и наконец подошли к земле, «и

* В данном случае автор явно допускает неточность, так как в рассказе моряка слова «новый свет» употребляются лишь в значении «мир, отличный от нашего». Впервые же понятие «Новый Свет» так, как оно употребляется в настоящее время, ввел Америго Веспуччи. — *Прим. ред.*

мы не знали, что это за страна, и сначала боялись к ней подойти».

Вскоре они нашли хорошую гавань, высадились, и изголодавшаяся команда досыта наелась птичьих яиц. Они назвали эту гавань Трин (Trin). «Наступил июнь, и воздух на острове был легким и таким приятным, что невозможно описать». В глубь острова была направлена экспедиция. Возвратившись, она сообщила о дымящейся горе, из которой вытекают смолистые источники, и о населяющих окружающую местность дикарях, живущих в пещерах. Богатства страны и ее мягкий климат привлекли Синклера, и он решил остаться здесь и основать колонию. Это чуть не привело к бунту, так как большинство приплывших с ним людей хотели успеть вернуться домой до наступления зимы. Синклер, с которым, очевидно, нетрудно было договориться, согласился с их требованиями. Он нашел добровольцев, согласившихся остаться с ним на новой земле, а остальных под командованием Антонио Дзено отослал домой («Против моей воли», — говорит Антонио, который хотел остаться). Тут повествование кончается, если не считать еще одного фрагмента, в котором говорится, что Синклер остался на открытой им земле, а также исследовал оба берега Гренландии.

О том, что случилось потом, можно только догадываться. Синклер, по-видимому, вернулся во Фрисландию из своей заморской колонии, так как известно, что он был убит в сражении при защите своего графства в 1400 или 1401 году. Антонио Дзено хотел вернуться в Венецию, но, несмотря на его горячие просьбы, Синклер не отпускал его, так как слишком ценил его услуги. Однако сохранилась запись о том, что он умер в Венеции примерно в 1405 году, следовательно, он, должно быть, вернулся туда после смерти Синклера. Возможно, что он подробно описал все свои приключения, так как Николо II туманно ссылается на «книгу» как один из документов, который он разорвал в детские годы.

Американский ученый Фредерик Поль считает, что может указать, когда и где Синклер пристал к Америке. На ее восточном побережье существуют только три смолистых источника, и они, если их подожгла молния, могли создать впечатление «дымящейся горы». Один из таких источников в Венесуэле, другой на Тринидаде (это, очевидно, слишком далеко к югу), третий находится вбли-

зи Стеллартона, полуостров Новая Шотландия, и до него легко можно было бы добраться в результате такого путешествия, как вышеописанное.

В старину существовал обычай называть вновь открытые места в честь того дня, когда было совершено открытие, и Поль обыграл слово Trin, считая, что в оригинале это могло быть слово Trinity (троица) и что оно сокращено из-за плохого состояния первоначальной рукописи. Он указывает на то, что это название было дано гавани, «когда пришел месяц июнь», а по календарю того времени воскресенье с праздником троицы приходилось на 2 июня 1398 года. Поскольку эта дата полностью соответствует другим датам, которые упоминаются в «Книге Дзено», Поль высказал предположение, что это точная дата высадки Синклера на берег.

Повествование Дзено, весьма запутанное и полное невероятных событий, достаточно сомнительно, если его оценивать с точки зрения содержащегося в нем фактического материала, и потому из века в век его либо отвергали, либо просто принимали на веру. Но около десяти лет назад появились данные, которые заставили отнестись к этому документу с большим доверием.

Близ Вестфорда, штат Массачусетс, есть большая скала с вырезанным на ней рисунком, который до 1954 года принимали за набросок человеческой фигуры, сделанный индейцами. Любителю-археологу Франку Глину это изображение показалось скорее похожим на меч предположительно скандинавского происхождения. Копию рисунка Глин отправил в Англию Томасу Летбриджу, хранителю музея археологии и этнографии в Кембридже. Летбридж подтвердил, что это действительно меч, судя по виду, относящийся к XIV веку, и просил прислать дополнительные сведения.

Глин удалил растительность, покрывавшую большую часть скалы, и тщательно очистил ее поверхность. Обнаружилась вырезанная фигура шести футов высотой в полном рыцарском облачении. Правая рука рыцаря покоилась на рукоятке меча, о котором упоминалось выше, а в левой он держал щит с гербом. Часть изображения стерлась, но английские эксперты по геральдике, к которым Летбридж обратился за консультацией, установили, что щит, вне всяких сомнений, принадлежит Синклерам из Шотландии. Более тщательное изучение фигуры

показало, что ее резали не современным резцом, а выдавливали в скале с помощью инструмента, которым пользовались средневековые оружейники.

В 1960 году была сделана неоправданная попытка выдать это изображение за индейское произведение. Но она не выдерживает критики. Пока еще никто не заподозрил в нем мистификации, состряпанной каким-нибудь шотландцем более позднего времени. Вероятнее всего, что во времена кольчуг и геральдики кто-то проник на территорию нынешнего Массачусетса и оставил память о своем посещении в виде фигуры с привлекающей к себе внимание особенностью — вооружением Синклера. К тому же у нас есть историческое описание, краткое, но правдоподобное, говорящее о посещении Синклером этих мест. Повествование Дзено, каким бы оно ни было сомнительным, по-видимому, в общем, подтверждается.

История «Книги Дзено» увела нас далеко в сторону от Фрисландии. Остается неразрешенной географическая загадка: как могли широкоизвестные Фарерские острова превратиться в несуществующий остров к юго-западу от Исландии, как это показано на карте, приложенной к «Книге», и на других картах того времени?

Частичный ответ на этот вопрос дает тот факт, что в средневековой Англии, как и в остальной Европе, Исландия была больше всего известна своими рыболовными промыслами. Есть немало доказательств того, что англичане называли Исландию Fish-Land (Рыбной страной) и что это название получило распространение. Незаконнорожденный сын Колумба Фернандо описывал посещение его отцом Исландии в 1477 году (он называл ее «Тиле», подразумевая Ультима Туле) и приводил цитату из записей великого путешественника о том, что «„Тиле“, упоминаемое Птолемеем, находится там, где он указал, и современники называют ее Фрисландия». Это было написано за восемьдесят лет до того, как появилась «Книга Дзено». Испанская карта примерно 1480 года называет Исландию «Фиксландия», а анонимная карта приблизительно 1508 года, находящаяся в Британском музее, называет ее «Фисландия». Затем пятьдесят лет спустя на карте Дзено появилось название «Фрисландия», обозначая на этот раз не Исландию, а ее южную спутницу.

Эта карта была подготовлена Дзено II на основании более старого оригинала, сохранившегося среди уцелевших

семейных документов, и он сказал об этой карте: «Хотя она повреждена веками, я достаточно успешно ею пользовался». Старая карта была, очевидно, настолько затерта, что потребовала значительной реставрации с помощью других, более поздних карт. В «Книге Дзено» нет упоминания об Исландии (если не считать ошибочного написания слова «Ирландия»), но на первоначальной карте она, несомненно, показана. Николо II охотно дал бы ей более современное название, но введенный в заблуждение двумя именами (Исландия и Фрисландия), относящимися к одному и тому же острову, он сделал то, что делали многие географы его времени. Он просто предположил, что существует два острова, соответствующие двум разным названиям. Возможно, что он совершенно не знал о существовании далеких Фарерских островов и посчитал сам собой разумеющимся, что более известный остров Фишландия — Фисландия — Фрисландия как раз и был той сценой, на которой разворачивались приключения его предков. Несомненно по крайней мере одно: он не думал о смысле слов Freeze-land (Замерзающая земля), так как по-итальянски слово «замерзать» звучит совершенно иначе — *gelare*.

Остается объяснить одну деталь, упомянутую Хейлином. Дзено нигде не говорит о том, что Фрисландия известна под названием «Западная Англия». Но арктическое путешествие Мартина Фробешера 1577—1578 годов позволяет дать этому объяснение. Фробешер высадился на утрьомом незнакомом ему берегу, возможно в южной Гренландии, который он принял за необитаемую часть Фрисландии, и объявил это место собственностью английской королевы, дав ему название «Западная Англия». Объяснение Хейлином этого названия недостоверно, как и его попытка объяснить само название «Фрисландия».

Насколько я в состоянии установить, этот случай — единственное утверждение Фробешера о том, что он действительно высаживался во Фрисландии.

Еще одно упоминание о ней другого путешественника по Северной Атлантике, какое я смог найти, — это запись Джемса Холла, английского лоцмана, находившегося на службе в Дании, который в 1606 году упомянул о сильном юго-западном течении «... которое, как я думал, проходит между островом Бусс (о нем позднее) и Фрисландией».

Нет необходимости детально рассказывать обо всех перипетиях, которые Фрисландия в различных написаниях этого названия претерпела на картах на протяжении столетия. Этот мифический остров можно было увидеть на любой карте мира в период между 1558 и 1660 годом. Он меняет свои размеры и очертания, его располагают то прямо на юг от Исландии, то (чаще) на юго-запад. Миф об Эльдорадо сошел на нет постепенно, миф о Фрисландии испарился в один момент. К концу XVII века Фрисландия исчезла со всех карт, кроме тех, авторы которых проявляли скрупулезную консервативность. В «Космографии» Питера Хейлина 1701 года, опубликованной много лет спустя после его смерти, дается такое же описание Фрисландии, как и в более ранних изданиях, но к нему приложена противоречивая заметка, в которой говорится следующее: «Много споров идет о том, есть ли такой остров в мире, и многие это решительно отрицают».

Но любая карта, составленная на рубеже XVI — XVII веков, должна была учитывать существование не только острова Фрисландия, но также и такой территории где-то на Атлантическом побережье Северной Америки, которую можно было отождествить с Эстотиландией. Было предложено несколько объяснений, касающихся происхождения этого названия: East-Out-Land, Estofiland, Estland (наименование, фигурирующее в повествовании Дзэно для обозначения Шетландских островов) и Escociland, или Escotiland (Шотландия), употребляемое теми, кто относился с доверием к рассказу старого матроса.

Мое собственное предположение состоит в том, что в оригинале Николо II значилось слово Estofiland и что слово, которое матрос употребил для обозначения этой земли, на самом деле было нечто вроде Stockfish Land (страна вяленой рыбы). Есть данные о том, что рыбакам уже очень давно было известно место под названием «Большая Банка», где хорошо ловится треска, а также был известен, но слабо, район Западной Атлантики, называвшийся Stockfish Land. На карте Андреа Бианко 1436 года обозначен остров Isla de Stockafixa, почти точно соответствующий координатам Ньюфаундленда и, возможно, идентичный с ним. Тот факт, что предполагаемый рассказчик был рыбаком, делает такое толкование Эстотиландии вероятным.

Независимо от того, чем была Эстотиландия и где она была расположена, она полностью исчезает с карт конца XVII века. К тому времени вся восточная часть американского побережья была исследована и в значительной мере освоена, но ни одной территории, которую местные жители называли бы словом, похожим на «эстотиланд», и никакого следа чего-либо, похожего на город или описанную ранее местность, не было обнаружено. Все районы побережья теперь носили названия, данные им европейцами, и слово «эстотиланд» уже больше не могло служить для обозначения какой-либо территории.

На карте мира Ортелия 1590 года отразилась вся история не только Фрисландии и Эстотиландии — последняя изображена как огромный остров, напоминающий Гренландию, только меньших размеров, в районе, где в действительности находятся Лабрадор и Квебек, — но и Дроджо, показанного в виде довольно маленького островка к юго-востоку от Эстотиландии и к юго-западу от Фрисландии, примерно на равном расстоянии от того и другого. То, что человек, потерпевший кораблекрушение, описывал как большую страну и «новый свет», то необъяснимым образом уменьшилось до ничтожного островка. Но название «Дроджо» так и не привилось в картографии. В отличие от цивилизованной, как тогда предполагали, страны Эстотиландии Дроджо был землей дикарей с варварским наименованием; места такого рода первооткрыватели-европейцы переименовывали как попало.

По неизвестной нам причине Ортелий не поместил на своей карте Икарию. Эта земля, которую посетила сбитая с курса ураганом экспедиция Синклера, была, несомненно, либо графством Керри в Ирландии, либо островами Сент-Килда из гряды Внешних Гебридских островов. Однако на многих картах того времени в северной части Атлантики иногда появлялся новый остров Икария. Его исчезновение предшествовало исчезновению Фрисландии. Опытные моряки знали, что море в этих местах на самом деле не было так усеяно островами, как показывали карты, поэтому что-то необходимо было убрать. Использование сюжетов греческих мифов в этих широтах, как, например, рассказ о «короле Шотландии Дедале», было неприкрытой попыткой объяснить каким-либо образом не-

лепое название Икария, несомненно принадлежащее Николо II.

Что же касается Энгроенландии, или Гренландии, это очень длинная и запутанная история. Ее мы отложим до девятой главы.

А теперь немного иронии. Представляется весьма возможным, что действительно существовал остров в том месте, которое было определено как местонахождение Фрисландии, и что он действительно ушел под воду. При возвращении Фробишера из Гренландии во время его плавания в 1578 году примерно на 57° северной широты в поле зрения одного из его кораблей, судна «Эммануэль», попал большой остров. Очевидно, корабль не подходил к острову, команда наблюдала его с моря, и описания острова расходятся. Одним он показался лесистым и плодородным, другим — угрюмым и скованным льдом. Остров называли Бусс по типу корабля*.

Следующее свидетельство о том, что видели этот остров, исходит от упомянутого ранее Джемса Холла; это случилось во время его путешествия в Гренландию в 1606 году. Он сообщал, что видел остров, но льды помешали пристать к нему. Сообщений об острове не было до 1668 года, когда капитан Джиλλαма упоминает о встрече с ним на пути к Гудзонову заливу. Тремя годами позднее некий Томас Шеперд, возвратившись из плавания, стал рассказывать, что он обследовал этот остров. Он представил детальную карту, на которой было обозначено много географических объектов. Однако имеется достаточно оснований считать Шеперда отъявленным лгуном.

Больше никто не сообщал о том, что видел остров. На карте мира Николая Вишера, которая относится примерно ко времени жизни Шеперда, он не обозначен. На голландской навигационной карте 1745 года указан затонувший остров Бусс, и высказывается предположение, что это, возможно, и была Фрисландия. Позднее, на протяжении всего XVIII века, «затонувшая земля Бусс» воспринималась как опасное место для мореплавателей к юго-востоку от Гренландии и соответственно отмечалась на морских картах.

* Бусс — крепкое рыболовное судно голландской конструкции.

Затем появляется пара правдоподобных сообщений. Капитан Ричард Пикерсджил на пути из Англии в Гудзонов залив в 1776 году делал промеры в том месте, где указывалось местонахождение Бусса, и нашел мели. А в 1818 году исследователь Арктики Джон Росс также произвел промеры на этом месте и обнаружил значительное понижение дна по сравнению с предыдущими сорока годами.

Это чистое совпадение, не имеющее ничего общего с мифом о Фрисландии. Однако представляется весьма вероятным, что Николо Дзено II поместил свой воображаемый остров в том месте или около того места, которое в то время занимал настоящий остров, и что этот настоящий остров уже тогда начал погружаться под воду как будто для того, чтобы не входить в противоречие со всем характером и ходом событий.

Две ирландские проблемы: Святой Брандан и остров Бразил

Ирландия — северо-западный форпост Европы, обращенный лицом к Северной Атлантике. Веками Ирландию знали во всей Западной Европе как страну, изобилующую легендами. Поэтому не удивительно, что именно там возник миф о двух самых больших сказочных островах Атлантического океана. Хотя легенды, окутывающие эти острова — остров Святого Брендана и остров Бразил, — фактически друг с другом не связаны, мы рассмотрим их в одной главе. Начнем с той, что древнее.

К сожалению, нам очень мало известно о том, как древние ирландцы странствовали по морям, но мы достоверно знаем о таких странствиях: из древнеирландского эпоса «Имрама» известно, что морские путешествия совершались в Ирландии еще до того, как стали фиксироваться исторические события.

Принятие христианства в Ирландии, возможно, явилось одним из стимулов к мореплаванию, по крайней мере в религиозной среде. Как отшельники древней церкви искали утешения в египетской пустыне, так древние ирландские монахи стремились укрыться на пустынных островах лицом к лицу со свирепым западным океаном, где мужественное противостояние стихиям должно было способствовать их духовной закалке. Наиболее известным из отшельников был, по-видимому, святой Колумба, который в 563 году основал на Гебридских островах монастырь Айона. Но он был далеко не единственным, поэтому, знакомясь с путешествиями святого Брендана, необходимо помнить об этом. Нет сомнения в том, что Брандан — лицо историческое. На протяжении своей долгой жизни, а прожил он почти сто лет (484—577), он основал несколько монастырей. Наиболее известный из них мо-

настырь в Клонферте, поэтому Брандана часто называют Брандан из Клонферта.

Сведения о событиях, связанных с этим именем, почерпнуты из разных источников, лучшим из которых является ирландский сборник о житиях святых, составленный в XIII веке на основе значительно более древних материалов. В нем рассказывается о том, как некий святой Брандан захотел найти свою собственную землю вдалеке от других людей и что во сне к нему явился ангел и уверил его в успешном завершении поисков. Он и несколько его спутников плыли пять лет, встречая на своем пути различные чудеса, и наконец достигли священного острова, который можно было легко узнать по «веренице поднимающихся с него ангелов».

Если оставить в стороне прикрасы, характерные для церковных писаний средневековья, то остальное звучит как весьма правдоподобный рассказ о путешествии, целью которого было найти уединенный остров. Такие путешествия были обычными для ирландских монахов. Через четыре века после смерти святого появилась книга на латинском языке «Плавание святого Брандана», источники и авторство которой остались неизвестными. В ней описывалось не одно, а два путешествия святого Брандана, и она была весьма популярна во всей средневековой Европе.

В какой-то момент древней истории Ирландии вера древних кельтов в существование в западном море райского Авалона переплелась с древним греко-римским поверьем о Гесперидах, или островах Фортуны, и в монастырских кругах стало распространяться смутное представление о существовании где-то на западе Блаженных островов. Если верить сомнительному повествованию «Плавания святого Брандана», то дело было так: добрый святой, найдя свой священный остров, возвратился в Ирландию, а позднее снова пустился в путь на поиски Блаженных островов. Он плыл семь лет и в конце концов нашел их.

Но существует два варианта рукописи. В одном из них Брандан в поисках уединенного острова плыл на юг «сразу же под горой Атлас» (то есть у берегов Северной Африки), где прежде жил другой святой муж по имени Мернок. Последний якобы ушел в сад Эдема, который, как еще продолжали верить в средние века, существует

где-то на земле. Святой Брандан, по-видимому, нашел свой остров без особого труда, хотя на пути туда он встретил гору всю в огне (вулканическая вершина острова Тенерифе?) и посетил соседнюю землю (Африку?), откуда привез фрукты и драгоценности. Другой вариант более широко известен и гораздо более интересен. Святой Брандан в поисках Блаженных островов плыл с экипажем в шестьдесят человек на запад пятнадцать дней, затем его настиг штиль, продолжавшийся целый месяц, и, дрейфуя, он был прибит к острову, где экипаж обнаружил дворец со всякими яствами. Когда люди пополнили свои истощившиеся запасы, перед ними предстал сам дьявол, но не причинил им никакого вреда. Затем они плыли семь месяцев (направление не указано) и пристали к острову, на котором обитали гигантские овцы. Они убили одну из них, но, прежде чем они успели ее зажарить, остров погрузился в воду, превратившись в морское чудовище. Они продолжали плавание, и путешествие их растянулось на многие месяцы. Они посетили остров птиц (птицы в действительности были раскаявшимися падшими ангелами), остров с монастырем, основанным неизвестным «святым Альбенем», место, где море превращается в болото, остров, где рыбы ядовиты (белая птица предупредила их об опасности), видели еще одно морское чудовище, похожее на остров, которое любезно позволило им высадиться, отметить праздник пятидесятницы и пробыть на нем семь недель.

Наконец они достигли такого места, где «море спит» и где «холод нестерпим». Здесь их преследовал огнедышащий дракон, но в ответ на их молитвы появилось другое чудовище, которое побороло и убило дракона. Они увидели огромный сверкающий храм из хрусталя, выходящий из моря и возвышающийся над водой (айсберг?), и посетили другие острова. Отличительной чертой одних были огонь и дым, других — ужасающее зловоние. Они увидели, как перед ними появился страшный демон, который потом погрузился в море. Затем еще один остров весь из огня и дыма, потом остров, окутанный облаками, затем вход в ад и остров, где в муках содержится Иуда Искариотский. Наконец их поиски были вознаграждены: они достигли острова, где святой человек с седой головой сказал им, как добраться до Блаженного острова, который они ищут.

Они нашли этот остров, где их встретил другой святой

в одежде из одних только перьев. В самых восторженных выражениях он описал им целительный климат и плодородие острова. В пещере святой Брандан нашел мертвого великана, которого вернул к жизни силой одной лишь своей святости. Великан назвал себя Макловиусом, крестился и сообщил, что его народу было известно христианское учение. Он попросил как милости возвратить ему вечный покой, что и было сделано.

Когда история святого Брандана стала общеизвестна, «святой Макловиус» был канонизирован народом, хотя никогда не признавался официальной церковью.

История превосходна, но, к сожалению, это все, что есть. Весьма сомнительно, что святой Брандан совершил какое-либо путешествие, которое могло бы лечь в ее основу. Об открытии Америки, которое некоторые исследователи усматривали в рассказе Брандана, уже и говорить не приходится. Вся эта история, возможно, не что иное, как обработка в духе христианства народного ирландского фольклора, взятого главным образом из «Имрамы», особенно из истории легендарного путешествия Майль-Дуйна, который на своем пути тоже встречал демонов и огненные острова. Почему из всех ирландских монахов-путешественников был выбран именно святой Брандан и почему подобные приключения были приписаны именно ему, сказать трудно: это вопрос, на который мог бы, вероятно, ответить только специалист по ирландской истории. Но, возможно, этот вопрос не столь существен и непосредственно не связан с легендарным островом.

Однако стоит упомянуть о том, что Джеффри Эш, тщательно изучив все, что связано с Бранданом, очень убедительно и компетентно доказывает, что «Плавание святого Брандана» свидетельствует о прекрасном знании географии Северной Атлантики независимо от того, было ли когда-нибудь совершено такое путешествие Бранданом или нет. Он считает, что способен определить по крайней мере самые существенные места, упомянутые в «Плавании», и проследить предполагаемый путь путешественников. Даже если это путешествие вымышлено, книгу стоит прочесть, хотя она лишь косвенно касается легенды как таковой.

Трудно сказать, принимали ли люди средневековья путешествие святого Брандана за подлинное или воспринимали эту повесть как религиозную аллегория, но к

тому времени, когда это повествование оставило свой след на карте, серьезные ученые были не очень склонны принимать всерьез полуязыческие легенды о «благословенных островах» в далеком океане. Примерно в XIII веке было высказано предположение, что святой Брандан совершил весьма обычное путешествие, во время которого он открыл остров или острова, возможно, уже известные в то время в других странах.

Огромная карта мира, законченная ориентировочно в 1275 году, которая украшает одну из стен собора в Херефорде в Англии, — первая из известных нам карт с обозначением путешествия святого Брандана. Приблизительно на том месте, где расположены современные Канарские острова, на ней обозначено «шесть счастливых островов, которые являются островами святого Брандана», причем изображены из них только пять. Канарские острова были известны уже в древности (они упоминаются еще в I веке до нашей эры), и по неизвестной причине суровые и не слишком плодородные острова были отождествлены с мифическими островами Счастья. Это могло бы объяснить, почему картограф Херефорда принял Канарские острова за Блаженные, найденные ирландским святым.

Однако весь тон «Плавания святого Брандана» говорит о путешествии в неизвестные ранее края и о качественно новом открытии, а не о посещении уже достаточно известных островов, какими Канарские острова стали к концу XIII века. И действительно, в более позднем картографическом воплощении, на карте 1339 года, составленной жителем Майорки Анжелино Дульсертом, или Далорто, остров Святого Брандана отождествляется с более поздним открытием — островами Мадейра.

Официально острова Мадейра были открыты Жуаном Сарку и провозглашены собственностью Португалии в 1419 году. Но средневековые карты дают все основания предполагать, что острова были известны и раньше, хотя, вероятно, только в кругу мореплавателей. Возможно, их знали финикийцы и римляне, а сами португальцы (как в книге Галвану «Открытия мира») приписывали их первоначальное открытие примерно в 1344 году англичанину по имени Машам, или Машим.

Анжелино Далорто был представителем процветающей картографической школы на Майорке, создавшей самые красивые и самые точные карты средневековья. На упо-

мянutoй карте 1339 года острова Мадейра размещены почти правильно, но под названием «Острова Святого Брандана, или Девы». Кто была эта Дева и как она туда попала, сейчас трудно догадаться. Почти тридцать лет спустя, в 1367 году, братья Пипигано из Венеции создали карту, на которой острова Святого Брандана, видимо, вновь отождествляются с островами Мадейра, и их легко опознать по фигуре монаха, нарисованной рядом с ними. Надпись на карте почти невозможно прочесть, но один из предложенных вариантов следующий: «так называемые Сонные острова, или острова Святого Брандана». Это название, если оно соответствует подлиннику, так же необъяснимо, как и то, которое содержит слово «Дева».

В то же время все чаще стали появляться признаки того, что острова Мадейра никак не связаны с островами Святого Брандана. В 1351 году существовала карта Атлантики, так называемая карта Медичи, на которой на этом же месте были нанесены острова под названием *Lesname* и *Porto Santo*. В 1350-х годах появилась также очень любопытная книга неизвестного автора, который назвал себя испанским францисканцем и упомянул, что он родился в 1305 году. Книга подробно описывала всю землю и основывалась на якобы собственных путешествиях автора. Хотя это была, несомненно, фикция, тем не менее она отражала уровень географических знаний своего времени. В ней слова *Lesname* и *Puerto Santo* употреблялись в качестве названий островов Атлантики. Когда португальцы снова открыли Мадейры, один из островов они называли Порту-Санту, а название Мадейра — просто португальский перевод итальянского *Legname* (Лесистые острова).

После открытия Азорских островов в 1427 году испанцем Диего де Севилья*, который в то время находился на службе у португальцев, эти острова тоже связывались с островами Святого Брандана. Различные карты XV века так их и показывают, но подробное перечисление этих островов только утомило бы читателя.

Дело в том, что вплоть до настоящего времени остров Святого Брандана был скорее запутанным вопросом, чем

* По мнению большинства авторитетных исследователей, Азорские острова были открыты в 1432 году португальской экспедицией Гонсалу Велью Кабрала. — *Прим. ред.*

мифом. С одной стороны, было известно, что в Атлантике есть острова, с другой стороны, существовало убеждение, что ирландский святой сделал какое-то открытие; проблема состояла лишь в том, чтобы привести в соответствие то и другое. Известный венецианский картограф Андреа Бианко последовал традиции и на своей карте 1436 года связал Мадейры с открытием святого Брандана. Но тот же Бианко на своей более известной карте 1448 года представил острова Мадейра и Азорские в виде беспорядочной вереницы островов, тянущихся с севера на юг и расположенных к востоку от другой группы островов, которая, очевидно, и была изображением подлинных Азор, воспроизведенных по португальскому источнику; они дополнили традиционное представление итальянцев об атлантических островах. Однако Бианко, вынужденный их как-нибудь назвать, назвал самый большой остров этой группы островом Святого Брандана.

Именно с этого момента остров начинает превращаться в миф в том смысле, в каком мы здесь употребляем это слово. Из ярлыка, прикрепляемого к известным уже островам Мадейра или Азорским, он превращается в название, живущее своей собственной жизнью и готовое свободно путешествовать по карте. В такой роли он, видимо, впервые фигурирует на знаменитом глобусе Мартина Бехайма, немецкого картографа, который в 1492 году находился на службе у португальцев и, очевидно, оказал влияние на Колумба. На глобусе Бехайма остров Святого Брандана появляется к западу от фактически существующей группы островов Зеленого Мыса и изображен значительных размеров.

Мифическая история острова Святого Брандана просуществовала столетие или около того. На английской карте 1544 года, приписываемой Себастьяну Каботу, остров был обозначен почти в центре Атлантики на широте северной части Ньюфаундленда. На широко известных картах Меркатора 1567 года и Ортелия 1571 года он показан там же. Другие картографы вплоть до начала XVII столетия копировали английскую карту. В 1620 году на карте Михаэля Меркатора остров еще сохраняется, но к середине столетия он исчез.

Однако с ним все еще не было окончательно покончено. Он вновь переместился к тому месту, где появился впервые, к Канарским островам. В конце XVII века решили,

что среди Канарских островов существует восьмой остров, помимо основной группы из семи островов, и он был назван островом Святого Борондона. И по сей день жители Канарских островов не очень-то любят покидать родные места, поэтому их вера в существование еще одного острова могла быть сравнительно живучей. Поступали сообщения о том, что остров видели недалеко от острова Пальма, но попытки канарских рыбаков, последняя из которых была совершена в 1721 году, найти его оказались тщетными. Тем не менее «Сан-Борондон» был официально объявлен собственностью испанской короны. Еще раз кто-то видел остров уже в 1759 году.

В настоящее время большинство историков полагает, что, если и есть доля правды в описании второго путешествия святого Брандана и его открытиях, значит, он, возможно, заходил на острова Мадейра или Азорские. Но в наше время острова его имени не существует, как нет его на картах уже на протяжении двух столетий.

Прежде чем мы займемся историей острова Бразил, нам, вероятно, придется уточнить один вопрос. Название «Бразил» не имеет ничего общего с Бразилией, которую мы знаем. Есть только отдаленная связь в этимологии этих слов, но на этом их сходство и кончается.

Бразил был более чем легендой. В Европе XIV и XV столетий его считали добротным солидным островом, находящимся недалеко от Европы и заслуживающим внимания. Предание о святом Брандане изучали главным образом по картам и рукописям, а история Бразила включает и несколько реальных путешествий.

Наиболее правдоподобная догадка о значении названия «Бразил», видимо, состоит в том, что оно объединяет два кельтских слова: *breas* и *ail*. Оба они имеют хвалебный оттенок, поэтому *breas — ail* можно было бы перевести как нечто вроде «превосходный», «великолепный», «самый великий». Впервые слово «Бразил» встречается как имя языческого божества Ирландии дохристианского периода. В древних летописях оно упоминается также как мужское имя, например святой Брека, отшельник Аранских островов около 480 года, первоначально именовался Бразил.

Когда именно и почему слово «Бразил» стало обще-

принятым названием острова, неизвестно. Мы не знаем с полной определенностью, когда точно молва о мифическом ирландском острове сравнительно широко распространилась в Европе, но это все же произошло, и тогда его название перепутали с другим, похожим названием, что, вероятно, повлияло на общее представление о его истории.

Процветающая текстильная промышленность в районе Средиземноморья постоянно нуждалась в красителях, и в ряде записей (самая ранняя относится к 1193 году) упоминается какое-то «зерно» — краситель, пользовавшийся большим спросом в Европе. Марко Поло упомянул о зерновой культуре бразил, выращиваемой на Суматре, а его секретарь дополнил запись заметкой о том, что Поло привез немного зерен домой, так как этот злак в Италии не растет. Какой это был злак, не ясно, но зато можно догадаться о происхождении его названия. Мы знаем, что слово *brasil* было термином, означающим на средиземноморском эсперанто «уголь» (испанское *brasero*, португальское *brasa*, итальянское *bracièrre*, французское *braise*, в настоящее время используемые только в значении «горящий уголь»), а кроме того, мы знаем, что краски изготавливались из угля с незапамятных времен. Представляется вероятным, что в обращение вошла некая компромиссная форма, образованная из различных романских слов, обозначающих любой материал, используемый в качестве красителя. Вот откуда происходит название современной Бразилии: этот район Южной Америки называли так за его обширные леса, полные растений-красителей.

Теперь нетрудно себе представить, что ирландское слово, которое можно было перевести как «Самый лучший остров», перепутали со средиземноморским словом, переводимым как «Остров красителя». Возможно, что виновником этой путаницы был арабский географ Идриси. Его рассказ об острове Сахелия мы еще вспомним и расскажем о нем подробнее в главе шестой в связи с легендой об острове Семи городов. Здесь достаточно сказать, что, согласно Идриси, корабли со всего света приходили на остров, чтобы вести торговлю красками и драгоценными камнями. Это, возможно, и привело к мысли о существовании какого-то острова в Атлантике, служившего поставщиком красителя, который спутали с распространенной в то вре-

мя верой ирландцев в неведомый остров в том же районе, название которого, казалось, подтверждало такое предположение.

К сожалению, теории, основанные на древнеирландских источниках, лишь догадки. Название «Бразил», несомненно, ирландского происхождения, но упоминания об этом острове ирландцев начинают встречаться значительно позднее. Он впервые появился на карте Анжелино Дульсерта в 1325 году. Остров выглядит как большая окружность на широте южной Ирландии и называется *Insula montonis sive abresil*, что можно было бы перевести как «Остров баранов, или Бразил». Возможно также, что под словом *montonis* подразумеваются находящиеся на острове горы и что его нужно переводить словом «горы». На нескольких более поздних картах уже ясно указано на то, что это гористый остров, поставлявший краситель*.

После своего, вероятно первого, появления на карте Дульсерта Бразил закрепился на других картах в виде круглого острова в Атлантике приблизительно на широте южной Ирландии. Он зафиксирован на всех картах, уже упоминавшихся в связи с островом Святого Брандана. На очень неразборчивой карте Пидигано 1367 года, где святому Брандану приписывается честь открытия «так называемых Сонных островов», дается еще более странное название, которое, если только оно правильно прочитано, означает, что этот остров был не только островом красителя, но и опасным островом. Как мы увидим в главе шестой, было сделано предположение, что жители острова Сахелия уничтожили друг друга в междоусобных войнах, и не исключена возможность, что такое название явилось отражением этих событий.

На анонимной карте, созданной в 1375 году в Каталонии, дело обстоит иначе: Бразил находится на обычном для него месте, но превращен в своего рода атолл, обрамляющий лагуну с девятью маленькими островками. На другой каталонской карте около столетия спустя изображены два острова Бразил. Один из них — на своем

* Эта характеристика наводит на мысль о Канарских островах, так как они достаточно гористы, и к тому же их главным продуктом до последнего времени была кошениль. Но это отождествление несостоятельно: кошенильная промышленность на Канарских островах была создана только в XVI веке, после испанского завоевания.

обычном месте по отношению к южной Ирландии, хотя и западнее, чем на предшествующих картах; другой — в дальней стороне Атлантики — представляет собой круглый атолл, который точно вписывается в вогнутый залив в южной части островов Зеленого Мыса, земли, которая не может быть ничем иным, кроме смещенной Гренландии (глава 9).

Знарок мифических островов Атлантики Уильям Х. Бабкок высказал предположение, что Бразил, представленный в виде атолла, возможно, приблизительное изображение залива Святого Лаврентия, который наполовину закрыт со стороны моря и усыпан островами. Он расположен в том районе Атлантики, куда преобладающие ветры и течения могли занести путешественника-европейца еще до Колумба. Если это предположение справедливо, то Каталонская карта 1375 года оказалась бы первой из известных нам карт с изображением части американского побережья.

Самое раннее упоминание об острове Бразил, помимо карт, содержится в уже указанной нами любопытной книге анонимного испанского францисканца, где Бразил фигурирует как один из атлантических островов. Первое отмеченное в истории плавание в поисках этого острова было, по-видимому, предпринято в 1452 году португальцем Диегу де Тейви, которого принц Генрих Мореплаватель отправил в Северную Атлантику на поиски новых земель. Он поплыл на запад-юго-запад до Саргассова моря, затем повернул на север и открыл два самых западных острова из группы Азорских островов, в то время еще неизвестных португальцам. Продолжая плыть на север в поисках Бразила, он достиг широты южной Ирландии. Позднее он говорил, что был убежден в том, что где-то рядом находится еще не открытая земля. Но когда целенаправленные поиски не привели ни к каким результатам, он повернул домой. Одним из членов его экипажа был испанец Педро де Веласко. Через сорок лет этот старый моряк ушел со службы и, живя в Палосе, в Испании, встретился с итальянским искателем приключений Христофором Колумбом, который строил планы путешествия по Атлантике. Старый морской волк рассказал начинающему путешественнику о Саргассовом море и уверил его, что в нем нет ничего опасного; он также оказал большую помощь Колумбу при комплектовании его экипажа.

Около 1482 года Уильям Уорчестер из Бристоля закончил свой труд, посвященный описанию южной и западной Англии. В этой книге он рассказывает о том, как его шурин, бристольский купец, в июле 1480 года отправил в плавание Джона Ллойда, «самого искусного капитана торгового флота Англии», с тем «чтобы он пересек море в поисках острова Бразил в западной части Ирландии». Ллойд потерпел неудачу: его плаванью препятствовали штормы, и через десять недель ему пришлось возвратиться, так как стало подходить к концу продовольствие.

Педро де Аяла, испанский посол в Англии, в 1498 году сделал не совсем ясное заявление, гласящее, что «за последние семь лет жители Бристоля экипировали две, три и четыре каравеллы в поисках острова Бразил и острова Семи городов». (О Семи городах речь пойдет более подробно в главе 6.) Означает ли это, что на протяжении последних семи лет предпринимались путешествия или что потребовалось семь лет для подготовки одного флота? В любом случае это заявление — свидетельство серьезного намерения бристольских купцов отыскать Бразил.

Хотя легенда об острове Бразил была, вероятнее всего, ирландского происхождения, мы напрасно будем стараться найти отчеты ирландских путешественников о поисках этого острова. Начиная с XII века ирландцы были завоеванным и угнетаемым народом и не могли снарядить много кораблей. Но почему-то англо-ирландцы, англичане, захватившие страну и изо всех сил старавшиеся стать «больше ирландцами, чем сами ирландцы», никогда не проявляли к этому острову интереса. И в самой Ирландии остров Бразил почти полностью перешел в область преданий.

Исчезающие острова или острова, которые могут видеть лишь избранные, — знакомый мотив кельтских мифов. Диапазон их велик, начиная с западного земного рая Авалона, знакомого по рассказам и песням о короле Артуре, и кончая многими более будничными мотивами. Например, рассказ о девяти островах, которые появляются из моря каждые семь лет; их ясно видно с берегов залива Голуэй, но они исчезают, как только кто-нибудь пытается приблизиться к ним. Находились свидетели, которые утверждали, что видели на этих островах людей, занимавшихся своими повседневными делами. Два человека,

имена которых известны, утверждали, что видели острова своими глазами: один из них был Томас Отуэй, известный драматург эпохи Реставрации, другой — Томас Дж. Уэстропи, ирландский фольклорист XIX столетия, который изучал легенду о Бразиле. (Очевидно, сообщения как того, так и другого Томаса не подвергали особому сомнению.)

Кроме того, существует еще остров Эйнхаллоу, входящий в группу Оркнейских островов. По преданию, он когда-то был заколдован и время от времени поднимался на поверхность моря, но скрывался снова прежде, чем кто-нибудь мог к нему подойти. Существовало поверье, что если бы человек смог подплыть к острову, не спуская с него глаз, и при этом держать в руках меч, то он разрушил бы чары. В XVII веке кому-то якобы удалось это сделать, и с тех пор остров остался на поверхности.

Существующие записи слишком скудны, и в них нет точного указания на то время, когда именно Бразил стал мифом в Ирландии. Это было настолько давно, что хроникер XII века Хонорий из Аутуна уже упомянул в своей хронике о Бразиле как о первом пропавшем острове. Он якобы существовал где-то в Атлантике и был самой плодородной и прекрасной землей на свете, но никто из тех, кому довелось его встретить, никогда не мог найти его снова.

Как миф, Бразил стал известен в различных вариантах своего написания, например *Hi-Brasil* или *O'Breasil* (или какой-либо вариант написания того или другого). Оба префикса — формы кельтского слова, означающего «предок», и служат для усиления легендарного элемента. Временами эта история принимала причудливые формы. В провинции Манстер, например, существовало поверье, что в одной из гор в этих местах якобы есть никем не обнаруженная гробница древнего ирландского короля Конана, а в гробнице ключ, и если этот ключ найдут, то с его помощью можно будет заставить пра-Бразил подняться со дна моря. По-видимому, Бразил до последнего времени отождествляли с одним из девяти островов, упоминавшихся ранее.

В 1680-е годы было установлено, что в Голуэе живет некий Морроу О'Лей, который провел шесть или восемь лет на острове Бразил и по возвращении успешно практиковал в качестве врача. Здесь хорошо знакомая нам фольк-

лорная схема. Ее детально исследовал Джозеф Кэмпбелл в книге «Герой с тысячью лиц», основное действующее лицо которой отваживается проникнуть в мир сверхъестественного и возвращается наделенным силой делать добро своему народу. В наиболее распространенных легендах Британских островов этот мотив принимает знакомый вид повествования о человеке, который проводит некоторое время среди фей и возвращается, наделенный способностью исцелять. Бразил отождествляется здесь со сказочной страной.

Однако в XVII веке что-то возбудило в англо-ирландцах интерес к острову Бразил, и они увидели в нем конкретные перспективы. Около 1625 года один из представителей рода Лесли графства Монахан добился королевской дарственной на Бразил, которая должна была вступить в силу, когда этот остров будет найден. А Хардиман в своем труде «Ирландские сказания» приблизительно 1636 года упоминает о капитане Риче, который якобы обнаружил Бразил, но не смог подойти к нему из-за тумана; согласно его ориентировке Бразил находился в Бискайском заливе.

Очевидно, единственным человеком, когда-либо утверждавшим, что он приставал к Бразилу, был Джон Нисбет, ирландский капитан. В 1674 году он бросил якорь в гавани Киллибегс и там рассказывал свою историю. По его версии, Бразил был большой черной скалой, населенной большими черными кроликами и злым колдуном, который живет в неприступном замке. Нисбету удалось победить колдуна с помощью огромного костра, а огонь, как известно, — это власть света, побеждающая власть тьмы, откуда и пошла практика сжигания ведьм. Он привез с собой нескольких шотландских бродяг, с которыми отретпировал варианты повествования для подтверждения его собственной истории. Но нет никаких признаков того, что кто-нибудь принял его рассказы всерьез.

Начиная с XVI столетия Бразил постоянно появлялся на картах в американских водах, кроме карты Ортелиа 1571 года, где остров был вновь изображен в соответствии с традицией к югу от Ирландии. В XVIII веке он прочно удерживался в середине Атлантики.

Бразил умирал трудно. Он продолжал оставаться на картах и в XIX веке и исчез, в сущности, менее столетия тому назад. Но к этому времени он уменьшился и превра-

тился из крупного острова в маленькую скалу Бразил, которая была зафиксирована на весьма значительной карте Северной Атлантики Джона Пёрди 1825 года. В 1836 году знаменитый немецкий ученый Александр Гумбольдт отметил, что из всех фиктивных островов северной Атлантики пока все еще сохраняются только скала Бразил и Майда. (О Майде см. главу 10.) Наконец в 1873 году, когда во время плаваний по этому часто посещаемому участку океана не было обнаружено предполагаемой скалы, британское Адмиралтейство сочло более уместным убрать ее со своих карт.

Различные острова, некоторые из них дьявольские

Любой человек, знакомый с навигационными картами, видел на них мели и рифы, а иногда и острова, помеченные сокращенным предостерегающим условным знаком «P.D.» (положение сомнительно) или «E.D.» (существование сомнительно). В этом случае консерватизм картографов заслуживает похвалы. Они предпочитают допустить научную ошибку и сохранить несуществующий остров вместо того, чтобы совершить практическую ошибку, которая могла бы стать причиной кораблекрушения, если остров все же окажется на месте. Поэтому весьма возможно, что некоторые из несуществующих островов все еще сохраняются на картах, и их в дальнейшем, вероятно, придется включить в исследования, посвященные местам, более не существующим на карте. К числу таких островов относятся как легендарные острова, так и острова, существование которых можно поставить под сомнение. Один-два из них, возможно, и существуют, но отсутствие убедительных данных, подтверждающих их существование, привело к тому, что их убрали с карт. Истории каждого из этих островов никак не связаны друг с другом, но, поскольку каждая из них в отдельности не заслуживает того, чтобы ей посвящали целую главу, нам представляется более целесообразным рассмотреть их одну за другой в алфавитном порядке в одной и той же главе и в конце этой главы уделить особое внимание двум особенно интригующим проблемам.

Антилия

Это слово до сих пор сохранилось в названии «Антилы» в применении к Вест-Индии и особенно к длинной, похожей на кривую саблю дуге маленьких островков, протя-

нувшейся в юго-восточном направлении между Пуэрто-Рико и венесуэльским побережьем. Но название этих островов и представление о них предшествуют открытию Вест-Индии или, во всяком случае, открытию Колумба.

Это название само по себе ни о чем не говорит. На латинском языке оно означает просто «остров, находящийся напротив»*.

Под названием «Антилия» этот остров, возможно, впервые появился на карте братьев Пицигано в 1367 году приблизительно на месте Азорских островов, в то время еще не открытых или не зарегистрированных. Снова он появляется на анонимной Каталонской карте приблизительно 1425 года.

На важной карте Батисты Беккарио 1435 года остров Антилия впервые изображен в том виде, который в дальнейшем становится общепринятым, — четкий прямоугольник в западной части Атлантического океана, далеко на запад от Испании, но приблизительно на той же широте. Он сопровождается тремя более мелкими островами: *Reylla*, *Salvagio* и *I in Mar*. Небезынтересно отметить, что *I in Mar* означает просто «остров в море», а *Salvagio*, неожиданно появившийся далеко на юге, обычно помещали в ньюфаундлендских водах. К этому острову мы еще вернемся позднее в этой же главе. Авторы некоторых карт отождествляли остров Антилия с островом Семи городов (глава 6), а после открытия Америки на некоторых картах название «Антилия» было перенесено на материк. На карте, относящейся приблизительно к 1508 году, на которой Семь городов размещены вдоль восточного побережья Северной Америки, название *Antiglia* используется для обозначения островного района Южной Америки приблизительно на месте современной Венесуэлы. Новые открытия того времени перепутывались с традиционными географическими представлениями, и эта путаница приводила к некоторым удивительным и сумасбродным идеям, которые можно уловить при чтении старых карт и нужно иметь в виду при их изучении.

Во всяком случае, во времена Колумба европейские географы, очевидно, считали несомненным существова-

* Хотя Александр Гумбольдт без всякой видимой причины предложил другое толкование: от арабского *al-tin* (дракон).

ние большого острова в западной части Атлантики. Они даже иногда ссылались на его предполагаемое открытие.

Мартин Бехайм на своем глобусе 1492 года обозначил остров Антилия и сделал примечание, гласящее, что в 1414 году испанский корабль «подошел к нему ближе всех остальных, не испытав опасности». Это наводит на мысль о том, что остров был известен еще раньше и рассматривался как угроза для мореплавателей. Имеются также ссылки на португальцев, которые в 1440-е годы якобы достигли острова Антилия, но, вероятнее всего, речь идет о тех же путешественниках, которые, как предполагают, посетили Семь городов (глава 6). И сам Колумб, находясь в Лиссабоне около 1480 года, написал письмо королю Афонсу V, в котором упоминал об «острове Антилия, который Вам известен». Как уже было сказано во второй главе, Колумб отнюдь не был пропагандистом новой «сумасбродной» теории о том, что Земля круглая, а его противники не основывали своей аргументации на том, что она плоская. Спорным вопросом был размер окружности Земли, и здесь Колумб целиком заблуждался, а противники его были ближе к истине. Не располагая почти ничем, кроме страстного желания к достижению цели и данных, собранных им самим у отдельных географов, взгляды которых не противоречили его идеям, Колумб сократил расстояние вокруг Земли до такого, которое могло бы сделать путешествие на восток через запад осуществимым. Противники идеи Колумба, точнее представлявшие себе расстояние, знали, что ни один корабль не может вместить столько продовольствия, сколько потребуется для такого длительного путешествия. Но у Колумба был готов ответ и на это возражение.

В то время во Флоренции находился некий Паоло Тосканелли, врач по профессии и довольно упорный в своих заблуждениях энтузиаст-географ. У него были свои собственные парадоксальные идеи, и он их отстаивал, но он был достаточно знающим человеком, чтобы пользоваться известной долей уважения со стороны более осторожных географов. У Колумба было письмо от Тосканелли, датированное 1471 годом. В этом письме Тосканелли рекомендовал использовать остров Антилия как удобное место для остановки и пополнения запаса продовольствия.

Поэтому Колумб, отправляясь в плавание, очевидно, рассчитывал на то, что, если дела пойдут из рук вон плохо, он сможет пристать к острову Антилия. Возможно, что он туда и направился, поэтому некоторые историки отождествляли Антилию с островом Куба. Колумб был убежден, что он достиг восточных берегов Азии или по крайней мере какого-либо острова этого района. С этим убеждением он и умер. Но результатом его путешествий было то, что современные Антильские острова попали на карту, а остров Антилия с нее исчез.

Педро Мάρтир, зафиксировавший историю путешествий Колумба, в 1511 году писал, что великий первооткрыватель был уверен, что он нашел страну Офир, куда корабли царя Соломона приходили за золотом*, «но если внимательно ознакомиться с описанием космографов, то представляется более вероятным, что оба эти и другие примыкающие к ним острова — острова Антилия».

Остров Антилия продержался на нескольких картах в начале XVI века еще пару десятилетий. Но позднее у него не было больше причин оставаться там. Еще до наших дней не исключена возможность того, что остров не был легендарным, а что существование его было установлено во время какого-либо не точно зарегистрированного и забытого плавания корабля, который, возможно, достиг Кубы или Флориды. Однако в настоящий момент вопрос об этом остается открытым, а острова Антилия на карте уже нет.

Острова Аврора

Этих островов было три. Они были обозначены к юго-западу от Фолклендских островов на полпути к Южной Георгии. Свое имя они получили от испанского корабля «Аврора», который впервые сообщил о них в 1762 году, а начиная с 1856 года их уже никто не видел. С этими островами связано несколько интересных проблем.

* Этим «Офиром» был остров Гаити, или Эспаньола, где Колумб обнаружил многочисленные золотые рудники. Его сын Бартоломе подтвердил, что Колумб принял этот остров за тот самый, на который царь Соломон отправлял свои корабли. Эта догадка, высказанная самим Колумбом, представляет интерес как теория, впервые высказанная после плавания Колумба, предполагающая возможность открытия Америки еще до него.

Во-первых, они, по-видимому, единственные из находящихся под сомнением островов, дважды виденных с одного и того же корабля, так как офицеры «Авроры» в 1774 году сообщили, что видели их опять. В промежутке между этими годами другой испанский корабль, «Сан-Мигель», зафиксировал их местоположение на 52°37' южной широты и на 47°49' западной долготы. На протяжении последних двух десятилетий XVIII столетия их видели еще несколько раз.

Затем в 1794 году испанский корвет «Атревидо» под командованием капитана, имя которого зарегистрировано как Ж. де Бустаменте, отправился в плавание с целью исследовать острова Аврора и разыскал их. В соответствии с записями Бустаменте центральный и самый большой остров имеет вершину, похожую по своим очертаниям на палатку; с южной стороны он белый от снега, а с северной — темный. Другой остров, к северу от первого, представляет собой пик меньшего размера, тоже покрытый снегом, а самый южный из них — большая скала в форме седла, которую сначала приняли за айсберг. Экипаж подтвердил широту и долготу островов Аврора, и они заняли прочное место на карте.

Но после этого никто, по-видимому, не обращал особого внимания на эти три бесполезных выступа, торчащих в ледяной воде, кроме как с целью избежать опасности. Джеймс Уэддель, известный исследователь Антарктики, был следующим из тех, кто разыскивал эти острова. В 1820 году он обследовал указанный район и ничего не нашел. Такая же безуспешная попытка была предпринята в 1822 году экипажем промыслового судна во главе с Бенджамином Моррелом.

С тех пор все поиски были бесплодными, но острова Аврора продолжали оставаться на многих картах по крайней мере до 1870-х годов. Тот, кто читал Эдгара По, вероятно, помнит, что одной из целей путешественников из «Повести Артура Гордона Пима» были поиски этих островов. Среди матросов, огибавших мыс Горн, эти острова превратились в поверье, и была создана легенда о том, что испанский галеон, полный сокровищ, был выброшен на один из островов Аврора и что сокровища эти можно спасти. Возможно, что источником легенды послужил случай с испанским судном «Сан-Тельмо», исчезнувшим вместе со всей командой у Южных Шетландских островов

в 1819 году. Правда, едва ли на его борту были какие-либо сокровища.

В таком случае, что же такое острова Аврора? Может быть, айсберги? Неужели ряд опытных моряков один за другим были обмануты случайным сцеплением трех айсбергов на одном и том же месте и только в конце XVIII столетия и никогда после? Такое объяснение мало убедительно. По некоторым догадкам под островами Аврора скрываются скалы Шаг, действительно находящиеся примерно на 53° южной широты и 43° западной долготы. Это группа из трех скал, видимых над водой на расстоянии около одной мили. Высказывалось предположение, что неточно зафиксированные скалы Шаг, возможно, стали фигурировать в отчетах под именем островов Аврора. Но такое предположение едва ли согласуется с описанием Бустаменте. Скалы Шаг — слишком маленькие, не привлекающие к себе внимание острова, никак не соответствующие его характеристике, и расположены они слишком далеко к востоку; невероятно поэтому, чтобы квалифицированный исследователь и мореплаватель мог допустить такую ошибку.

Романтически настроенный читатель может подумать, что острова эти ушли под воду. Такой возможности категорически отрицать нельзя, но, к сожалению, у нас нет сведений о каких бы то ни было островах, затонувших в субантарктических водах.

И в самом деле, нет ни одного убедительного объяснения истории островов Аврора, и то, что произошло с ними, продолжает оставаться одной из великих неразрешенных загадок моря.

Необходимо упомянуть еще об одном последнем и весьма сомнительном сообщении, связанном с этими островами. В 1856 году капитан судна «Хелен Бейрд» упомянул об островах Аврора в своем судовом журнале. Он пометил их координаты — $52^{\circ}41'$ южной широты и $48^{\circ}22'$ западной долготы, довольно близко к координатам, зарегистрированным в первый раз. По его сведениям, островов было пять, а не три, как сообщалось раньше. Согласно описанию острова покрыты снегом и простираются на 20—25 миль. Но этому сообщению не поверили, и с тех пор островов Аврора больше никто не видел.

Остров Дакули не упоминается в истории исследований, но им необходимо заняться, так как он помечен на старых картах. Остров Дакули впервые появился на карте Дульсера — Далорто 1325 года к северу от Бразила и к северо-западу от Ирландии. К востоку от Дакули есть еще один остров, называемый Бра, который нельзя считать мифическим потому, что это, вернее всего, смещенное изображение острова Барра из группы Гебрид. Но на картах этого периода он оказался странным образом связанным с островом Дакули.

Остров Дакули можно найти на большинстве известных карт, упоминавшихся нами ранее: карте Дульсера 1339 года, Медичи 1351 года, Пицигано 1367 года, Беккарио 1435 года, Парето 1455 года. Написание названия менялось, но положение острова оставалось приблизительно тем же, и на востоке его всегда сопровождал остров Бра. На карте Пицигано, той самой, на которой описываются острова Святого Брандана и Бразил, сделаны пометки, касающиеся острова Бра, на сомнительной и теперь почти не поддающейся прочтению латыни; содержание их невразумительно, но толкуется оно как указание на то, что моральный облик жителей острова был очень высок.

Одно из предполагаемых толкований значения слова «Дакули» — итальянское слово *culla* (колыбель). На карте Парето возле Дакули стоит латинская надпись, которую некоторые истолковывали как подтверждение этой теории. Смысл ее состоит в том, что беременные женщины острова Бра, которым трудно разрешиться от бремени, легче рожают, если их перевозят на Дакули. Это делает толкование названия «колыбель» более или менее уместным. Но действительно ли это слово связано с происхождением названия острова или просто вымышлено для того, чтобы объяснить его, сказать трудно.

На картах остров Дакули не пережила XV века. Хотя северные ирландские воды были далеко от итальянских картографов, они регулярно посещались итальянскими купцами, и потому воображаемый остров, расположенный в этом районе, не мог долго просуществовать на карте.

Лайонел Вафер был одной из наиболее колоритных фигур среди испанских мореплавателей. Родным языком его был кельтский, но он также великолепно владел английским. Некоторое время он был пленником индейцев Панамы, выучил их язык, принял их обычаи и прекрасно с ними уживался. В большинстве историй, связанных с его именем, он предстает в роли пирата, но, по-видимому, он был на пиратских кораблях лекарем и никогда сам не принимал участия в захвате добычи.

В 1687 году Вафер находился на борту судна, которым командовал голландский пират Джон Девис. После набега на Панаму с тихоокеанской стороны судно взяло курс на юг, чтобы обойти мыс Горн. То, что случилось во время этого путешествия, было описано Вафером в его «Описании перешейка Дариен», опубликованном в Лондоне год спустя. Судно трясло и качало в результате какого-то сильного подводного волнения, которое, как выяснилось позднее, было вызвано землетрясением в Калао. А вскоре после этого (датировка Вафера неточная) в море была замечена обширная полоса земли, приблизительно на $20^{\circ}27'$ южной широты, «которую мы приняли за острова». По определению Вафера ее длина равнялась 40—45 милям. Самая убедительная деталь его описания — большие стаи птиц, поднимавшихся с этой земли. Если верить этой детали, то создается впечатление, что она исключает такие объяснения, как оптическая иллюзия или скопление облаков, увиденное на горизонте.

Вафер (или, возможно, сам Девис) назвал эту вновь открытую землю Землей Девиса.

Капитан Уильям Дампир, другой полупират, проводивший важную исследовательскую работу в Тихом океане в 1688 году, принял сообщение Вафера всерьез и стал разыскивать Землю Девиса, однако безуспешно. В 1721 году голландский шкипер Якоб Роггевен предпринял аналогичную попытку и открыл остров Пасхи. Очевидно, последним, кто производил столь же безуспешные поиски, был испанец Гонсалес в 1771 году, и начиная с этого времени Земля Девиса больше уже не появляется на картах.

Что же такое Земля Девиса? Может быть, самая верная догадка состоит в том, что это остров Пасхи. Он вполне соответствует описаниям Вафера, и не исключена возмож-

ность, что координаты острова были указаны неверно, так как в то время было еще очень трудно точно определить долготу. Широта указана на добрых 400 миль севернее, но поскольку сам Вафер не был профессиональным моряком, то и книга его не отличается шенетильной точностью. Возможно, что и наблюдения капитана Девиса были небрежными. Земля Девиса снискала себе благосклонное отношение защитников теории исчезнувших континентов.

Может быть, Земля Девиса была поднята землетрясением, о котором говорилось выше, а позднее она ушла под воду. Известно немало островов, погрузившихся в море в южной части Тихого океана в результате вулканической активности, причем в сравнительно недавние времена, поэтому нет необходимости привлекать сюда теории о пропавших континентах, так как это только осложняет дело.

Остров Дауэрти

Дауэрти в известном смысле один из самых странных из числа находящихся под сомнением островов. Данные о его существовании весьма убедительны, однако его нет на указанном месте. Особый интерес, который этот остров представляет, настолько велик, что имеет смысл дать читателю, незнакому с определением долготы и широты, ясное представление о зарегистрированном местонахождении этого острова.

Возьмите хорошую современную карту в южной полярной проекции. Проведите линию, соединяющую самую северную точку Огненной Земли с самой северо-западной точкой Земли Грейама. Пусть эта линия послужит вам основанием для построения равнобедренного треугольника, вершина которого указывала бы на запад. Эта вершина будет приблизительным местом нахождения острова Дауэрти, если он существует.

Примерно в этом же месте капитан Свейн, китобой из Пантакета, заметил, как он сообщал позднее, остров в 1800 году. По его описанию остров был высокий, покрытый снегом, со множеством морских птиц и тюленей. При всей своей скромности он назвал этот остров островом Свейна и указал его местонахождение: 59° южной широты, 90°—100° западной долготы. Приблизительно лет за тридцать до этого был изобретен хронометр, и долготу

стало возможно определять более точно, но на китобойных судах редко встречалось самое современное оборудование, поэтому определение долготы на них было обычно простым угадыванием на основе накопленного опыта.

Предполагают, что в последующие годы два других китобойных судна из Новой Англии видели этот же остров, но детали нам не известны, да к тому же и сам этот факт не возбудил особого интереса. В 1830 году два американских судна под командованием Натаниэля Палмера (того самого, которому американские карты долгое время приписывали честь открытия Антарктического континента) отправились в плавание с тем, чтобы уточнить положение острова Свейна. Детали этого путешествия расплывчаты, но, по-видимому, поиски производились не тщательно и закончились ничем.

Затем в 1841 году капитан английского китобойного судна Дауэрти сообщил об открытии острова. Согласно его сообщению остров был длиной 5—6 миль с высоким обрывом на северо-восточном конце, за которым располагалась низина, покрытая снегом. Дауэрти зафиксировал его местоположение: $59^{\circ}20'$ южной широты, $120^{\circ}20'$ западной долготы.

Обратите внимание на расхождение показаний. Исходя из расчетов, получалось, что оба острова находятся на 59° южной широты, но между предполагаемыми открытиями Свейна и Дауэрти разница от 20 до 30° долготы. Правда, по мере приближения к полюсам градусы долготы становятся все меньше и меньше. Правда также и то, что капитан Дауэрти признал, что он не уверен в сделанных им наблюдениях, так как в предшествовавшие дни видимость была плохая. И все же ошибка, дающая столь большое расхождение, заставляет сомневаться в том, действительно ли Свейн и Дауэрти имели в виду один и тот же остров.

По-видимому, лишь в XX веке было установлено соотношение между этими двумя открытиями. Но в это время открытие Дауэрти уже воспринималось как новое и его собственное, тем более что в годы, следовавшие за открытием, несколько мореплавателей подтвердили в своих сообщениях существование острова приблизительно на 59° южной широты и 120° западной долготы. Капитан Китс с «Луизы», вышедшей из Бристоля, детально описал

остров в 1860 году вплоть до упоминания об айсберге, приставшем к его северо-западному берегу. Китс определил местонахождение острова — $59^{\circ}21'$ южной широты и $119^{\circ}7'$ западной долготы. Его хронометр позднее проверили и нашли, что он допускает ошибку меньше чем на четверть мили.

Остров Дауэрти попал на многие карты, включая морские карты британского Адмиралтейства. Последние сведения об острове поступили в 1886 году, когда капитан Уильям Стеннард с «Сингалеза» сообщил, что видел его и что по соседству с ним было много тюленей; он определил его местонахождение на $59^{\circ}20'$ южной широты и $120^{\circ}18'$ западной долготы.

Начиная с 1889 года неоднократно производились поиски острова, но безрезультатно. Между 1894 и 1910 годом капитан Гринстрит предпринял пять попыток. Роберт Фалкон Скотт, известный исследователь Антарктики, прочесал этот район в 1904 году и на том месте, где, согласно сообщениям, должен был находиться остров, делал промеры, которые показали глубину около трех миль. Эрнест Шеклтон, другой знаменитый антарктический исследователь, обследовал этот район в 1909 году и тоже ничего не нашел. Однако следует отметить, что это произошло в середине антарктической зимы, когда условия навигации и видимость необыкновенно плохие, и потому этот факт сам по себе еще не являлся доказательством. В 1915 году исследовательское судно «Карнеги» прошло в трех милях от предполагаемого местонахождения острова, и позднее в сообщении говорилось, что условия видимости были таковы, что остров, если бы он существовал, можно было бы разглядеть на расстоянии до 35 миль с любой стороны.

Так закончились поиски острова Дауэрти. Остается неразрешенным вопрос: что с ним случилось? Погрузился ли он внезапно на невообразимую глубину или, может быть, сам Дауэрти и другие мореплаватели были случайно обмануты видом нескольких огромных антарктических айсбергов, которые временами тянутся на несколько миль? Но для этого нужно быть слишком доверчивым. Однако существенным моментом во всех описаниях является то, что никто из тех, кто сообщал о замеченном острове, никогда, насколько это известно, не утверждал, что приставал к нему.

Остров Дауэрти продолжает оставаться одной из самых мнящих загадок моря. Но на этом его тайна не кончается. Вспомним, что капитан Свейн сообщил об открытии острова в 1800 году, за сорок один год до сообщения Дауэрти. Ученые поставили между этими открытиями знак равенства главным образом потому, что оба острова субантарктические и находятся на широте 59° , и оставили в стороне огромное расхождение между долготой острова Свейна (зафиксированной им где-то между 90 и 100° западной долготы) и острова Дауэрти (отмеченной всеми утверждавшими, что видели его, приблизительно на 120° западной долготы). Указанное местонахождение острова Дауэрти было настолько тщательно проверено, что можно было считать доказанным, что его там нет. Координаты же Свейна были исследованы менее тщательно, и у вершины упомянутого треугольника все же может оказаться маленький несущественный антарктический островок, из-за которого разгорелся весь сыр-бор. В 1820-е годы капитан Ричард Мэси из Нантакета указал положение острова на 59° южной широты и 91° западной долготы, а это именно то место, куда приводит нас вершина построенного нами треугольника. В этом месте, возможно, есть остров, который в сочетании с айсбергами и замеченными в этих местах миражами мог стать источником легенды об острове Дауэрти, а моряки, которые ожидали увидеть его на этом месте, по-своему интерпретировали виденное.

Что же касается изображения острова на карте, то я не смог определить, когда он был отмечен в последний раз, но на карте Рэнда Мак-Нолли примерно 1939 года, принадлежащей мне, остров Дауэрти ясно виден. Насколько мне удалось установить, в 1950-х годах его уже на картах не изображали.

Остров Гранд

Испанский шкипер Антонио де ла Рош был опытным исследователем субантарктических вод, и, возможно, именно он открыл остров Южная Георгия за столетие до капитана Кука. Во время того же путешествия в 1675 году ему встретился «очень большой и приятный остров с гаванью на восточной стороне». Он указал, что остров на-

ходится на 45° южной широты, но не указал долготы и назвал его остров Гранд. Поскольку в этот момент Рош курсировал в атлантических водах, можно было бы предположить, что остров находится где-нибудь восточнее южной части Аргентины. Одно из предположений, касающихся этого острова, состоит в том, что Рош был обманут двумя мысами на аргентинском берегу на 45° южной широты, и, поскольку он не обошел вокруг этого «острова», он не смог обнаружить, что на самом деле это часть материка.

В отличие от других легендарных островов острову Гранд повезло, так как поиски его производил поистине первоклассный исследователь. Жан Франсуа де Гало, граф де Лаперуз, был в 1785 году направлен французским правительством в азиатские воды для проведения исследований. Кроме того, ему была дана дополнительная инструкция произвести по пути поиски острова Гранд. Он потратил довольно много времени на эти поиски, но без всякого результата и продолжал выполнять предписание, проделав важную работу по исследованию Азии и Австралии. Он работал до тех пор, пока его экспедиция не потерпела крушение в районе Новых Гебридских островов.

После него мореплаватели тщательно обследовали весь этот район; последним из них в 1826 году был американский охотник на тюленей Бенджамин Моррел. Незвестно, откуда он взял предполагаемое местонахождение предмета своих розысков: $43^\circ 10'$ южной широты и $31^\circ 15'$ западной долготы. Он сказал, что не верит в существование острова, но тем не менее прилагал некоторые усилия к тому, чтобы его найти, хоть и без особого энтузиазма. Однако он не нашел ничего. Это был, по-видимому, конец всей истории, и об острове Гранд забыли.

Остров Католика

Этот остров появился на карте Деселье в 1546 году на широте южной Флориды, и наряду с ним были обозначены еще три острова непонятного происхождения. Более поздние португальские карты помещали остров Католика приблизительно там же. Три других острова, обозначенные Деселье, были следующие: остров Святой Анны к во-

стоку от Новой Англии в средней части Атлантики и два острова, названные в честь безымянного святого островами Святого Х. Один из них находился к югу от Азорских островов, другой — к востоку от Лонг-Айленда. По-видимому, больше их никто не изображал на картах, если только Святая Анна не является первоначальным вариантом острова Сантана (Saint Anna — Santana), появившегося на карте Меркатора; о нем речь пойдет ниже.

В документах путешествий и открытий нет никаких пояснений, касающихся этих островов или их названий. Самая правильная догадка, возможно, состоит в том, что, поскольку демонические острова по традиции помещали в северной части Атлантики, добрый Деселье, о личности которого мы ничего не знаем, возможно, взял на себя миссию очищения этого района от нечистой силы и поместил на карте несколько священных имен.

Остров Святого Матвея

По-видимому, имя того, кто открыл остров Святого Матвея, не было нигде зафиксировано, но известно, что это произошло в 1516 году и что экспедиция, обнаружившая его, была португальской. Предполагали, что он находится в Гвинейском заливе*. Остров оставался на картах довольно долго, вплоть до XIX века.

В Гвинейском заливе есть остров Аннобон. Предполагалось, что остров Святого Матвея располагается на той же широте, но на 5° западнее. Очевидно, ошибка состояла в неправильном прочтении или написании долготы (западной вместо восточной). В результате этой ошибки люди долго верили, что на этом месте есть остров, которого на самом деле не было.

Остров Саксемберг

Этот остров был обнаружен голландским капитаном Линдеманом в 1670 году. Он числился в его судовом журнале на 30°40' южной широты и 19°30' западной долготы. (Вспомним, что долготу в те годы определяли очень при-

* В настоящее время существуют два острова Святого Матвея: в Беринговом море и у побережья Бирмы.

близительно.) К сообщению был приложен набросок острова. Это была низина с неожиданно высоким пиком посередине, очень похожим на колдовской колпак. Именно Линдеман назвал остров Саксемберг (иногда можно встретить ошибочное написание Саксембург).

То, что современники не предпринимали дальнейших попыток разыскать этот остров, говорит о скептическом отношении к нему географов. Об острове вспомнили снова в 1804 году, когда капитан Галловей с американского судна «Фанни» сообщил, что не только заметил остров, но даже наблюдал его в течение четырех часов. Он полностью подтвердил описание острова вплоть до пика в центре, а также данные Линдемана о широте, но долготу указал на два градуса восточнее. Если учесть, что Галловей пользовался хронометром, которого не было у Линдемана, то его сообщение можно считать подтверждением показаний последнего. Старый, сомнительный отчет Линдемана вытаскили на свет божий, стряхнули с него пыль, и остров Саксемберг был вновь водворен на карту.

Такое восстановление в правах показалось полностью оправданным, когда в 1816 году капитан Хэд представил описание острова, совпавшее с сообщением Галловея. Разница была только в том, что Хэд наблюдал остров в течение шести часов. Но его подтверждение было не очень надежным, так как Хэд был, несомненно, знаком с сообщением Галловея, а потому, весьма вероятно, увидел именно то, что и ожидал увидеть. Но едва ли можно предположить, что Галловей знал о старом, забытом описании Линдемана, которому, по существу, никогда не верили. Представляется несомненным, что Линдеман и Галловей видели что-то независимо друг от друга и приблизительно на одном и том же месте.

Но с тех пор там никто ничего больше не видел. Несколько систематических поисков, проведенных позднее, ни к чему не привели. Если бы потребовались дальнейшие доказательства того, что Саксемберга не существует, то они состояли бы в следующем: предполагаемый остров должен находиться на расстоянии 500 миль от острова Тристан-да-Кунья в южной части Атлантики, но жители этого острова, досконально изучившие все окрестные моря на сотни миль вокруг, ничего не знают ни о Саксемберге, ни о другом острове, который сколько-нибудь соответствовал бы его описанию.

Откуда же все это взялось? Может быть, Линдеман и Галловой были по случайному совпадению оба введены в заблуждение конфигурацией облаков на горизонте? Такое объяснение было предложено, но оно кажется неосновательным. Нет необходимости также предполагать, что остров погрузился под воду, хотя эта возможность не исключается. Единственное, что мы можем сказать определенно, это то, что два моряка, достаточно опытные, чтобы быть капитанами, на одном и том же месте увидели нечто, что они приняли за остров, но ни один из них не пристал к этому острову, чтобы удостовериться в его реальности. И мы знаем также, что теперь этого «нечто» уже нет.

На этом мы закончим алфавитный обзор островов. Этот перечень далеко не исчерпывающий. В него можно было бы включить еще и такие острова, как Инкорпородо и Подеста (не существенные в географическом отношении и не связанные ни с какими интересными историями) или остров Святого Хуана из Лиссабона, о котором я не смог найти надежных сведений. Поэтому перейдем к очень интересному рассказу о «дьявольских островах».

«Дьявольские острова»

Среди читателей географической литературы существует определенная группа людей, включающая и меня, которых можно было бы назвать людьми, «пристрастными к островам». В островах есть что-то притягательное.

Возможно, Рэчел Карсон права, считая, что человек, житель земли, воспринимает море как чуждый ему мир и его инстинктивно привлекает к себе внезапно появившийся кусочек его собственной среды обитания среди всей этой враждебной ему обширной стихии. Но какое объяснение ни старались бы этому дать, оно ничего не меняет в нашем отношении к островам, они по-прежнему обладают особой притягательной силой. Это знает каждый мальчишка, который испытал особое удовольствие, когда ему удавалось перебраться на лодке на крошечный островок на реке или озере и там изображать из себя пирата, хотя он с таким же успехом мог бы это сделать на берегу. Никому не придет в голову фантазировать о кораблекруше-

нии на тропическом побережье континента, даже если климат и девушки там не менее заманчивы, чем на любом тропическом острове. Событие, которое показалось бы незначительным и было бы быстро забыто, случись оно на материке, могло бы быть достаточным для того, чтобы сделать знаменитым остров. Обратите внимание, например, на то, что о сокровищах Штейнхеймера, якобы захороненных где-то в северном Техасе, слышали очень немногие, тогда как было предпринято множество бесплодных попыток отыскать сокровища, по слухам, спрятанные где-то на Кокосовом острове.

По-видимому, острова привлекают какой-то невыразимой таинственностью, и эта таинственность уходит корнями в далекое прошлое. Географы-классики создавали повесть за повестью об открытиях интересных и необычных островов. Возможно, что интерес к островам усиливался из-за того значения, которое в средние века географы связывали со словом «остров». Употребляли это слово не в современном смысле, а как неясный намек на какую-то далекую землю, которую считали интересной и посещение которой предполагало длительное морское путешествие*. Правдивый Марко Поло называл островами все земли, о которых он слышал что-нибудь примечательное, но которые он лично не посетил. Полстолетия спустя автор знаменитой книги о путешествиях по суше и по морю, приписываемой Джону Мандевилю, заповедовал Восток островами, полными чудес, которые он, согласно его утверждению, посетил сам, но большинство из этих островов, если они вообще существовали, на самом деле были, вероятно, частями континента.

Если принять во внимание это широко распространенное человеческое пристрастие к фактически существующим островам и добавить к этому убеждение людей средневековья, что остров — это место всяческих чудес, то будет нетрудно понять, почему среди географов средневековья возникла уверенность в том, что на некоторых

* Антониу Галвану, писавший около 1555 года, упомянул о нереализованном проекте фараона Сесостриса III (XIX век до нашей эры) прорыть канал, соединяющий Нил с Красным морем, и прокомментировал, что, если бы этот проект был осуществлен, Африка стала бы «островом, со всех сторон окруженным водой». Это, насколько мне удалось установить, самое раннее четкое употребление слова «остров» в современном его смысле.

островах происходят страшные и сверхъестественные вещи.

Представление об отдаленных островах как о заколдованных местах, населенных духами, или как о местах, где происходят чудеса, конечно, не ограничивается средневековой Европой. Оно свойственно всем ранним приморским культурам. Сюда относится история знаменитого благословенного острова Авалон и различных островов, населенных демонами, о которых рассказывают древнеирландские саги (особенно в легендарном путешествии Майль-Дуйна). Я упомянул о некоторых из них в четвертой главе наряду с чудесными островами, которые святой Брандан посетил, по преданию, во время своих странствий. А в главе девятой мы познакомимся с западным островом, на котором, по легендам античных времен, был заключен лишенный трона отец Зевса Крон. Можно было бы упомянуть еще много других островов, как, например, остров Пенг-Лай, который, по поверью древних китайцев, был расположен в Тихом океане и таил в своей глубине эликсир телесного бессмертия и который каждая экспедиция, отправлявшаяся на его поиски, находила перевернутым вверх дном. Но эти острова к делу не относятся, так как они не появлялись на картах.

Один из таких чудесных островов, отмеченных на карте, во всяком случае на карте арабского географа XII века Идриси, — остров Ваквак. На этом необыкновенном острове, якобы населенном только женщинами, росли деревья, плоды которых по форме походили на женские головы и свисали с ветвей, прикрепленные за волосы. Эти головы непрерывно выкрикивали бессмысленное «Вак-Вак» и, если их срывали с дерева, умирали. Никто так и не нашел удовлетворительного объяснения этого странного мифа, хотя Ричард Бертон в своих примечаниях к книге «Тысяча и одна ночь», где упоминается Ваквак, указывает на возможную связь этого мифа с тем фактом, что на кантонском диалекте Японию иногда называли Вакок.

Христианское верование средневековой Европы предполагало существование рая на небесах и ада в недрах планеты. Такое размещение ада предполагало существование входных и выходных отверстий на поверхности земли, и географы позднего средневековья «нашли» некоторые из них. Эти отверстия находились, вероятнее всего,

в районах вулканической активности, наиболее известными из которых стали остров Стромболи на Средиземном море и гора Гекла в Исландии. Один анонимный испанский картограф поместил в Атлантике Адский остров (Дель-Инфьерно), а поскольку под этим островом, по-видимому, подразумевался один из Канарских островов, наверное, имелся в виду вулканический пик Тенерифе. А разве не могло их быть бесконечно много в неведомой дали этих далеких «островов, на которых могло случиться все, что угодно».

Когда читаешь о средневековой европейской цивилизации или по крайней мере о некоторых ее периодах, то создается впечатление, что люди того времени чувствовали себя так, как будто их все время осаждал жестокий враг. На Земле существовала довольно маленькая территория, называемая христианским миром, где воля бога была известна и где ее выполняли, а наряду с ней обширные неизведанные пространства, окружавшие ее,— обиталище его врага. Если смотреть на вещи с такой точки зрения, то усилия католических миссионеров представляются не столько попытками спасти отдельные души, сколько военными набегами на территорию сатаны, а жестокости инквизиции и крестовые походы направленными не столько на то, чтобы пресечь нарушение христианских законов, сколько на то, чтобы принять меры против подрывной деятельности врага. Несомненно, что с помощью многочисленных цитат средневековых авторов можно было бы опровергнуть такую интерпретацию, но данных вполне достаточно, чтобы создалось впечатление, что основная масса людей того времени верила в нечто подобное. Поэтому нет никакой необходимости погружаться в глубины веры или суеверия для того, чтобы понять, как с культурой тех времен сочеталось убеждение в том, что атлантические острова — прибежище нечистой силы.

Когда именно возникло это суеверие и сколько времени продолжало оставаться в сознании простого народа и в матросских легендах, сейчас невозможно определить. Но нет сомнений в том, что оно существовало, так как мифические острова не наносили на карту без всякой причины. Насколько нам известно, впервые такой «дьявольский остров» появился на карте Андреа Бианко в 1436 году под названием Сатанаксио. Полное название острова,

хотя оно очень трудно поддается прочтению на этой карте, по-видимому, означает «рука Сатаны», но остается непонятным странный суффикс, добавленный к имени сатаны. Норденшельд, который произвел обширные исследования Арктики и позднее стал большим знатоком древних карт, высказал мнение, что оригиналом, возможно, было *Santanagio*, что на языке басков означало остров Святого Афанасия, и считал это доводом в пользу того, что баски знали американские воды еще до Колумба. Возможно, что это правда и что неправильное понимание чужого языка привело к тому, что итальянский картограф поверил в связи западноатлантического острова с дьяволом.

Во всяком случае, Бианко поместил на своей карте дьявольский остров, а более поздние картографы просто его скопировали. Но в промежутке название Сатанаксио, которое, по-видимому, только Бианко и использует, претерпело несколько изменений. На некоторых картах на месте Сатанаксио появился остров, называемый Сальваджо. Латинский оригинал этого названия звучит двусмысленно. Он может быть понят либо как *savagery* (дикость, жестокость), либо как *salvation* (спасение) и может быть воспринят и объяснен по-разному, в зависимости от того, какой смысл вкладывается в слово «сатанаксио»: дьявольский или благочестивый. Остров Сальваджо оставался на карте до самой середины XVI столетия, но к этому времени его начали вытеснять два других варианта острова Сатанаксио.

Существовал остров Сантана — интригующее пересечение слов «святой» и «сатана», хотя, возможно, его название произошло от Святой Анны (смотри выше). Каким бы ни был источник его происхождения, Меркатор, а после него Ортелий обозначили остров в центре Атлантики восточнее и немного севернее Бермудских островов. На карте он, по-видимому, продержался недолго. Колонизация Бермудских островов англичанами в начале XVII столетия и связанное с ней интенсивное судоходство в этом районе развеяли миф о существовании острова Сантана.

«Дьявольские острова» в районе Ньюфаундленда — Лабрадора просуществовали дольше. Впервые они появились на карте Иоганна Руйша в 1507 году в виде двух островов, непосредственно к северу от Лабрадора при входе

в пролив, теперь называемый Гудзоновым. Они изображены с чертенятами, прыгающими по всей их территории. Вслед за этим на английской карте 1544 года, приписываемой Себастьяну Каботу, прибежищем дьявола становится единственный остров у побережья Лабрадора. Еще одна карта, опубликованная в 1550 году как приложение к классическому собранию путешествий итальянского ученого Рамузио, сохраняет этот единственный остров, но передвигает его на юг, к северному берегу Ньюфаундленда. Оба столпа картографии XVI века, Меркатор и Ортелий, тоже изобразили на своих картах Землю дьявола. Они снова разделили ее на два острова: Меркатор в 1569 году все еще обозначает их к северу от Ньюфаундленда, а Ортелий в 1571 году передвигает свои «дьявольские острова» к северу от прежнего их местонахождения у Лабрадора. «Дьявольские острова» едва дожили до следующего столетия. Во время своих плаваний англичане и датчане не обнаружили ничего, что могло бы подтвердить их существование, к тому же эти путешественники-протестанты чрезвычайно скептически относились к папским суевериям. Тем не менее уже около 1620 года Вильгельм Блау и Михаэль Меркатор все еще копировали их с более старых карт и располагали где-нибудь у Лабрадора. Однако к 1645 году, когда Блау выпустил в свет свою большую карту полярных районов, он их исключил.

По существу, у побережья Лабрадора нет островов, кроме нескольких небольших прибрежных островков. Однако при входе в пролив, отделяющий Ньюфаундленд от Лабрадора, на месте, указанном Меркатором и упомянутой уже картой 1550 года, есть два острова: Белл-Айл и соседний, гораздо меньшего размера, Кирпон. По-видимому, французские рыбаки XVI века действительно считали их островами дьяволов.

Было ли такое отношение к ним основано на том, что так они изображались на карте, или наоборот, изображение на карте появилось под влиянием рассказов рыбаков, сказать трудно.

В этой главе уже упоминались некоторые традиционные источники и верования, которые, возможно, способствовали укоренению (или по крайней мере возникновению) веры в сверхъестественные острова где-то в Северной Атлантике. Остается нерешенной проблема, почему

особым районом демонической активности стали места по соседству с Ньюфаундлендом и Лабрадором.

Суровый климат и часто поистине дьявольские ледовые условия могли бы сами по себе быть ответом на этот вопрос. Некоторые замечания моряков, характеризующие это место, возможно, были восприняты каким-нибудь картографом слишком буквально.

«Дьявольские острова» впервые появились в четком и легко распознаваемом виде на карте Руйша 1507 года. Незадолго до этого, в 1501 году, часть экспедиции Гашпара Кортириала возвратилась в Европу после того, как ее участники открыли землю, которую они называли Лабрадор (глава 9). Рассказ одного из людей Кортириала, возможно, повлиял на Руйша, который и поместил острова на свою карту.

Возможно, что и северные источники способствовали появлению «дьявольских островов» в Северной Атлантике. Средневековые скандинавы верили, что Земля плоская, а Атлантика — замкнутое море, если не считать Скаггифьорда — щели, через которую Атлантика вытекает в Великий океан, окружающий мир. Это вытекание и втекание является причиной отливов и приливов. Большинство скандинавов считало, что местоположение Скаггифьорда неясно, но жители Гренландии были уверены, что он находится рядом с ними. Есть основание предполагать, что они знали Гудзонов залив с его огромными неистовыми приливами и были убеждены, что это Скаггифьорд. Вполне возможно, что какие-либо воспоминания о лабладорском районе как об особенно опасном и страшном месте просочились сквозь века из среды мореходов и продолжали существовать в измененном виде до XVI столетия, оказывая влияние на представления географов. С течением времени такие представления вполне могли измениться под влиянием господствующей религии.

К этому можно еще добавить, что скандинавы называли обитателей Северной Америки, с которыми им случалось соприкасаться, скрелингами. Это слово переводили по-разному, чаще всего как «крикуны». Потом скандинавы, по-видимому, произвольно использовали его для обозначения эскимосов. Но эскимосам совершенно не свойственна крикливость, тогда как воинственные клики — привычное явление для индейцев, хорошо известное тем, кто побывал в их краях, и весьма вероятно, что «крику-

ны» — это вымершее ныне племя индейцев беотук, которые в XVI — XVII веках и раньше занимали территорию Ньюфаундленда — Лабрадора. Во времена исследования Северной Америки скандинавами, около 1000 года, границы обитания индейцев племени беотук не были точно известны, поэтому тот факт, что скандинавы, возможно, вступали с ними в контакт, еще не определяет границ их открытий. Французские рыбаки считали современный остров Белл-Айл обиталищем дьявола из-за страшных криков, доносившихся с его берегов. Они вполне могли слышать беотуков во время исполнения ими какого-либо из своих ритуалов. Едва ли существенно, насколько часто это случалось. Достаточно было и одного раза для того, чтобы слух о таком событии распространился и оказал влияние на формирование суеверий моряков и концепций картографов. Сообщений о подобных случаях слишком мало, поэтому они могут стать лишь поводом для размышлений. И вполне вероятно, что название Белл-Айл (Прекрасный остров) было чем-то вроде своеобразного очищения, желания изгнать зло и дать этому месту доброе имя.

«Остров Жены художника»

Представляется уместным главу о различных островах закончить рассказом об «острове Жены художника».

Где именно появился «остров Жены художника», сейчас трудно сказать, но это забавная история, и ее лучше всего передать словами Питера Хейлина из его «Космографии» 1659 года:

«Остров Жены художника» — это остров, упоминаемый сэром Уолтером Рэлеем в его «Истории мира». О нем сэру Уолтеру рассказал Педро де Сармиенто, испанец, который по поручению короля должен был основать несколько колоний у Магелланова пролива. По дороге домой он был захвачен в плен сэром Уолтером, и тот спросил его о некоторых островах, которые были изображены на картах в районе пролива и могли бы ему очень пригодиться. На это Сармиенто весело ответил, что их следует назвать «островами Жены художника», потому что, когда художник рисовал эту карту, сидевшая рядом с ним

жена попросила его нанести на карту одну землю для нее, чтобы она в своем воображении могла стать обладательницей острова.

По всей вероятности, у жены художника много островов, а возможно, есть и страны на континенте, которые изображены на наших обычных картах, но которые невозможно обнаружить даже в результате самых тщательных поисков».

От Семи городов до нуля

Эта глава содержит три не связанных друг с другом географических мифа: миф о Семи городах, миф о Сиволе и миф о Кивире. Но хотя между ними и нет органической близости, они в известном смысле обусловили друг друга и в такой зависимости просуществовали целое тысячелетие.

Большинству читателей, возможно, известно, что смутные слухи о Семи городах Сиволы побудили Коронадо заняться исследованием юго-западной части Америки в поисках Кивире, которую он считал просто другим названием того же района. Но это произошло не так просто. Подлинные события значительно сложнее и гораздо интереснее.

Все началось в VIII столетии в Испании. В 711 году североафриканские мавры завоевали государство вестготов. Их войска с огнем и мечом прошли по современной территории Испании и Португалии вплоть до Пиренеев. Беженцы-христиане вынуждены были скрываться. Есть основание предполагать, что некоторые из них пытались добраться на судах до Канарских островов, а может быть, и до островов Мадейра, о которых до них доходили смутные слухи.

Так возникла легенда, которая просуществовала на протяжении всех средних веков. В ней говорилось о том, что семи португальским епископам с большим числом прихожан удалось бежать и добраться на корабле до какого-то острова в Атлантическом океане, что там они основали семь городов и что в один прекрасный день жители этих городов вернутся и помогут своим соотечественникам-испанцам победить мавров.

Распространились ли эти слухи одновременно с событиями или это было предание, возникшее через века?

Сейчас это проверить невозможно. Во всяком случае, легенда об острове Семи городов сохранилась не только в Испании, но, очевидно, стала известна и в других местах. В XII веке арабский географ Идриси упомянул об острове Сахелия в Атлантическом океане, на котором когда-то было семь городов. Города эти простояли до тех пор, пока их жители не убили друг друга в междоусобных войнах. К концу XIV столетия на испанских и итальянских картах в Северной Атлантике начали появляться один за другим воображаемые острова — предполагаемые места расположения семи городов. Иногда семь городов обозначали на Бразиле, но чаще на острове Антилия. Французская карта 1546 года была, по-видимому, первой, на которой в Атлантике был помещен специальный остров Семи городов. На этом месте ему предстояло продержаться около полустолетия.

Однако еще до этого на анонимной и недатированной карте, которая в настоящее время находится в Британском музее, относящейся, как полагают, ко времени около 1508 года, обозначено семь городов, расположенных вдоль восточного побережья Северной Америки. Но этот район представлен в искаженном виде таким образом, что берег оказывается скорее южным, чем восточным. Каков был источник информации, повлиявший на подобное расположение городов, неизвестно. Возможно, что он не оказал никакого влияния на последующую интерпретацию, но был отражением господствовавшей в то время концепции.

Как же обстояло дело с исследованием этого района? В 1430-х и 1440-х годах ходили слухи о двух экспедициях (возможно, это была одна и та же), которые были сбиты ураганом со своего курса и пристали к острову Семи городов; на этом острове люди якобы все еще говорили на португальском языке и спрашивали у вновь прибывших, по-прежнему ли мавры управляют землей их предков. В сообщениях и той и другой экспедиции говорилось, что с берегов этого острова был привезен песок, который, как оказалось по возвращении домой, содержит много золота.

Существует и более достоверный документ, а именно просьба некоего Фернана Дулму, написанная в 1486 году и обращенная к королю Португалии Жуану II о дозволении вступить во владение островом Семи городов, но нигде не зафиксировано, было ли в связи с этим что-либо

предпринято. Кроме того, в отчете испанского посла в Англии Педро де Аяла 1498 года говорится, что бристольцы за последние семь лет подготовили одну (или несколько) экспедиций на поиски Бразила и Семи городов. Однако сомнительно, чтобы практичные бристольские купцы посылали экспедиции в погоню за иберийскими легендами, и то, что испанский посол включил в свое перечисление целей экспедиции Семь городов, возможно, отражает его собственное предположение о том месте, где эти города следует искать.

Можно сказать, что впервые ощутимая связь Семи городов с Североамериканским континентом наметилась в 1528 году. Это был год, когда Панфило де Нарваэс начал осуществлять свою неразумную попытку создания колоний на берегах Мексиканского залива. Экспедиция потерпела неудачу, большинство людей погибло, а те немногие, что остались в живых, попали в плен к индейцам. Среди них был и Альваро Нуньес Кавеса де Вака. История его скитаний, длившихся восемь лет, слишком длинная для того, чтобы рассказывать о ней здесь. Он завоевал симпатии индейцев, выдавая себя за исцелителя. При всяком удобном случае он пользовался своим положением для спасения попадавших в плен испанцев и в конце концов в 1536 году появился на северной границе захваченной испанцами Мексики с тремя людьми, которых ему удалось освободить из индейского плена. Среди них был негр по имени Эстеванико, отщепенец из экспедиции Нарваэса. Пограничная стража подобрала этих бродяг и доставила их в город Мехико. Рассказ Кавесы де Вака привлек к себе внимание некоторыми деталями, вроде «горбатого скота» (первого упоминания испанцев о буйволах), но в общем в нем не было ничего, что могло бы возбудить у кого-нибудь желание посетить этот край. Эти сообщения не удовлетворили испанские власти, и они продолжали расспрашивать пришельца. В конце концов они вытянули из него неясные воспоминания о том, как индейцы, у которых он был в плену, рассказывали о гораздо более богатых индейских племенах, живших севернее и восточнее. Запоздалые завоеватели Мексики усмотрели в этих рассказах то, во что им самим хотелось верить.

Возможно, что рассказ де Вака, пусть косвенно, послужил толчком к началу исследований юга Северной Америки. Эрнандо де Сото, рассчитывавший найти здесь

несметные сокровища, нашел только трудности, вражду и смерть. Де Сото не ставил себе целью поиски Семи городов. Да и нет оснований предполагать, что в это время испанцы всерьез верили в их существование на Американском континенте или что они вообще все еще верили в причудливую древнюю легенду. Но они, несомненно, были убеждены в том, что существуют более богатые индейские царства, которые можно завоевать, и любопытно, что многие легенды северных индейцев, доходившие до них, совпадали с их собственными. Существовала, например, легенда аптеков о Семи пещерах, находящихся где-то на севере, откуда пришли их предки. Передавался рассказ безымянного индейского раба о его богатой золотом родине на севере и о соседней земле, которую он однажды посетил со своим отцом, где было семь городов, каждый не меньше Мехико, и в каждом из них была улица серебряных дел мастеров.

Было что-то сверхъестественное в постоянном повторении числа семь, и испанцы, памятуя о легенде своих предков, по-видимому, поддались суеверию и поверили в возможность разыскать семь каких-нибудь поселений. Таким образом, миф о Семи городах слился воедино с мифом о Сиволе, которому предстояло вот-вот появиться.

Человек, на которого пал выбор произвести предварительную разведку Семи городов, был уроженец Ниццы, францисканский монах Марко де Ниса. К нему примкнул Эстеванико, негр, о котором упоминалось выше, предложивший свои услуги в качестве разведчика. Эстеванико, нищий и голодный, уже пересек эту страну с де Вака, а теперь возвращался туда с шиком в сопровождении эскорта индейцев. Он разоделся в царственный наряд из перьев, ракушек и бирюзы, набрал целый гарем индейских девушек и весело проводил время. Жизнь его была беспечной, но короткой, так как он, очевидно, восстановил против себя индейцев, и они его убили. Это было в 1539 году.

Еще в начале путешествия Эстеванико условился с монахом Марко о том, что будет передавать известия о своих находках через индейских гонцов. Если он что-нибудь обнаруживал, он должен был отправлять со своим курьером крест, соответствующий размерам открытия. Приблизительно к тому времени, как Эстеванико лишился жизни, его посланник-индеец добрался до монаха Марко с крестом в рост человека — условленным сигналом, означав-

шим, что Эстеванико обнаружил нечто, равное по значению ацтекскому городу Мехико. Посланный сообщил со слов Эстеванико, что тот достиг страны Сивола с семьёю большими и богатыми городами и Марко следует немедленно приступить к исследованию страны.

Так появилась Сивола. То было первое зафиксированное название этой страны. Возможно, что оно происходит от индейского поселка под названием Shi-no-na, от слова, которое на языке ацтеков значит «буйвол», а может быть, это плод богатой фантазии Эстеванико или все, вместе взятое.

То, что случилось позднее, слишком хорошо известно и не требует подробного изложения. Посещение монахом Марко страны Сивола, его возвращение в Мехико и доклад о том, что он видел, и огромные экспедиционные силы под командованием Франсиско Васкеса де Коронадо в 1540 году выступили в поход с намерением обследовать страну в поисках богатых городов — обо всем этом можно прочесть в любом учебнике истории для средней школы.

Они вскоре нашли страну Сивола, о которой докладывал монах Марко. Там было немного бирюзы, но не было никаких ослепительных сокровищ из золота и драгоценных камней. Сообщения монаха Марко де Ниса были опровергнуты, и последующие историки долго считали его лжецом. Правда, нужно сказать, что в основном его сообщения были правильными, но он был так восхищен индейцами пуэбло и их культурой, что говорил о них в восторженных выражениях, а испанцы снова интерпретировали его рассказ в соответствии с тем, что они ожидали услышать.

Исследование района Аризоны — Нью-Мексико привело к открытию в числе других интересных мест Большого Каньона, но никаких богатых царств обнаружено не было. Миф о Сиволе рассеялся почти в момент своего появления. Несколько упоминаний о ней в иностранных источниках указывает на то, что в эту страну еще верили некоторое время в других местах, но испанцы, которые действовали на месте предполагаемого существования Сиволы, быстро о ней забыли. Возможно, что экспедиция Коронадо сразу же вернулась бы обратно, если бы не один индеец, которого члены экспедиции почему-то прозвали «Турком». Он рассказал им о своей родине, которую называл словом, воспринятым испанцами как Кивира.

По рассказам Турка Кивиру стоило посетить. Она находилась где-то на северо-востоке, по ней протекала река в две мили шириной, в которой обитали рыбы, размерами не уступавшие лошадям, а по поверхности реки плыли роскошные сорокавесельные галеры. Ее жители ели на золотой посуде, а верховный вождь проводил свой дневной отдых под деревом, увешанным маленькими золотыми колокольчиками, которые убаюкивали его своим нежным звоном. Если эту историю выдумал Турок, то его воображению можно позавидовать.

Коронадо двинулся на северо-восток и лучшую часть года обшаривал страну в поисках Кивиры. В конце концов Турок под сильным нажимом сознался, что все, рассказанное им, было вымыслом. Индейцы страны Пекос поручили ему навести испанцев на ложный след, чтобы избавиться от них и ослабить до такой степени, чтобы они уже не могли угрожать этим районам, если смогут туда вернуться. Коронадо приказал повесить Турка (его солдаты дюжинами сжигали индейцев у столбов, но сам Коронадо был, по-видимому, довольно «гуманным» для конкистадора).

Несмотря на такой оборот дела, Коронадо провозгласил эту территорию испанской, назвал ее Кивира и вернулся в город Мехико, где его ожидал довольно холодный прием. Надежды на то, что будут найдены Семь городов, были так велики, что неудача лишила Коронадо геройского ореола. Его сообщение о Кивире принесло разочарование, но это слово тем не менее вошло в обиход.

Тем временем экспедиция де Сото все еще продолжала продвигаться на восток и, видимо, разошлась с Коронадо всего на несколько миль. В 1542 году де Сото умер, и его лейтенант Луис Москосо де Альварадо взял на себя командование. Ему удалось убедить грозивших ему индейцев, что де Сото в очередной раз отправился на небо, но что он скоро вернется. Таким образом он выиграл время, и ему удалось уйти на запад в современную Оклахому и Техас. Это были неисследованные территории, на которых еще могли таиться богатые царства, к тому же они находились на пути в Мехико. Альварадо подобрал несколько человек Коронадо, отставших по пути, и, не найдя желаемого, вернулся к реке Миссисипи, а затем в Мехико. Так закончились реальные поиски Сиволы и Кивиры.

Более десятилетия после возвращения Коронадо Сивола и Кивира были еще не мифом, а чистейшей выдумкой. Центральный район Великих равнин нужно было как-нибудь назвать. Имя Кивира было не хуже других. Если бы оно закрепилось за тем местом, которое так назвал Коронадо, оно могло бы продолжать оставаться на карте, и сейчас мог бы существовать американский штат Кивира. Но этому названию не суждено было остаться здесь.

Прежде чем заняться мифом о Кивире, имеет смысл проследить дальнейшую судьбу Семи городов и страны Сивола. Географические представления того времени были путаными. Едва ли испанцы свою легенду о Семи городах отождествляли с какой-либо реальной землей, но какие-то общие представления подобного характера, очевидно, имели свои последствия. Как уже говорилось выше, остров Семи городов впервые появился на карте, созданной в 1546 году, через четыре года после экспедиции Коронадо. Связь Семи городов с Сиволой и Кивирой, как и миф об Эльдорадо, были, очевидно, особенностью испано-американской культурной среды. Остров Семи городов был помещен на карте мира Ортелия (1571) и Меркатора (1587), но более поздние составители карт его опускают. Остров Сан-Мигель, относящийся к группе Азорских островов, был известен до настоящего времени как остров Семи городов, и происхождение этого названия остается загадкой.

Но явному наследнику острова Семи городов суждено было обнаружиться еще раз. В 1639 году в Лиссабоне появилась группа францисканцев, путешествовавших на острова Мадейра; они клятвенно заверяли, что их сбило с курса ураганом и унесло на незнакомый остров. Там они нашли большой город со странно малым количеством жителей и без каких бы то ни было признаков священника или монаха. В городе был антикварного вида круглый дворец, над которым возвышался маяк. Их встретили люди, говорившие по-португальски и называвшие португальцев «народом, избранным богом». Их представили Верховному патриарху — королю острова. Во дворце висели картины, на которых были изображены битвы между португальцами и маврами, а статуи королей образовывали целую галерею. На территории дворца помещалась часовня, охраняемая львами. В этой часовне стояла статуя Пресвятой Девы с мечом в руке. Францисканцы сказали, что этот

остров находится на расстоянии одного дня пути от островов Мадейра, но не уточнили, в каком именно направлении. Рассказчики не упомянули о Семи городах, но легендарное происхождение этого рассказа, видимо, не подлежит сомнению. По-видимому, никто не принял этой истории всерьез.

Что касается страны Сивола, то в испанской среде с ней было покончено сразу же и там же, где эта легенда возникла. Но само название и история, связанная с ним, просочились дальше и некоторое время продолжали существовать за пределами Испании.

На карте Ортелия 1571 года появился город Сеуола в стране Totoneas. В 1622 году Генри Бриггс, профессор Оксфордского университета, рассказывал о «больших государствах Сивола и Кивира», в которых есть «большие города с большим количеством жителей, чьи дома, как говорят, имеют пять этажей, а внутри — колонны из бирюзы». Бриггс поместил Сиволу на своей карте, которая была опубликована в 1625 году. После этого Сивола исчезла с карт, но ее название сохранилось в истории Америки как объект поисков Коронадо. На этом кончается история Семи городов и Сиволы. Но Кивира еще долго продолжала существовать, хотя и в ином виде.

В 1542 году, как раз ко времени возвращения Коронадо, Хуан Родригес де Кабрильо был направлен с двумя кораблями из Мехико на обследование калифорнийского побережья. Кабрильо был португальцем на службе у испанцев, хорошим солдатом, но не имел никакого опыта морских путешествий. Он поплыл на север мимо Калифорнии: в то время под этим названием подразумевался полуостров Нижняя Калифорния, но Кабрильо продолжал пользоваться им для обозначения всей страны (двумя столетиями позднее, когда испанцы заселили эту территорию, они стали проводить различие между Верхней Калифорнией и Нижней Калифорнией). Исследователи не заметили залива Сан-Франциско, вероятно, из-за тумана, но в ноябре они разглядели прибрежный горный хребет, на самых высоких вершинах которого лежал снег, и дали ему название Сьерра-Невада (Снежная гора). Позднее это название было присвоено совсем другому горному хребту внутри страны. Отброшенные назад штормами, они перезимовали на нынешнем острове Сан-Мигель к северу от острова Санта-Каталина, где Кабрильо и умер.

Его помощник, Бартоломео Феррело, возобновил поиски весной 1543 года. Он миновал большой мыс Мендосино и продолжал двигаться к северу, но затем повернул назад, так как счел неразумным идти дальше на своих ненадежных кораблях. По возвращении в Мехико Феррело сделал превосходный доклад о западном побережье, который, по-видимому, и послужил толчком к созданию нового мифа о Кивире.

В докладе можно усмотреть два момента, послуживших такими толчками. Во-первых, доклад был первой информацией о зоне к северу от мыса Мендосино с невыносимо плохой погодой, из-за которой мореплаватели долго не могли проникнуть в этот район, и мыс оставался самой дальней точкой западного побережья Америки, которую можно было считать обследованной. Таким образом, территория к северу от этого мыса была очень удобной и вполне подходящей почвой для всяких слухов и домыслов. Во-вторых, в докладе сообщалось, что индейцы на побережье (сейчас это район Санта-Барбары) рассказывали участникам экспедиции о «людях, похожих на испанцев, носящих одежду и не бреющих бороды, рыскающих по континенту». Экспедиции не удалось найти таких людей, и потому позднее было высказано предположение, что они должны находиться севернее, на незнакомой территории. Таким образом, все было подготовлено для возникновения еще одного мифического царства, и оно не замедлило возникнуть.

По какой-то странной причине, сейчас невозможно установить, по какой именно, название Кивира, официально присвоенное внутреннему равнинному району, находящемуся на тысячу миль в стороне от этого места, было перенесено на берег Тихого океана, не имеющий с ним никакого сходства. Первое упоминание об этой мифической Кивире встречается в истории американских исследований, опубликованной в 1552 году Франсиско Лопесом де Гомара, которого теперь считают самым отъявленным лгуном. Португальский историк Антониу Галвану в 1563 году упомянул о «Ксакивире», объединив два имени «Акса» и «Кивира» (об этом позднее). Очевидно, Меркатор был первым, кто поместил ее на карту в 1569 году.

Во всяком случае, через пару десятилетий после Гомары идея о Кивире расцвела пышным цветом. Согласно этой идее прибрежная тихоокеанская империя, конечно

же, была обладательницей золотых коней, ее столица с тем же названием — Кивира — была расположена на побережье в устье большой реки. На этой же реке был расположен еще один большой город — Тучано; упоминались крупные города Акса и Сикуик, а к югу от Кивире, приблизительно на широте мыса Мендосино, находилось царство Тигуэкс. Все эти названия можно найти на карте Ортелия 1571 года. Он превратил Кивире в большой выступ на западном побережье Америки и поместил мыс Мендосино в центре северной части берега. Кивира связана с югом рекой, впадающей в залив Пинас, и к югу же расположена страна Толм, где находится Сикуик. К юго-востоку от нее помещена страна Тотонеак с Аксой и царством Тигуэкс. Но даже слухи об этой части мира были в то время настолько расплывчатыми, что приходилось строить догадки о том, где же упомянутое место находилось на самом деле.

Следующий отрывок, опубликованный Хаклюйтом* в 1586 году и взятый из испанских источников, которые этот добросовестный исследователь считал безукоризненными, дает некоторое представление о фантастической информации, распространявшейся об этом воображаемом царстве: «...и Фрэнсис Васкес отправился в Тигуэкс, который стоит на берегу большой реки. Там они узнали об Аксе и Кивире. Там, рассказывали они, был вождь, чье имя было Татарракс, с длинной бородой и длинными волосами. ...Они решили отправиться туда, намереваясь провести зиму в такой богатой стране, какой, по слухам, была эта...

Кивира находится на сороковых градусах широты; это умеренная страна, в ней очень хорошая вода и много слив, травы, шелковицы, орехов, дынь и винограда. ...Люди облачаются в шкуры буйволов и оленей. Они [исследователи] видели корабли у морского берега, на носках этих кораблей — большие птицы из золота и серебра, и они подумали, что корабли из Катая, или Китая, потому что матросы показали нашим людям знаками, что они плыли тридцать дней».

Конечно, тут требуется некоторый комментарий. «Фрэнсис Васкес» — это Коронадо, который во время сво-

* Ричард Хаклюйт — издатель серии «Важнейшие плаванья, путешествия и открытия английской нации на море и на суше». — *Прим. ред.*

их исследований никогда не приближался к побережью и, уж конечно, никогда не сообщал такой бессовестной лжи. За эту небылицу несет ответственность Гомара. Название «Тигуэкс» можно объяснить: это искаженное название индейцев племени тигуа, жителей Нью-Мексико, которых Коронадо действительно посетил. То же самое относится к названию «Тотонеак», не упомянутому Хаклюйтом, но использованному Ортелием на его карте. Оно происходит от индейцев тотонак. Имя «Татарракс» дразнит воображение. Возникает вопрос, не произошло ли оно от слова «татарин»? На эту мысль наводит идея, которая еще не совсем отошла в область предания, о том, что Северная Америка была связана с северной частью Азии. Это соблазнительная идея, но ее невозможно подтвердить документально.

Что касается остального, то верно, что район Калифорнии — Орегона, то есть район Кивиры, имеет умеренный климат, там действительно хорошая вода и много травы, есть сливы, орехи и дыни, но для винограда немного холодновато. Что же касается шелковицы, то упоминание о ней, возможно, подсказано все растущим в то время интересом к производству шелка, так как на самом деле этот район ею никогда не славился. Нельзя отрицать, что в исторические времена китайские джонки пересекали Тихий океан и достигали американского берега, но китайские суда, описанные здесь, следует рассматривать как чистейший вымысел.

За девять лет до того, как была опубликована книга Хаклюйта, Фрэнсис Дрейк побывал на северном побережье Калифорнии, получившем название Новый Альбион, и не нашел никакого следа Кивиры. Но это ничего не изменило.

В 1598 году некий Эдвард Райт создал карту, на которой Кивира продолжала занимать старое место к северу от мыса Мендосино, а Новый Альбион, который тоже был на ней обозначен, был помещен еще дальше к северу, при этом Райт ссылаясь на Дрейка как на один из источников информации.

Насколько удалось установить, есть только одно свидетельство путешественников, в котором утверждается, что они видели Кивиру, но мы получили его из вторых рук, и подлинность этого документа сомнительна.

В 1602 году, через шестьдесят лет после Кабрильо, для исследования участка побережья от Калифорнии на север был направлен Себастьян Вискайно. Но задача его состояла скорее в поисках пролива Аниан, чем в поисках Кивиры (глава 7). Помимо отчета самого Вискайно, мы располагаем также записями монаха-кармелита Антонио из Асунсьона, написанными в 1620 году. В них утверждается, что король Испании Филипп III, просматривая бумаги своего отца, натолкнулся на клятвенное заверение «каких-то иностранцев» о том, что они, находясь на севере, поплыли вниз и достигли города Кивиры. Он был якобы расположен на берегу моря в устье большой реки у мыса Мендосино, «который видно с кораблей, плывущих с Филиппин в Новую Испанию». Кивира была «густонаселенным и богатым городом, полным цивилизованных, воспитанных и грамотных людей, носивших одежды [!], городом, укрепленным и обнесенным стеной».

Кроме того, согласно записям монаха Антонио, были и «другие детали в этом сообщении, стоящие изучения и подтверждений путем исследования», но он не пересказывает ни одной из них. Позднее он с сожалением признает, что экспедиция Вискайно не нашла никаких следов Кивиры. Правда, это ничего не доказывало, так как Вискайно, по-видимому, достиг на севере только залива Монтерей и не добрался до Мендосино, не говоря уже о Кивире.

Упоминание о том, что корабли, идущие с Филиппин, могут видеть мыс Мендосино, заслуживает внимания. Уже в давние времена было замечено, что самый выгодный путь морем из Филиппин в Мексику (Новую Испанию) лежал на север до течения Куросио в обход штилей центральной части Тихого океана. Таким образом можно было попасть на Американский материк в районе мыса Мендосино, а затем дрейфовать на юг до Акапулько, главного мексиканского порта западного побережья. И в связи с этим обычно правдивый монах Антонио придумал историю о существовании в этом районе побережья ядовитых туманов, которые вызывали ужасное заболевание, поражавшее экипажи попадавших туда кораблей. Первый симптом болезни, которую можно было бы назвать «синдромом Мендосино», состоял в том, что все тело человека начинало нестерпимо болеть. Затем кожа трескалась и образовывались красные пятна, мышцы на всех суставах

затвердевали, образуя пучки в два пальца толщиной, и парализовывали больного, и самое лучшее, на что он мог надеяться, была скорая смерть. Монах утверждал, что эта болезнь является причиной большинства смертных случаев на кораблях, пересекающих Тихий океан со стороны Филиппин, и что она унесла жизнь более сорока людей Кабрильо, хотя в рассказе Феррело о путешествии Кабрильо нет ничего, что могло бы послужить поводом для такого предположения.

Естественно, что, поскольку Кивира была отрезана от всего мира этой пагубной зоной, она не могла больше быть объектом исследования. И действительно, побережье Тихого океана к северу от мыса Мендосино, возможно, самая трудная для преодоления часть береговой линии на подступах к Арктике на всем Североамериканском континенте. Там кончается калифорнийский берег с мягким климатом, а береговая линия принимает северо-северо-западное направление. От залива Гумбольдта до устья реки Колумбии нет ни одной приличной гавани, прибой свирепствует, туман и дождь не прекращаются, и корабли непрерывно находятся под напором преобладающих западных тихоокеанских штормов. Помимо всяких воображаемых болезней, было достаточно причин для того, чтобы моряки избегали этого ужасного берега, который был досконально исследован только в конце XVIII века.

Кивира оставалась загадкой более столетия. Все знали, что она существует, но никто не утверждал, что знает это наверное. Время от времени поднимался вопрос о поисках ее сухопутным путем. В 1630 году францисканский монах из Нью-Мексико Алонсо де Бенавидес отправил королю Филиппу IV срочное послание, склоняя его к повторной попытке обратить в истинную веру индейцев Великих равнин, а в качестве приманки он добавил, что в Кивире есть большое количество золота. Судя по контексту, можно подумать, что он имел в виду подлинную Кивиру Коронадо, но испанцы давно отказались от мысли, что это страна золота, следовательно, монах, по-видимому, подразумевал мифическую Кивиру западного побережья, возможно перепутав их друг с другом. Наконец в 1672 году Кивира в последний раз ощутимо вторглась в дела людей.

Уроженец Перу испанский авантюрист Диего де Пеньялоса распустил слух, что он возглавлял экспедицию, ко-

торая отправилась из Санта-Фе и достигла по суше реки Миссисипи. Пеньялоса был губернатором Нью-Мексико, но он поплатился за то, что посылал неблагоприятные рапорты об обращении францисканцев с индейцами. Могущественный религиозный орден добился его смещения с поста и отзыва в Мехико, где он предстал перед судом инквизиции и три года пробыл в тюрьме. Это озлобило его и возбудило в нем мстительность; он отправился в Англию и предложил план нападения на слабо защищенный район техасских рудников. Но у короля Карла II было и без того достаточно забот, и он использовал Пеньялосу как орудие в своей дипломатической игре с королем Франции Людовиком XIV.

При французском дворе Пеньялоса нашел внимательных слушателей. Его речи привели к тому, что, когда в 1672 году граф де Фронтенак был направлен на пост губернатора в Новую Францию, он отдал приказ принять меры к созданию французской базы в устье Миссисипи (чтобы ликвидировать испанский контроль над берегом залива), а также искать внутренние водные пути, по которым можно было бы добраться до Кивирь.

Косвенно предложения Пеньялосы привели к длительному оживлению французских поисков возможных трансконтинентальных водных путей (глава 7). Конечной целью поисков было королевство или по крайней мере город Кивира. Несмотря на то что Кивирь перестали принимать всерьез в других странах, действия Пеньялосы во Франции привели к тому, что на французских картах Кивира была закреплена как стандартное обозначение тихоокеанского прибрежного района, до которого французы надеялись добраться во что бы то ни стало. Мнимое королевство Кивира было забыто, но город Кивирь продолжали условно наносить на карты. Насколько мне удалось проследить, последним своим появлением на карте около 1752 года она обязана Филиппу Бошу, французскому географу, уже упоминавшемуся ранее. Кивира появилась на его карте, посвященной исследованиям Вераандри в северо-западной Америке.

В конце концов предполагаемый район Кивирь был досконально исследован в период между 1788—1793 годом двумя английскими капитанами — Джоном Мирсом и Джорджем Ванкувером — и американцем Робертом Греем (первый американский шкипер, совершивший путе-

шествие в Китай). Никто из них не нашел ни малейшего подтверждения существования Кивирь, миф о которой к этому времени и без того уже никто не принимал всерьез.

Затем в 1806 году Льюис и Кларк в конце своей экспедиции по исследованию запада открыли мощную реку, которую назвали Орегон, не зная о том, что четырнадцать лет назад Роберт Грей уже обнаружил ее устье и назвал ее в честь своего корабля Колумбией. Это название сохраняется и по сей день. Происхождение названия «Орегон» неизвестно, но оно было в ходу с середины XVIII столетия и служило для обозначения большой реки, которая, по слухам, существовала где-то в западной части континента*, поэтому исследователи, очевидно, предположили, что они открыли именно ее.

В конце концов ей было официально присвоено ее прежнее наименование — Колумбия, но название «Орегон» снова выплыло и стало применяться для обозначения прилегающего района, который стал одной из первых освоенных территорий дальнего американского Запада. Так легендарная Кивира была вытеснена с карт.

* Впервые о ней упомянуто в прошении, отправленном в 1765 году королю Георгу III неким Робертом Роджерсом, предпринявшим безуспешную попытку получить средства на организацию экспедиции с целью открыть реку, «называемую индейцами Ouagicon».

Неуловимый Северо-западный проход

При беглом взгляде на карту Северной Америки создается впечатление, что в северной ее части множество проливов. Море к северу от Канады кишит островами, большинство из которых отделено друг от друга внушительными проливами, а к западу от этого места достаточно ясно виден путь через море Бофорта и Берингов пролив к Тихому океану. Конечно, карта довольно обманчива: она не дает представления о ледяных заторах в проливах и чрезвычайно суровых условиях погоды в этих краях. Там и в самом деле существует судоходный (временами) Северо-западный проход, который идет вдоль побережья материка от моря Бофорта через заливы Коронейшен и Куин-Мод, проливы Франклина, Пил, Барроу и Ланкастер в море Баффина. Честь открытия этого пути в 1853 году обычно приписывают Роберту Мак-Клуру. Но Мак-Клур не смог проплыть по нему из-за льда. Проход этот впервые был успешно пройден великим викингом нового времени Руалем Амундсеном в 1903—1906 годах. Его корабль, 47-тонный шлюп «Йоа», и поныне хранится в бухте Золотые Ворота в Сан-Франциско, всего лишь в нескольких милях от того места, где я сейчас пишу.

Однако нашумевшая повесть о поисках Северо-западного прохода столь обширна, что для изложения ее потребовалась бы целая книга. К тому же многое уже рассказано, и, на мой взгляд, превосходно! Данное повествование — не описание открытий, и мы лишь слегка коснемся истории тех путешественников, которые искали Северо-западный проход. Этот путь существует. Но в те дни, когда гремела слава о его открытии, его еще не было, он был лишь географическим мифом, продолжением тех мифов, которые существовали ранее, и сам породил ряд

преданий. Именно с этой точки зрения и будет рассматриваться его история. И в самом деле, идея о существовании Северо-западного прохода, несомненно, результат целеустремленных размышлений и страстного желания найти такой путь.

К середине XVI столетия существовало три пути из Европы к изобильному Востоку. Один из них, пролежавший по суше, контролировали турки; другой, вокруг мыса Доброй Надежды, — португальцы; а третий путь, через Магелланов пролив, контролировали испанцы. Такое положение продолжало сохраняться до 1616 года, когда Скоутен обогнул мыс Горн. Европа узнала о существовании водного пути в стороне от тех районов, которые контролировала Испания.

Около 1540 года турки все еще представляли постоянную военную угрозу для своих непосредственных соседей, хотя с более отдаленными народами Европы они находились в относительно дружелюбных отношениях, понимая, что торговля с иноземцами выгодна. Однако любой купец, делавший попытку провезти товары по турецкой территории или по примыкавшей к ней территории Персии, был вынужден платить пошлину буквально на каждой остановке, и размеры этих пошлин были настолько велики, что они могли свести на нет все доходы от торговли. Справедливости ради следует отметить, что правители как Турции, так и Персии употребляли эти деньги на содержание караван-сараяв вдоль главных торговых путей, где купцы могли отдохнуть и освежиться, не опасаясь за свою жизнь и имущество. Но все равно это не делало торговый путь прибыльным для иностранца, особенно если дальше ему приходилось грузить свои товары на корабль и доставлять их морем в какой-нибудь отдаленный порт, вроде Лондона или Амстердама.

Испанцы ревностно охраняли все, что они захватили, а узкий и бурный Магелланов пролив охранять было трудно. В 1581 году испанцами для этой цели на берегу пролива была основана колония Порто-Фелипе. Однако провиант доставлялся туда настолько несвоевременно, что из всех колонистов выжил только один, который был спасен английским мореплавателем Кавендишем в 1587 году. Хотя эта попытка создать пограничный пост и потерпела неудачу, любое иностранное судно, отважившееся пройти через пролив, подвергалось риску встре-

титься с хорошо вооруженным испанским военным кораблем, курсировавшим там с одной целью — не допускать никаких вторжений.

Очевидно, было легче незаметно проскользнуть по большому открытому водному пространству к югу от Африки, но и оно было чужой собственностью: оно принадлежало португальцам. В XVI столетии не существовало такого понятия, как «свобода морей», и никто не спрашивал португальцев, по какому праву они контролируют тот или иной морской путь, точно так же как в XIX столетии никто не стал бы спрашивать Великобританию, по какому праву она распоряжается в Индии. Британские и голландские путешественники, проводившие исследования к югу от мыса Доброй Надежды, понимали, что они совершают самовольные набеги на чужую территорию, поэтому они были хорошо вооружены и ожидали нападения в любую минуту. В книге Пёрчеса можно прочесть не один рассказ о бывших путешествиях англичан, где повествуется о столкновениях с португальскими кораблями как о чем-то само собой разумеющемся, хотя Англия и Португалия в то время официально находились в состоянии мира.

Именно в этот исторический момент возникает убеждение в том, что должен существовать Северо-западный проход. Англичане и голландцы включились позднее других в состязание, целью которого было проникновение на Восток, и были оттеснены в сторону. Однако они могли бы возобновить свое участие в этом состязании, если бы им удалось найти окольный путь на Восток, минуящий все преграды. Юг был недоступен, следовательно, путь должен был лежать на север, и стоило только взглянуть на карту, чтобы убедиться, что этот путь был бы короче всех остальных; это составило бы его большое преимущество перед всеми другими.

Испанцы, хоть и контролировали Магелланов пролив, проявили некоторый интерес к поискам Северо-западного прохода, так как и им был выгоден более короткий путь. Что же касается французов, которые тоже поздно присоединились к поискам, то они решили искать путь на Восток иначе, по суше.

Невозможно точно определить, как и когда возникла мысль о Северо-западном проходе. На основании имевшихся в начале XVI века сведений предполагали, что

Северная Америка, возможно, соединяется с Азией в северной части Тихого океана. Не отвергалась даже мысль о том, что Северная Америка просто восточная часть Азии, а Южная Америка — лишь большой полуостров этого обширного континента. Но тогда оказалось бы, что Азия имеет значительно бóльшую протяженность по длине, чем это соответствовало существовавшей в то время географической информации. Однако никто ничего не знал наверное.

На некоторых старых картах, в частности на широко известной карте Вальдземюллера 1507 года, Северная Америка была отделена от Азии, но эта карта была лишь предположением. Убеждение в том, что Северо-западный проход существует, основывалось на одной лишь догадке.

Первым реальным толчком к практическим поискам этого пути была деятельность некоего Роберта Торна. Имя его заслуживает большей известности, чем та, которую оно имело до сих пор. Торн происходил из богатой купеческой семьи Бристоля, в то время главного порта Англии. Одно время Роберт Торн был мэром этого города. Позднее он жил и вел свои дела в Севилье, повидал богатства Испании и захотел, чтобы и его страна получила свою долю. В 1527 году он написал своему королю Генриху VIII письмо, содержащее смелое предложение. В этом письме говорилось, что для Англии путь на юг отрезан Испанией и Португалией и потому остается только путь на север. Торн утверждал, что знает, о чем говорит, так как его отец был участником бристольской экспедиции, открывшей Ньюфаундленд в 1494 году, за три года до Джона Кабота. Торн настаивал на необходимости исследовать три пути, один из которых обязательно должен оказаться пригодным: на восток вокруг северной части Европы, на запад вокруг Северной Америки и прямо на север вокруг света через полярные районы. Дополнительной побудительной причиной для такого исследования Торн считал то обстоятельство, что эти 'холодные районы должны оказаться хорошими рынками сбыта шерстяных тканей — главной статьи экспорта Англии.

Современному исследователю трудно себе представить, что Торн и его современники не знали о том, что высокие северные широты прочно скованы ледяным покровом. Очевидно, их информация была неполной. Они, конечно,

располагали традиционными сведениями об Арктике, но готовы были им не поверить.

Дело в том, что в средневековой географии укоренилась теория о климатических зонах, впервые выдвинутая греческим ученым Гиппархом во II веке до нашей эры. Согласно этой теории, климатические условия во всем мире однородны в пределах одной широты (допускались, конечно, некоторые отклонения в зависимости от высоты). Таким образом, весь мир можно было разделить на зоны, начиная от непригодной для обитания жаркой экваториальной зоны до холодной арктической, также непригодной для жилья. Классификация народов мира в соответствии с этой теорией была тоже чрезвычайно произвольной и грубой, так, например, Шотландию и Норвегию помещали вместе, так как они попадали в одну и ту же «зону», и игнорировалась значительно более явная и естественная связь Шотландии с Англией. Допускалось даже искажение их на карте с тем, чтобы уложить их в эту схему, так как в соответствии с данными о погоде в обоих районах, а они в то время не отличались точностью, создавалось впечатление, что оба района принадлежат к одной и той же «зоне».

К тому времени, как Торн появился на сцене, научные исследования продвинулись настолько далеко вперед, что теория зон была уже дискредитирована. Стало ясно, что данный регион в Америке или Азии может быть теплее или холоднее, чем регион, находящийся на той же широте в Европе. Оказалось мифом и то, что вода в зоне экватора кипит и что зона эта непроходима. Поэтому появилась надежда, что и непроходимость арктической зоны может оказаться мифом. Роберт Торн заявил, что «нет необитаемых земель и непроходимых морей», и предложил свои услуги в качестве руководителя экспедиции для доказательства этого положения. Заметим, что Торн не привлекал особого внимания к Северо-западному проходу, он лишь упомянул о нем как об одной из возможностей.

Нам не известно, были ли предложения Торна подхвачены немедленно. Несколько английских судов курсировали в 1530-е годы в районе Ньюфаундленда, но не доказано, что они имели в виду поиски Северо-западного прохода. В 1570-х годах рукопись Торна, к которой была приложена неплохая карта мира, попала в руки известного астронома и математика доктора Джона Ди, и он, оче-

видно, передал ее Ричарду Хаклюйту. Хаклюйт опубликовал эту рукопись в 1582 году с целью пробудить интерес к поискам Северо-западного прохода.

Тем временем рукопись Торна переходила из рук в руки, и идеи его постепенно приобретали популярность. Их непосредственным результатом был пробудившийся интерес к Востоку. В 1553 году Хью Уиллоуби возглавил экспедицию в поисках Северо-восточного прохода к северу от Европы. Она потерпела неудачу, но помощник капитана Ричард Ченслор достиг этим морским путем России, и результатом явилась весьма выгодная торговля между Россией и Англией. Англичане больше не предпринимали попыток найти Северо-восточный проход, и их инициативу подхватили голландцы, но неудачная экспедиция Виллема Баренца 1596—1597 годов, видимо, охладила их пыл, и они отказались от своего плана. Одним положительным результатом путешествия Баренца было открытие Шпицбергена с богатыми местами для рыбной ловли и китобойных промыслов. Впоследствии рыболовный и китобойный промыслы стали одним из существенных факторов процветания Голландии. С этого момента поднявшаяся было волна интереса к Северо-восточному проходу схлынула (правда, в 1607—1608 годах Генри Гудзон сделал еще одну, довольно нерешительную попытку его отыскать), и взоры исследователей обратились на северо-запад.

Однако за три года до того, как Торн написал свое письмо, произошло событие, видимо известное ему, которое в конечном счете повлияло на события, касающиеся Северо-западного прохода.

Едва ли многие слышали о Джованни Верраццано до 1523 года. Флорентиец по происхождению, он был морским капитаном и, вполне возможно, принимал участие в пиратских набегах. Он окончил свои дни во Франции, очевидно став прихлебателем в доме Джина Анго, богатого купца из Дьеппа, дом которого был открыт для поэтов, художников и моряков. Это был, вероятно, один из самых больших «проходных дворов» во Франции XVI века. Верраццано, очевидно, стал известен в результате распространяемой им самой версии, будто, если бы ему представился случай, он нашел бы путь через север на Восток по морю или по суше. В 1523 году король Франции Франциск I предоставил ему возможность сделать

такую попытку, снарядив экспедицию под его началом. Верраццано обследовал побережье Северной Америки к северу от современного мыса Фир в Северной Каролине по крайней мере до Новой Шотландии (некоторые из его наблюдений будут рассмотрены в 8 главе). Он сообщил, что заметил место на восточном побережье Северной Америки, где континент сужается до тонкого перешейка, к западу от которого он видел открытое море, вероятно Тихий океан.

Нет необходимости подвергать сомнению правдивость сообщений Верраццано, он, безусловно, что-нибудь видел. Это мог быть мыс Хаттерас с широким заливом Памлико на западе или вход в Чесапикский залив, видимый при неблагоприятных условиях погоды. Так или иначе, фантастически искаженная Северная Америка появилась на карте, начерченной в 1529 году братом Верраццано, Джироламо. В 1534 году Картье взял с собой в плавание экземпляр этой карты, но по возвращении выразил свое разочарование: он не нашел прохода в западное море. В 1535 году он сделал новую попытку, на этот раз он проплыл вверх по реке Святого Лаврентия до непроходимых водопадов Лашин и тем самым указал французам путь к дальнейшим поискам в Америке.

Экземпляр этой карты, якобы тот самый, что принадлежал Картье, попал в руки Майкла Лока, английского купца, имя которого вновь выплывает в повествовании о Северо-западном проходе. На карте не было показано никакого свободного морского прохода, но она наводила на мысль о возможности существования открытых путей по ту сторону перешейка, и когда в 1587 году эта мысль была высказана Хаклюйтом в печати, она возбудила новые надежды. Испанцы сделали Панаму своим главным тихоокеанским портом, так как именно в этом месте была сравнительно короткая и легкая переправа через перешеек на восточный берег, а карта Картье обещала, как казалось, те же преимущества Англии.

Хемфри Гилберт в 1583 году обследовал побережье Америки в поисках этого перешейка, не нашел его и потому избрал нынешний Сент-Джонс на Ньюфаундленде местом для основания первой английской колонии в Америке. Верраццано поместил свой перешеек приблизительно около 40° северной широты, поэтому именно вблизи этого места Рэлей и Джон Уайт основали в 1585 году так

называемую «потерянную колонию», прославившуюся в устных рассказах и легендах.

В 1607 году еще не рассеялись надежды найти мифический перешеек, и это привело к созданию колонии Виргиния, а Джон Смит, знавший суть этой легенды, писал саркастически, что капитан Кристофер Ньюпорт оснащает «транспорт из пяти судов, который доставит нас в южное море лишь после того, как мы перетащим его через горы».

Нет никаких доказательств того, что испанцы, которые хорошо знали западный берег, поверили карте Веррацано. Однако к середине столетия и у них пробудился интерес к Северо-западному проходу. Виновником этого был человек, который, как сейчас выяснилось, оказался самым успешным лгуном в истории путешествий и сам на долгие столетия создал себе репутацию великого исследователя. Лишь в последнее время его притязания были поставлены под сомнение.

Этим человеком был Себастьян Кабот. Весьма вероятно, что в 1497 году в возрасте 12 лет он действительно принимал участие в экспедиции в Новый Свет вместе со своим отцом Джоном. Но его утверждение о том, что в 1509 году он самостоятельно проделал повторное путешествие, не подтверждается никакими записями, кроме его собственного рассказа, записанного в 1516 году испанским хронистом Педро Мάρтиром. Однако доподлинно известно, что он бродил от одного европейского двора к другому, выполняя работу картографа и спекулируя славой своего отца, чьи достижения в области географических исследований он выдавал за свои собственные. Единственное путешествие, которое он, как известно, действительно осуществил в 1526 году, было совершено по инициативе венецианцев в поисках библейской страны Офир, якобы обладавшей большим количеством золота. Его экспедиция погибла бы, если бы не штурман, которому удалось спасти положение. Но все же экспедиция произвела обследование залива Ла-Плата в Аргентине. Возвратившись в Англию, Кабот до конца своих дней оставался влиятельным человеком в купеческих кругах. На смертном одре он утверждал, что ему знаком безошибочный способ определения долготы места, но он не может его обнаружить, так как знание это ниспослано ему божественным откровением.

Таким был человек, поступивший в 1512 году в Испании на службу в качестве картографа. Он всем уши прожужжал рассказами о путешествии, которое совершил за три года до этого в северную часть Нового Света. Во время этого путешествия он якобы открыл большое внутреннее море и обнаружил, что северная часть Северной Америки состоит из островов. Эти факты похожи на истину, так как большое внутреннее море (Гудзонов залив) действительно существует приблизительно в том месте, где он его обозначил, а в Северном Ледовитом океане к северу от Канады множество островов. Возможно, что это сообщение оказало влияние как на Торна, так и на Веррацано. Для того времени сообщение о водных путях, по которым Америку можно обойти с севера, было важным и имело серьезные последствия.

Но наличие северных водных путей было только половиной проблемы. Если верно то, что Северная Америка — продолжение Азии, то их существование говорило лишь о том, что большой массив суши может быть обойден с севера. Чтобы Северо-западный проход оказался реальностью, необходимо было найти какой-нибудь пролив, разделяющий Азию и Америку. К 1560-м годам с появлением известия о проливе Аниан, по всей видимости вымыслом исключительно итальянского происхождения, существование его стало казаться вероятным.

Великий итальянец Марко Поло упомянул о земле Ania, или Anian, якобы лежащей на северо-восточной оконечности Азии. Из этого итальянцы, а вслед за ними и все другие европейцы впоследствии сделали вывод, что Азия отделяется от Америки. По иронии судьбы, оказалось, что название Anian первоначально действительно принадлежало проливу, тому, который теперь называется Татарским и находится между Азиатским материком и островом Сахалин; его японское название Aniwa.

Другой итальянец, Джакомо Гастальди, в брошюре, опубликованной в 1562 году и сохранившейся до наших дней, упомянул о проливе Аниан; он привел выдержки из описания потерянной теперь карты, составленной венецианцем Матео Пагано. Но ни на одной из сохранившихся карт Пагано пролив не обозначен. В том же, 1562 году другой венецианец, Паоло Форани, выпустил в свет карту, на которой Америка соприкасается с Ази-

ей. Первая карта, показывающая пролив Аниан, была создана тоже венецианцем Залтиери в 1566 году.

Почти два столетия спустя пролив Аниан занял прочное место на карте. Земля Аниан, которую Марко Поло поместил в Азии, была по неизвестной причине передвинута к востоку от пролива на северо-западную оконечность Америки (наряду с землей Аниан Марко Поло упомянул также о земле Толоман, под которой, по некоторым предположениям, он, возможно, подразумевал современную Аляску). Эту землю признали существующей и нанесли на карту севернее Кивиры все ведущие картографы того времени: Меркатор, Ортелий и другие. Голландский картограф Иодок Хондий, работавший в Англии в 1625 году, опубликовал карту, на которой поместил на северо-западном берегу Америки реку Аниан (Anian River), но когда читаешь это название на карте, то оно выглядит скорее как Arrian River, и возможно, что это искаженное название способствовало убеждению, возникшему в XVIII веке, о том, что где-то в западной части Америки существует река под названием Орегон.

Возможно также, что в середине XVI века еще один источник способствовал формированию идеи о Северо-западном проходе. Португальский историк Антониу Галвану в своей книге «Открытия мира» рассказал историю, которую стоит привести полностью:

«...написано, что за 200 лет до Рождества Христова римляне послали в Индию войско против великого хана Катайя. Пройдя через Гибралтар и направляясь к северо-западу, как раз напротив мыса Финистерре, воины обнаружили десять островов, на которых было много олова. И они [эти острова] могут быть теми, что были названы Касситериды*. Дойдя до пятидесятих градусов широты, они нашли пролив и, пройдя через него к западу, прибыли в империю Индия. Там они сразились с королем Катайя и вернулись назад в город Рим. Вероятным или невероятным это может показаться, правдивым или неправдоподобным, но так я нашел это записанным в историях того времени».

На полях книги Ричард Хаклюйт едко и не без основания комментирует: «Что это могли быть за истории?»

* Касситериды, или Оловянные острова, финикийцев отождествляются с Британскими островами.— *Прим. ред.*

Подобных событий действительно нет в истории Рима. Однако Галвану был добросовестным и правдивым летописцем и, несомненно, располагал документами. По-видимому, в XV и XVI веках существовали какие-то поддельные документы античных времен, ныне утерянные, в которых были зафиксированы вымышленные путешествия, и, возможно, Галвану основывался на них, излагая свою историю.

Все это и породило миф о Северо-западном проходе: карта Верраццано, согласно которой Тихий океан достижим; разглагольствования Себастьяна Кабота, из которых следовало, что Америку можно обойти с севера; энтузиазм Торна, возможно подогретый Верраццано и Каботом; безусловно авторитетные итальянские источники, упорно твердившие о существовании открытого пролива между Азией и Америкой, и, наконец, история Галвану, написанная в эпоху, когда классические авторитеты очень высоко ценились.

Ко всему этому остается добавить только авторитет испанцев как исследователей и английское легкоеверие и страстное желание верить в существование прохода, и станет понятно, почему к концу XVI века слухи об открытии Северо-западного прохода, просачивавшиеся из Испании, начали привлекать к себе пристальное внимание Англии.

Один английский моряк по имени Коулес клятвенно заверял в 1579 году, что за шесть лет до этого в Лиссабоне он слышал рассказ другого моряка — португальца, имя которого звучало в соответствии с его версией довольно странно — Мартин Чак. Этот моряк якобы рассказывал, как в 1567 году он открыл пролив к северу от Ньюфаундленда на широте около 59° и проплыл по нему до Тихого океана, но португальские власти якобы воспрепятствовали опубликованию этого сообщения.

А в 1568 году один испанец сообщил Хемфри Гилберту о том, что Андро Урданета открыл Северо-западный проход со стороны Тихого океана и проплыл по нему до самой Германии. Урданета будто бы начертил карту этого пути, которую, как испанец сказал Гилберту, он якобы сам видел. На самом же деле приблизительно в это время Урданета докладывал королю Филиппу II о том, что какая-то французская экспедиция обнаружила проход

на 27° северной широты приблизительно в районе Рио-Гранде.

Пропаганда Хемфри Гилберта в пользу Северо-западного прохода оказалась весьма успешной. В 1576 году он опубликовал свой труд «Рассуждения в доказательство существования Северо-западного прохода в Китайю и Индию», влияние которого вышло далеко за пределы Англии. В этой тенденциозной книге он старался воспользоваться всеми, даже малейшими доказательствами, имевшимися в его распоряжении. Он утверждал, что Атлантида не что иное, как Америка, а по утверждению самых авторитетных источников классической древности Атлантида была островом. Общеизвестным «фактом» было также и то, что воды океана циркулируют с востока на запад. Отсюда был сделан вывод, что раз существует открытое пространство к югу от Америки и Африки, допускающее такую циркуляцию, то, следовательно, и на севере должна наблюдаться подобная же картина. Создавалось впечатление, что Северо-западный проход можно считать уже почти открытым.

Это повлекло за собой действительно серьезные экспедиции в поисках прохода: Фробишер в 1576—1578 годах, Девис в 1585—1587 годах, Гудзон в 1610—1611 годах, Баффин в 1615—1616 годах. Открытие Гудзонова залива вселяло надежду, и именно на нем более столетия были сосредоточены все поиски Северо-западного прохода. Но, как я уже предупреждал раньше, история эта слишком длинная для того, чтобы ее можно было изложить здесь целиком. Остановимся на некоторых эпизодах.

В саге о Северо-западном проходе нет имени более памятного, чем имя Майкл Лок. Это богатый купец, совершивший множество путешествий. В его распоряжении имелся экземпляр карты Верраццано, которая была опубликована Хаклюйтом. Лок был главным из тех, кто финансировал Фробишера, ставшего пионером в поисках Северо-западного прохода, и другие усилия Англии в этом направлении. Это привело его к банкротству, и позднее он был вынужден провести некоторое время в долгой тюрьме.

Именно Майкл Лок встретил в Венеции в 1595 году старого греческого моряка по имени Апостолос Валерианос, которого во времена его службы в Испании знали как Хуана де Фуку. У этого старого морского волка было

в запасе много историй, но нас интересует лишь та, в которой он рассказывал, как в 1592 году ему пришлось плыть на север вдоль западного побережья Северной Америки. Он плыл до тех пор, пока приблизительно на 47° северной широты не подошел к проливу, прошел его и вышел в Атлантику. Де Фука предлагал повести туда экспедицию, чтобы подтвердить истинность своего повествования.

Майкл Лок, неудачливый покровитель тех, кто пускался на поиски Северо-западного прохода, затрепетал от восторга, услышав весть о том, что этот путь действительно существует и, оказывается, уже пройден. У него не было денег для того, чтобы отправить старого грека в Англию, но он всячески старался посредством деятельной переписки пробудить к нему интерес английских купцов, чтобы они согласились финансировать его путешествие. Хуан де Фука, так и не дождавшись результатов этой переписки, вернулся к себе домой на остров Кефалиния и умер там. Пёрчес включил рассказ Хуана де Фуки в свое повествование, но в то время этому рассказу, по-видимому, не придали никакого значения и свою роль он сыграл лишь полтора столетия спустя.

Поисками Северо-западного прохода были заняты и англичане и голландцы, но основные усилия к тому, чтобы найти морской путь, приложили все же англичане, хотя несколько попыток в этом направлении сделали и датчане. Испанцы тоже совершили пару путешествий к северу вдоль западного берега Америки, причем экспедиция Вискайно в 1602 году, не нашедшая Кивиры, была последней из них. Но испанцы, видимо, не столько стремились найти Северо-западный проход, сколько проверить и подтвердить слухи о существовании пролива Аниан. Англичане продолжали поиски на протяжении XVII столетия и время от времени возобновляли их в XVIII, когда Северо-западный проход уже не был им необходим как торговая артерия, поскольку англичане и голландцы уже с 1620-х годов свободно пользовались для своих коммерческих целей морским путем вокруг мыса Доброй Надежды. Теперь это уже была проблема, представляющая чисто географический интерес в связи с общими исследованиями Арктики. Тем временем французы проводили свою собственную политику. Но прежде, чем подробнее вдаваться в этот вопрос, давайте взглянем на карты.

Все карты известных картографов, пользовавшихся признанием начиная с 1560-х годов, сходились в одном: Северная Америка обозначалась на них с каким-либо водным путем на севере и с проливом Аниан, отделяющим ее от Азии. Так было до середины XVII столетия, когда стали делать все меньше попыток наносить на карту то, чего не знали, и в таких неисследованных районах, как американская Арктика, все еще оставалось много белых пятен. Один из курьезов этого периода картографии можно обнаружить на карте Николая Вишера приблизительно 1660 года. Вишер округляет восточную Азию, придавая ей очертания огромного мыса, решительно закрывает всякий северо-западный проход, соединяя побережье Гренландии с западным берегом Гудзонова залива, и оставляет белое пятно на месте северо-западной части Северной Америки. Но все же он не убирает со своей карты название Аниан, обозначающее часть береговой линии, проходящей прямо у северо-западной прибрежной полосы примерно на том месте, где должна быть Аляска. Такой компромисс между осторожностью и традицией показателен для географии тех времен.

Возможно, что именно карта Верраццано определила главное направление географических исследований во Франции в сторону поисков водных путей, пересекающих Американский континент. Многие ученые, посвятившие себя изучению этой темы, отмечают стремление французов путешествовать по Северной Америке только там, где они могли пройти на судне, и что единственным выдающимся путешественником, пересекавшим континент по суше, был Ла Салль. Но, конечно, из этого нельзя делать слишком далеко идущих выводов. Передвижение водным путем облегчает проведение исследований, к тому же французам посчастливилось попасть в ту часть Северной Америки, где это было особенно удобно.

И все же стоит вспомнить, что первоначальным толчком к исследованию Америки французами послужила карта, на которой континент представлялся лишь незначительным препятствием, отгораживающим открытое море. К тому же мы располагаем многочисленными свидетельствами того, что первые французские путешественники в Америке были убеждены, что они находятся на пути к Востоку. Таким был, например, экстравагантный Жан Николе, первый белый человек, достигший района

реки Висконсин. Он блуждал по зарослям в роскошном китайском одеянии, полагая, что одет подобающим образом, в полном соответствии с предпринимаемыми поисками. До него пути в Китай искал Шамплен, в результате чего появилось оптимистическое название «Китайские водопады» (la Chine). Так было названо препятствие на реке Святого Лаврентия, которое преградило путь Картье. И по сей день водопады и город по соседству с ними непосредственно к югу от Монреаля называются Лашин. Повидимому, мнение о том, что Северная Америка является восточной оконечностью Азии, продолжало существовать во Франции еще около столетия после того, как от него уже отказались в других странах.

Конечно, то, что исследования французов были направлены во внутренние районы континента, объяснялось не только их устаревшими концепциями. Их также привлекали слухи о богатых индейских царствах в глубине страны; однако проведенные ими поиски вскоре рассеяли подобные легенды. По мере того как французы продвигались в район Великих Озер и дальше за его пределы, они в изобилии находили богатые земли и ценные меха, и намерение проникнуть в Китай отошло в их сознании далеко на задний план, но они никогда не отказывались от него целиком.

В предыдущей главе я упомянул об испанском ренегате Пеньялосе и о том, как по его предложению Кивира стала объектом исследования французов. В соответствии с народным поверьем Кивира, вне всяких сомнений, находилась на западном берегу, и, когда Фронтенак стал губернатором Новой Франции (Канады), он всячески старался стимулировать ее поиски.

Сначала из этого ничего не получалось. Французская экспедиция, снаряженная для этой цели, обнаружив мощную Миссисипи, изменила свой курс и поплыла вниз по реке. Как я уже говорил раньше, традиционная Кивира застыла на французских картах вождеденной полосой западного побережья и оставалась там еще долго после того, как все остальные утратили веру в ее существование. Но был человек, который пытался продолжить поиски. Имя его дю-Лут дошло до нас в искаженном виде. Во время одного из путешествий, которое увлекло его далеко на запад, вероятно вплоть до нынешней Северной Дакоты, индейцы показали ему соль и рассказали о боль-

шом озере в двадцати днях пути дальше на запад, вода которого непригодна для питья.

Возможно, что это были отголоски слухов о Великом Соленом озере, но послушный своему желанию дю-Лут принял его за западное море. К этому времени накопился уже достаточный опыт для того, чтобы правильно оценить ширину континента и опровергнуть представление Верраццано о перешейке, но внутренние территории на западе все еще были мало изучены. Там могло находиться большое внутреннее море, американское Средиземное море, имеющее выход в Тихий океан. Это мнение опиралось на уже традиционное к тому времени представление о том, что Новый Свет — отражение старого мира. Правда, во время плаваний вдоль Тихоокеанского побережья никому не приходилось видеть выхода такого моря в океан, но от мыса Мендосино на север берег все еще оставался не исследованным. Это и было причиной столь длительной приверженности к мифической Кивире, которая, как предполагали, должна была находиться именно в этом месте. Дю-Лут сделал свое сообщение в 1679 году, но оно было положено под сукно и забыто. Французы, жившие в Канаде, в тот момент были больше заинтересованы практическими проблемами торговли мехами и обеспокоены давлением Англии с востока.

Человеком, который весьма серьезно отнесся к поискам западного моря, был Пьер Лемуан, первый губернатор Луизианы, но его обязанности не давали ему возможности заняться практическими исследованиями. В 1689 году Жак де Нойон открыл целую серию рек и озер, известных под названием Рейни. Эта водная система шла в обход враждебных индейцев саук, тем самым давая французам возможность продвигаться на запад. Сорок лет спустя, в 1730 году, старый закаленный торговец мехами и исследователь по имени Пьер Готье де Варенн де ла Верандри, следуя указаниям индейцев, достиг озера Виннипег и получил монополию на торговлю мехами с использованием этой нетронутой территории. Взамен за эту привилегию он обещал организовать поиски западного моря.

Он отправился в путь вместе с сыновьями и к 1733 году достиг страны вымерших ныне манданов на той территории, которая теперь называется Северной Дакотой. У тех людей, которых Верандри принял за белых, была

необычная культура, разительно отличавшаяся от культуры окрестных индейских племен. Здесь Верандри нашел камень с надписями, не поддающимися расшифровке, и отправил его в Монреаль. Позднее в Париже эксперты пришли к заключению, что это татарские надписи. Однако вряд ли это возможно, так как татары и монголы совсем не занимались мореплаванием. Древнее тюркско-татарское руническое письмо очень сходно с древнескандинавским, и сторонники скандинавского происхождения манданов приводили этот факт в подтверждение своей теории. В настоящее время этот вопрос приходится оставить в стороне, так как необычный экспонат давно уже утерян, хотя нет никакого сомнения в том, что он существовал.

Верандри, конечно, ничего не знал о теории татарского происхождения племени, но его открытие насторожило французские официальные круги, которые пришли к выводу, что должен существовать морской путь в Азию. Это убеждение было подкреплено сообщением Верандри о реке Миссури, которая, по его словам, текла на запад (позднее ему пришлось признать, что в том месте, где он ее видел, она течет на восток, но дальше она поворачивает на юг и оттуда направляется к Тихому океану). Из своей следующей экспедиции в 1738 году он вернулся с известием, полученным от индейцев Манитобы о существовании другой реки на западе. Один из индейцев сообщил ему, что плывал вниз по этой реке, и рассказал, что она ведет к такой стране, где климат теплый, где растут перец и какао и есть драгоценные металлы, «дикие звери всякого рода, змеи необыкновенных размеров» и «белые люди, окружившие стенами свои города и форты». Очевидно, какие-то сведения об испанских поселениях в Южной Америке просочились на север и дошли до этих индейцев.

Два человека, оставленные Верандри на реке Миссури, вернулись позднее с уже знакомой нам легендой индейцев об озере, воду которого нельзя пить. Следующую экспедицию удалось снарядить только в 1742 году, но ее участников испугали рассказы о враждебных племенах на западе, на той территории, которая отделяла их от моря. Они все же пересекли страну Бэд-Лендс и дошли до гор Блэк-Хиллс. Один из сыновей Верандри хотел было подняться на них в надежде увидеть долгожданное море, но осторожные проводники-индейцы, испытывавшие страх перед племенами этих мест, помешали ему это сделать.

Это была последняя французская экспедиция, ставившая задачей поиски водного пути к Тихому океану. Подобные попытки стали казаться бессмысленными, власти воздерживались от их субсидирования, и не прошло и двух десятилетий, как французские владения в Америке попали в руки англичан, которые никогда особенно не доверяли карте Верраццано и направляли свои поиски Северо-западного прохода не в сторону континента, а в сторону Арктики.

Неизвестно, достиг ли Верандри подножия Скалистых гор, но менее чем через десять лет после него французы добрались туда, и зрелище этого открытого ими огромного водораздела уничтожило всякие надежды на возможность достижения Тихого океана по рекам и внутренним водам континента. Осознание этой ситуации нашло свое отражение на карте Филиппа Боша, последней из карт, изображавших Кивиру. На ней четко обозначен этот горный хребет (хотя и слишком близко к западному берегу, что, возможно, объясняется влиянием испанских сообщений о Береговом хребте), отделяющий реки, текущие на восток, от рек, текущих на запад.

Между тем малозначительный географический миф, родившийся при попытке французов найти путь через континент, нашел свое отражение на карте. Луи Арманд, барон де Лаонтан, провел некоторое время в районе Великих Озер и принял участие в их исследовании. Затем он возвратился во Францию и в 1741 году опубликовал «Воспоминания о Северной Америке». То, что Лаонтан был отъявленным лгуном, не помешало его книге выдержать несколько изданий. Он рассказывал, как открыл большую реку, впадающую с запада в Миссисипи. Он назвал ее Лонг-Ривер (Длинной рекой). Это была не Миссури, так как он утверждал, что исследовал и Миссури. Путешествующие вверх по Лонг-Ривер, сообщал он, могли встретить различные индейские племена: эссанапов, которые отличались «мягкостью и гуманными манерами» и были «пифагорейцами» (имелось в виду, что они верили в переселение души); гнакситаров, врагов эссанапов, которые, кроме того, знали и ненавидели испанцев; длинноволосых и длиннородых мозимлеков и тугулавков*, тоже бородатых, искусных мастеров по обработке меди, живших в горах, откуда берут свое начало реки. Послед-

* Названия индейских племен вымышленные. — *Прим. ред.*

ние были единственным племенем, которое, по словам Лаонтана, он не посетил.

К этой книге была приложена небрежно вычерченная карта, содержащая целый ряд орфографических ошибок: например, «Магара» вместо «Ниагара»*. На ней показана простирающаяся далеко на запад река Лонг-Ривер, при взгляде на которую рождается мысль о возможности преодоления континента водным путем. Однако, насколько мне удалось установить, это единственная карта с изображением Лонг-Ривер. На карте Боша, о которой упоминалось выше, такой реки нет.

Между тем в 1725 году царь Петр I отправил капитана-датчанина Витуса Беринга в дальний путь для выяснения все еще не разрешенного вопроса о проливе Аниан**. Петра уже не было в живых, когда Беринг три года спустя доложил, что пролив между Азией и Америкой действительно существует. Но его донесение сочли неубедительным и некоторое время спустя Беринга снова отправили в тот же район для дальнейших исследований; и хотя он умер во время этого путешествия в 1741 году, отчет, привезенный его экспедицией, разрешил все сомнения. Именем Беринга этот пролив был назван лишь в 1778 году, когда капитан Кук посетил воды Аляски.

На протяжении XVII и XVIII веков различные английские экспедиции в поисках прохода совершили ряд плаваний в северо-западной части Гудзонова залива. Результаты были неутешительными, но то, что Беринг подтвердил существование легендарного пролива Аниан, вселяло надежду. Теперь, когда корабли всех народов свободно огибали мыс Доброй Надежды и мыс Горн, Северо-западный проход уже не представлял такой жизненной необходимости, но было несомненно, что, если бы он в конце концов оказался реальностью, он был бы очень удобен для навигации.

В 1708 году, еще до исследований Беринга, лондонский журнал «Мансли мисэлени» опубликовал сообщение о вымышленном путешествии некоего испанского адми-

* Другой ошибкой было написание Ouisconsink (река Висконсин), как Ouariconsint. Это объясняли как возможный источник мифической западной реки Орегон.

** В 1648 году через пролив, отделяющий Азию от Северной Америки, впервые прошла экспедиция Дежнева — Попова, но, очевидно, ее сообщениям не доверяли или просто забыли о них. — *Прим. ред.*

рала по имени Бартоломео де Фонте. В сообщении говорилось, что в 1640 году он плыл к северу вдоль западного побережья Америки, открыл Северо-западный проход, исследовал его и вышел в море Баффина, встретив по пути два корабля, идущих из Бостона. Не удивительно, что эта история не наделала шума при первой ее публикации, так как к тому времени британская публика уже с недоверием относилась к туманным разглагольствованиям о путешествиях и особенно ко всему испанскому (но по совершенно не относящимся к делу политическим и религиозным причинам).

Однако тридцать лет спустя ирландец Артур Добс с необычайным энтузиазмом начал пробуждать у англичан серьезный интерес к Северо-западному проходу. Он собрал все, что мог найти о районе Гудзонова залива. К тому же до него дошли слухи о внутреннем западном море, и он стал настойчиво обращать внимание общественности на то, что французы знают внутренние территории Северной Америки лучше, чем англичане. Его основная мысль состояла не в стимулировании поисков Северо-западного прохода, а в гневном порицании «подлой» компании Гудзонова залива, которая, по его мнению, уже открыла проход, но наложила запрет на всякую информацию, связанную с ним, чтобы сохранить монополию на торговлю мехами.

В результате этой пропаганды общественность Англии финансировала несколько экспедиций, которые, однако, окончились неудачей. В 1744 году Добс опубликовал книгу «Описание стран, находящихся в непосредственной близости к Гудзонову заливу». Отряхнув пыль с одряхлевшего и сомнительного путешествия Хуана де Фуки, сообщение о котором впервые было опубликовано Пёрчесом, он объединил его с мистификацией адмирала де Фонте и заявил, что оба эти труда касаются одного и того же водного пути. Следовательно, Северо-западный проход открыт. Почему же нам об этом не сообщают? Книга вызвала большой шум, и в результате в 1746 году к Гудзонову заливу была послана экспедиция, которая, однако, обманула возлагавшиеся на нее надежды. После этого Добс отказался от своих идей и retirовался в Северную Каролину, где позднее стал губернатором и приобрел некоторую славу как ученый, открывший неизвестное до той поры растение — дионею.

К 1768 году появилась еще одна книга — «О значительной вероятности существования Северо-западного прохода». Автор ее Томас Джефферис, но полагают, что это псевдоним Теодора Драга, эксцентричного искателя приключений, который в должности корабельного писаря принимал участие в неудачном плавании 1746 года, а позднее вел процветающую торговлю спиртными напитками в американских колониях. Написанная им книга основывалась главным образом на сведениях де Фонте и де Фуки. К ней была приложена курьезная карта Северной Америки, на которой были представлены два совместно существующих прохода: проход де Фука в виде длинного узкого канала, являющегося продолжением открытого моря, и проход де Фонте (под влиянием французских представлений) в виде цепи рек и озер. Оба они самым невероятным с географической точки зрения образом идут бок о бок друг с другом.

Дальше события развивались так: в 1770 году Сэмюэл Херн вышел из торгового поста Черчилль на западном берегу Гудзонова залива, намереваясь пересечь ту часть Канады, которая лежит в арктической зоне. При этом он получил еще и особые инструкции: разыскать предполагаемый проход. Он пробирался по суровым северным землям на запад вплоть до Большого Невольничьего озера, а затем отправился на север к устью реки Коппермайн на побережье Арктики. На своем пути он не нашел никаких каналов. Затем в 1778 году капитан Кук исследовал западную часть американского побережья, не открыл никаких проходов и в своем сообщении сделал несколько саркастических замечаний по поводу «фиктивного пролива Хуан-де-Фука». Однако капитан Джон Мирс в 1788 году исследовал залив Пюджет-Саунд, который проглядел Кук (возможно, из-за тумана), и вход в него окрестил именем Хуана де Фуки, предполагая, что если Хуан де Фука что-нибудь и открыл, то это мог быть только этот пролив. Его название сохранилось и по сей день.

В том же, 1788 году появилась еще одна вымышленная история о Северо-западном проходе, которая также оставила свой след. Ровно за двести лет до этого испанец Лоренсо Феррер Мальдонадо доложил о своем морском путешествии из Испании к западным берегам Америки через Исландию и Северо-западный проход. Он сообщил, что прошел через пролив Аниан, продолжил свой путь к югу

параллельно американскому побережью до Кивиры и затем вернулся тем же путем обратно. Когда это сообщение раскопали в архивах и опубликовали, оно обратило на себя внимание нашего старого знакомого Филиппа Боша. Этот человек, способный поверить чему угодно, горячо отстаивал правдивость сообщений де Фонте. В 1790 году он сделал доклад в Парижской Академии наук, основанный на данных Мальдонадо, и снова привлек внимание к испанским авторитетам. На проверку фактов, изложенных в докладе, был послан в 1791 году с двумя кораблями капитан Алехандро Маласпина; он тщательно обследовал берега Аляски в северном направлении приблизительно до 60° и не нашел пролива. В своем докладе он камня на камне не оставил от сообщения Мальдонадо, доказав, что это сплошное надувательство. Однако в сообщении Мальдонадо Северо-западный проход представлен в виде последовательного ряда извилистых каналов, тянущихся до 75° северной широты; и оказалось, что это описание, по случайному совпадению, представляет правильную картину реально существующего Северо-западного прохода.

Как я уже предупредил читателя, я не собираюсь излагать всю историю поисков Северо-западного прохода и задача моя состоит не только в том, чтобы разоблачить мифы. Мне хотелось показать, что многие путешествия носили серьезный характер и способствовали расширению знаний об Арктике. С самого начала XIX столетия Северный полюс превратился в объект более серьезных исследований, чем Северо-западный проход, о котором, впрочем, никогда не забывали. Последней серьезной экспедицией, главной целью которой были поиски Северо-западного прохода, была экспедиция 1845—1847 годов Джона Франклина, который отправился в Арктику и исчез. Общественность Англии с большим вниманием следила за поисками пропавшей экспедиции.

Путешествие Франклина ознаменовало собой последнюю вспышку активного интереса к Северо-западному проходу. Стало ясно, что из-за сильного холода в этих широтах возможность использования прохода практически исключается. Открытие Суэцкого канала двумя десятилетиями позднее сделало необходимость в Северо-западном проходе еще меньше, так как появился более короткий путь на Восток.

Но вслед за мифом о Северо-западном проходе возник другой миф, связанный с ним лишь косвенно, миф об Открытом полярном море. В сущности, убеждение в том, что существует такой водный бассейн, возникло примерно за два столетия до этого. Оно впервые появилось в повествовании Джозефа Моксона.

Впоследствии Моксону довелось стать гидрографом короля Карла II и известным картографом, но в 1652 году, во времена Кромвеля, он находился в изгнании за свои роялистские убеждения. В одной амстердамской таверне он встретил голландского моряка, который рассказывал, что только что вернулся с рыбных промыслов у Шпицбергена*. Присутствующие выразили удивление по поводу его возвращения домой в разгар рыболовного сезона. Тогда моряк объяснил, что он плывал на специальном судне, которое забирало и отвозило домой улов с других кораблей, но, когда их судно подошло к Шпицбергену, обнаружилось, что улов недостаточен, чтобы целиком заполнить трюм. Тогда капитан решил воспользоваться задержкой и сплавать на север, насколько позволят погодные и ледовые условия. Они проплыли до полюса и еще на два градуса дальше, но не встретили ни островов, ни ледяного покрова, а только открытое море, и при этом, по словам моряка, погода стояла такая же теплая, как в Амстердаме летом.

Трудно себе представить, что именно все это могло означать. Моксон говорил, что он верит этому рассказу, «так как [моряк] казался бесхитростным честным человеком, лишенным всякого притворства, человеком, который никак не был во мне заинтересован». Возможно, что выдался один из тех редких летних сезонов, которые иногда случаются, когда Арктика свободна ото льда, и путешественникам удалось достичь исключительно высоких широт. Несомненно, однако, что история эта была приукрашена в ходе повествования. Мысль о возможности навигации в полярном море возникла в тот момент, когда выяснилась несостоятельность старой теории климатических зон, о которой говорилось в начале главы. Но в данном случае это было, видимо, первое упоминание о практической попытке навигации в Открытом полярном море.

* Следует отметить, что Моксон употребил слово «Гренландия», а не «Шпицберген». В девятой главе будет дано по этому поводу разъяснение.

Напомним, что еще в 1527 году Роберт Торн предложил в качестве объекта исследования прямой путь через полюс. Баренц в 1596 году и Гудзон в 1608 году пытались преодолеть этот путь, но потерпели неудачу. Однако некоторые географы продолжали поддерживать эту идею, основываясь на правдоподобном рассуждении. Они упирали на то, что полярные районы освещены солнцем непрерывно на протяжении шести месяцев в году, но то, что остальные шесть месяцев эти районы остаются совсем без солнца, они обходили молчанием. Всем, кто занимается внутренними озерами на территориях с холодным климатом, хорошо известно, что лед вначале образуется исключительно вдоль береговой линии. Эта особенность была механически перенесена и на море, что совершенно неправомерно, поскольку здесь входят в силу еще многие другие климатические факторы. Сообщениям некоторых исследователей о том, что они неожиданно встречали участки открытой воды внутри Северного полярного круга, придавали незаслуженно большое значение.

Однако поиски Открытого полярного моря скорее связаны с исследованием Северного полюса, чем с Северо-западным проходом, и они приобрели свое значение лишь после того, как вопрос о Северо-западном проходе перешел в разряд второстепенных вопросов в общей системе исследований Арктики. В Лондоне в 70-е годы XVIII столетия появился некий Дейнис Баррингтон, член Королевского общества, хороший юрист, но посредственный ученый, который усиленно ратовал за полярные исследования, основываясь на том, что в полярном районе можно найти водные пути, пригодные для навигации. Некоторые из его доводов, хоть они и ошибочны, интересны своей курьезностью: он обратил внимание на то, что тропическая жара (на основе отрывочных сведений о погоде, имевшихся в то время) гораздо сильнее на тропиках Рака и Козерога, чем на самом экваторе; иными словами, он утверждал, что тропическая зона становится более умеренной по мере приближения к ее середине. Одним из доказательств этого служило то, что вулкан Котопахи в Эквадоре, расположенный почти непосредственно на экваторе, покрыт снегом, тогда как вершина Тенерифе на Канарских островах к северу от тропика Рака не имеет снежного покрова, хотя она выше Котопахи. Баррингтон рискнул высказать предположение, что аналогичный принцип мог

бы подойти и для Арктики, то есть что холод Северного полярного круга, возможно, ослабляется по мере приближения к Северному полюсу.

Идеи Баррингтона помогли убедить британское Адмиралтейство послать в 1773 году два хорошо снаряженных корабля для исследования полярного моря. Одним из членов экипажа был Горацио Нельсон, в то время молодой гардемарин, впоследствии ставший знаменитостью. Несколько севернее Шпицбергена путь экспедиции преградила ледяная стена. Это событие почти уничтожило надежды на Открытое полярное море, и, когда Вильям Парри в 1827 году осуществил свою попытку достичь Северного полюса со Шпицбергена, ему пришлось захватить с собой сани. Но в 1818 году некоему полковнику Бофою удалось все же опубликовать в Нью-Йорке книгу с изложением идей Баррингтона.

Теория эта снова выплыла наружу в середине XIX столетия главным образом благодаря известному исследователю Арктики Элишу Кенту Кейну. В 1852 году в своем сообщении Американскому географическому обществу он упомянул о том, что известный шотландский физик сэр Дэйвид Брюстер указал на два «полюса холода», где обнаружены самые низкие в северном полушарии температуры, — оба они находятся вблизи 60° северной широты, один в Азии, а другой в Америке. Отсюда следовало, что если самая холодная погода наблюдается южнее Северного полюса, то на самом Северном полюсе должно быть теплее и потому в его непосредственной близости море может быть и не покрыто льдом.

Когда во время следующего полярного путешествия Кейн достиг самой северо-западной точки Гренландии, то ему показалось, что это положение доказано, так как с высоты мрачных прибрежных утесов перед ним открылось море, покрытое тяжелыми гребнями волн и совершенно свободное от льда.

В то время еще не было известно, что иногда по ряду причин большие участки Северного Ледовитого океана могут временно полностью избавляться от ледяного покрова. Открытое полярное море стало представляться реальностью. В ближайшие двадцать лет в поддержку этой теории выступили Август Петерманн, крупный немецкий географ, сам содействовавший исследованию, и первый значительный американский океанограф Мэттью Фонтен

Мори. Однако последующим путешественникам снова не удалось обнаружить Открытого моря, и наконец после трехлетнего плавания Фритьофа Нансена в 1893—1896 годах и дрейфа на «Фраме» во льдах с этой идеей было окончательно покончено.

Через десять лет после путешествия великого норвежца не менее великий норвежец Амундсен доказал, что Северо-западный проход реально существует и может быть использован для навигации. Но если молва справедлива, то, видимо, другое судно еще раньше прошло через проход, причем при таких жутких обстоятельствах, которые даже трудно себе представить*.

11 августа 1775 года американское китобойное судно «Геральд» попало в штилевую зону вблизи огромного ледяного поля к западу от Гренландии; ночью внезапно поднялся сильный шторм, взломавший лед, и команда «Геральда» увидела приближающийся к ним странный корабль, мачты и реи которого были покрыты сверкающим льдом. Капитан и несколько матросов поднялись на борт и прочли название корабля: «Октавиус». Они обнаружили, что все койки в носовом кубрике заняты мертвецами, тела которых прекрасно сохранились из-за холода. Капитан был найден замерзшим за столом в своей каюте, перед ним лежал открытый судовой журнал, на койке находилось тело женщины, вероятно жены капитана. Напротив нее на полу каюты сидел мертвый матрос. Перед ним лежали кремь и стружки: он, очевидно, собирался развести огонь в момент внезапной смерти. Рядом с ним на полу под матросской курткой лежало тело маленького мальчика.

Капитан «Геральда» взял судовой журнал и передал его одному из своих людей. Он обследовал камбуз, но не нашел никаких продуктов. Когда же он хотел осмотреть трюм, команда отказалась спускаться внутрь этого погребального корабля. Они вернулись к баркасу и тут выяснилось, что человек, у которого был судовой журнал, уронил его впопыхах, стараясь поскорее убраться с судна. Книга стала хрупкой от мороза, и все страницы, кроме

* Я не могу утверждать достоверность этой истории. Она появилась в свое время в ряде сенсационных публикаций, и у меня не было возможности их проверить. Однако они, так или иначе, основаны на оригинальных документах. Правда, трудно сказать, все ли документы достаточно надежны.

нескольких первых и последней, отломились от переплета и упали в море. В следующую ночь «Октавиус», дрейфуя, скрылся из виду, и о нем больше никогда ничего не слышали.

От судового журнала остались три страницы в начале и одна в конце. На первых страницах были имена членов экипажа, включая капитана, его жену и их десятилетнего сына, и говорилось об их отплытии из Англии в Китай 10 сентября 1761 года. Эти страницы оканчивались записью о прекрасной погоде и о том, что 19 сентября в поле зрения корабля находились Канарские острова.

Последняя страница содержала единственную запись, сделанную, должно быть, одним из членов команды. В ней говорилось, что корабль уже семнадцать дней находится в ледяном плену, что люди жестоко страдают от холода, что сын капитана умер, а жена сказала, что уже не чувствует холода (первый признак приближения смерти при замерзании), что помощник капитана безуспешно пытается развести огонь и что приблизительное местонахождение корабля 75° северной широты, 160° западной долготы (это примерно около ста миль к северу от мыса Барроу на Аляске).

Очевидно, капитан «Октавиуса» решил на обратном пути из Китая попытаться найти Северо-западный проход вместо того, чтобы возвращаться домой дальней дорогой вокруг мыса Доброй Надежды. Так ли это на самом деле, мы никогда не узнаем, потому что большая часть судового журнала утеряна. Но вполне вероятно, что первым, кто прошел Северо-западным проходом, был корабль мертвецов, проделавший это путешествие за четырнадцать лет.

Неведомая Северная Земля

Меркатор на своей карте мира 1567 года и вслед за ним Ортелий в 1571 году уравнивали Terra Australis Inkognita (глава 2) значительно меньшей по размерам Terra Septentrionalis Inkognita. В противовес огромному, неуклюжему и расплывчатому пятну, каким выглядела Неведомая Южная Земля, Неведомая Северная Земля представляется довольно красивым и четко очерченным континентом, при взгляде на который кажется, что он распростер свои крылья над земными массами различных конфигураций, находящимися под ним. Два его полуострова помещены приблизительно на месте реально существующих Шпицбергена и Новой Земли. Но этому мы обязаны счастливой случайности, так как эти группы островов стали известны жителям Западной Европы только в 1590-е годы.

Однако не эта Северная Земля привлекает наше внимание. Своим существованием она больше обязана художественному чувству симметрии, чем географическому мифу. Еще до конца XVI столетия путешествия Баренца на восток и Девиса на запад привели к тому, что представления об Арктике кардинально изменились. Поэтому в Северную Землю, по-видимому, никогда всерьез не верили и она никогда не была объектом серьезных исследований. Название этой главы относится, скорее, к другой северной земле, Норумбега, которая на некоторое время завладела северо-восточным побережьем Америки точно так же, как Кивира северо-западным, и располагалась приблизительно на той же широте. Впервые это слово появилось на карте как название реки. Но это было только начало.

Странное, будоражащее фантазию название «Норумбега» интриговало ученых на протяжении трех последних столетий, и почти так же давно ученые пытаются установить его истоки. Себастьян Расл, французский священник, бывший миссионером среди индейцев абенаки в штате Мэн и предательски убитый англичанами, думал, что он нашел объяснение этому названию. Он считал, что оно происходит от абенакского слова, произносимого как нечто вроде *aganmbegk*. Расл перевел его «у истоков воды»; последующим исследователям казался гораздо более правильным перевод «у глинистого залива». Джордж Р. Стюарт упомянул, не вдаваясь в подробности, о старой карте Северной Америки, относящейся к 1520-м годам, на которой на северо-восточном побережье значится некое «Арамбе», и предположил, что это искаженная форма названия Норумбега. Правда это или нет, одно несомненно: либо «Арамбе» происходит от *aganmbegk*, либо это очень странное совпадение.

Специалист по абенакскому языку в книге об американских индейцах издания 1912 года утверждает, что упомянутое название восходит к слову *polumbeke*, которое, по его мнению, означает «последовательный ряд водопадов, перемежающихся с неподвижной водой», и использовалось этими индейцами для обозначения одного из участков реки Пенобскот. Однако другие эксперты усомнились в правильности применения этого термина и даже в самом его существовании. Другим, не менее сомнительным предположением было слово *nalambigik* (спокойный водоем).

Обратите внимание, что все попытки специалистов по языкам американских индейцев остановиться на каком-либо слове, звучащем как Норумбега, неизменно приводят к термину, применяемому только для обозначения не больших водоемов. Поэтому трудно объяснить, как подобное слово могло быть подхвачено древними путешественниками и использовано ими для обозначения значительного пространства суши. Несмотря на то что вначале название «Норумбега» было использовано для обозначения реки, а это подтверждает правильность предположения об одном из заимствований с абенакского языка, искали и других объяснений происхождения этого слова.

Артур Джеймс Вейс в своей книге «Открытие Америки», опубликованной в 1884 году, сделал неубедительное предположение, что какие-то неизвестные «первые фран-

цузские исследователи» вошли в устье реки Гудзон (очевидно, до Верраццано, руководившего первым из зафиксированных французских путешествий в Новый Свет) и дали гряде отвесных скал название *Enorme Berge* (Огромный откос) и что оно было искажено и в искаженном виде попало на карту в 1529 году.

Из-за того, что слово «Норумбега» начинается с *Nor*, постоянно делались предположения о его северном происхождении. Это слово часто появлялось на картах XVI века в форме *Noruega* или *Nova Noruega* и в значительной мере способствовало укоренению широко распространенной в то время теории, которой придерживались также и Ортелий и Гуго Гроций, о том, что по крайней мере часть американских индейцев — выходцы из Скандинавии, проделавшие нигде не зафиксированные и давно забытые путешествия в Америку*. Позднее наиболее распространенным объяснением названия «Норумбега» стали слова *Nordhman Bygdh* (Норманнское поселение). Но к этому мы еще вернемся.

После своего плавания вдоль побережья Северной Америки в 1524 году Джованни Верраццано направил письменный отчет королю Франции. Он был коротким и деловым и содержал главным образом географические и климатические данные и сведения об аборигенах, которых он встречал. В нем нет никакого упоминания о Норумбеге. Но в этом кратком документе Верраццано рассказал не обо всем, что он знал, что слышал и чему верил (например, он не упомянул о перешейке, о котором говорилось в главе седьмой). Очевидно, у него было в запасе гораздо больше сведений и он делился ими главным образом со своим братом Джироламо, венецианским картографом, и с другим картографом по имени Маджолло. В 1526 году этот последний выпустил карту Америки, на которой значилось, что Верраццано открыл «Норманнское поселение» (*Norman Villa*) где-то в районе Новой Англии. А три года спустя Джироламо Верраццано опубликовал карту, на которой название «Норумбега» впервые появляется в уже знакомом облике в виде реки на территории современного штата Мэн.

* Теория открытия Америки скандинавами, основанная на путешествии в Винландию сына Эрика Рыжего Лейфа, была, насколько нам известно, впервые выдвинута в 1705 году датским ученым Тормодом Торфеусом в книге «История древней Винландии».

Мне кажется, что многие исследователи невольно были введены в заблуждение сходством названий Norumbega и Norman Villa. Первое слово было, по-видимому, индейским названием реки или индейским словом, обозначающим реку, тогда как второе (если оно не было простой ошибкой Маджолло, перепутавшего его с Норумбегой) можно объяснить иначе, о чем речь пойдет дальше. Но, видимо, путаница началась почти с того самого момента, как появились обе эти карты, и река Норумбега вскоре оказалась расположенной на значительной территории с тем же названием.

Возможно, что «Норумбега» впервые появилась как название части территории на глобусе Эфросиния Ульпия в 1542 году. Спустя несколько лет о ней впервые упомянул в том же смысле некий Пьер Криньон из Дьеппа в своем «Исследовании путешествий и открытий норманнских мореплавателей», которое, однако, не могло оказать в то время большого влияния, так как было опубликовано лишь три столетия спустя. Криньон утверждал, что Верраццано завладел этой территорией, присоединив ее к французской короне, и назвал ее Новой Францией, тогда как туземцы называли ее Норумбегой.

Нет никаких указаний на то, что Жак Картье, когда он впервые отправился в Новый Свет в 1534 году, ожидал найти землю Норумбега, хотя он и пользовался картой Верраццано. Он плыл по заливу Святого Лаврентия и неподалеку от того места, где теперь находится город Квебек, повстречал племя индейцев, которое он назвал «хочелага». На более поздних картах Северной Америки «Хочелага» обозначает значительную территорию, общее название которой Новая Франция. Дальше вверх по течению, вблизи современного Монреаля, он встретил другое индейское племя, которому он дал название «канада»*. Это название на картах приобрело свое значение лишь более столетия спустя. В этом месте он подобрал какие-то камни, которые принял за алмазы, но ювелиры во Франции определили, что эти кристаллы не представляют никакой ценности. Отсюда пошел «канадский алмаз» — простонародное выражение, под которым подразумевается что-либо поддельное, но в свое время, возможно, оно способствовало представлению о Норумбеге

* Слово «канада» на языке местных индейцев означало просто населенный пункт. — *Прим. ред.*

как о богатом царстве, которое стоит того, чтобы его разыскивать.

Свое последнее плавание 1541—1542 годов Картье совершал вместе с Жаном Франсуа де ла Роком (Робервалем), которого король Франциск назначил вице-королем Новой Франции. Дневник этого путешествия вел некий Жан Альфонс, главный штурман Картье. Он зафиксировал местонахождение мыса Норумбег, и по этим данным легко определить, что под ним подразумевался полуостров Кейп-Код, а на расстоянии около семидесяти миль к западу от него поместил реку Норумбег, которая не может быть не чем иным, как заливом Наррагансетт. Он сообщил, что в сорока милях вверх по течению находится город Норумбега «и в нем есть хорошие люди и у них есть шкуры всевозможных животных». Торговля мехами стала к тому времени самой притягательной чертой этой части мира. Тем не менее прошло шестьдесят лет, на протяжении которых французы ничего больше не предпринимали в отношении этой территории Нового Света, которую Верраццано поместил на карте под названием «Новая Франция». Все это время Норумбега находилась на карте бок о бок с Новой Францией.

По географическим понятиям того времени вся территория, которой владела Испания, на карте называлась «Флоридой», а побережье к северу от нее, исследованное Верраццано, стало называться «Новой Францией». После 1580-х годов ситуация изменилась. К этому времени англичане заявили претензии на свободную территорию, которую они называли «Виргиния», непосредственно к северу от «Флориды», и она появилась на картах, отделяя «Флориду» от «Новой Франции». Между этой «Флоридой» и современным штатом нельзя ставить знака равенства, как нельзя ставить знака равенства между «Виргинией» и колонией Джемстаун. Это название применяли непосредственно ко всем прибрежным территориям Атлантики, на которые Англия могла бы претендовать или которыми она могла бы владеть. Затем после 1620-х годов Новая Англия еще больше потеснила на карте Новую Францию, сократив ее до той территории, которая ассоциируется в нашем представлении с этим названием в настоящее время*.

* То есть с современной Канадой. — Прим. ред.

В пределах Новой Франции двумя главными названиями были (как бы их ни писали) Хочелага и Норумбега. Первое постепенно передвигалось все дальше в глубь континента вверх по реке Святого Лаврентия, а последнее продолжало неизменно оставаться на морском берегу, обычно занимая район Новой Шотландии, Нью-Брансуика и штата Мэн.

В таком виде оно (это название) появилось на карте Зальтиери 1566 года, Меркатора 1569 года, Ортелиа 1571 года, Витфлита 1597 года, Блау около 1620 года и на многих других, полный перечень которых утомил бы читателя. На карте Майкла Лока, опубликованной Хаклюйтом в 1582 году, но выполненной несколько раньше, границы Норумбеги ограничены современной Новой Шотландией, но на большинстве карт она изрядно внедряется в штат Мэн. На упомянутой карте Ортелиа выявляется еще один курьез, который потом скопировали более поздние картографы: на ней путь Картье простирается слишком далеко в глубь континента, и на месте нынешнего Чикаго обозначено искаженное название Chlaga. Это следует рассматривать как чистейшее совпадение*.

Начиная с карты Меркатора 1569 года, Норумбега стала появляться на картах как территория, не лишенная определенной значительности. Меркатор изобразил ее столицу в виде укрепленного города, оцетинившегося башнями. Более сдержанный Ортелий использовал для ее изображения условный символ. Оба поместили ее на некотором расстоянии от побережья вверх по реке, приблизительно на месте залива Фанди. Мыс Норумбег Жана Альфонса был перенесен с полуострова Кейп-Код на мыс Сейбл и соответственно был перемещен город.

Путешественники, продвигавшиеся вдоль северо-восточного побережья Америки, естественно, делали попытки найти Норумбегу. Самой значительной из них была попытка Хемфри Гилберта, когда он во время своей злополучной экспедиции 1583 года так и не нашел ни перешейка Верраццано, ни его Норумбеги и в конце концов решил основать британскую колонию в Ньюфаундленде. Но первой по-настоящему планомерной попыткой поисков Норумбеги было путешествие Шамплена.

* Название «Чикаго» в действительности происходит от индейского слова *chikagon*, что означает «вонять», и относится к зарослям дикого лука, который раньше рос по берегам озера Мичиган.

Самюэль де Шамплен — одна из самых увлекательных фигур во всей истории исследования Америки. В молодости он совершал плавания, находясь на службе у испанцев, возглавлял путешествия в Западную Индию и посетил Панаму. Он был, по-видимому, первым, кто предположил возможность строительства Панамского канала. В 1603 году, когда он уже завоевал себе известность как географ-практик, король Франции Генрих IV направил его на исследование той территории, которая на картах давно уже значилась под названием «Новая Франция», для того чтобы закрепить ее и попытаться сделать, так или иначе, полезной для ее предполагаемого владельца. И Шамплен с удовольствием принялся за выполнение этой задачи, так как он испытывал почти мистическое чувство к Новому Свету как к своего рода новому раю, представляющему неограниченные возможности для человека, чувство, похожее на то, которое, по-видимому, воодушевляет многих людей в наше время в их самоотверженном исследовании космического пространства.

Шамплен вышел в море в 1603 году. Он исследовал берега той территории, которая теперь называется Новая Шотландия, и не нашел там Норумбеги. Он основал колонию Пор-Рояль (в настоящее время Аннаполис) и с 1604 по 1607 год в поисках Норумбеги тщательно изучил берега в южном направлении до залива Кейп-Код. Что же касается результатов этих поисков, то нет ничего лучше, как процитировать сочный язык (в переводе и публикации Пёрчеса) Марка Лескарбота, юриста и поэта, летописца экспедиции.

«...И нет [на побережье Мэн] ничего достопримечательного (по крайней мере в том, что видно с моря), кроме реки, о которой многие писали легенды одну за другой.

Я приведу одно место из той легенды, которая помещена в последней книге, озаглавленной «Всеобщая история Западной Индии» и напечатанной в Дуэ в прошлом, 1607 году. В нем говорится о Норумбеге; сообщая это, я также скажу о том, что писали первые, у которых это заимствовано.

„Более того, по направлению к северу (говорит автор после того, как он рассказал о Виргинии) находится Норомбега, которая достаточно хорошо известна из-за

прекрасного города и большой реки, хотя и не установлено, откуда взялось ее название, так как аборигены называют ее Агункия [искаженное Algonquin]. В устье реки есть остров, очень удобный для рыболовства. Район вдоль моря изобилует рыбой, а в сторону Новой Франции есть большое число диких зверей, и место это очень удобно для охоты. Образ жизни аборигенов здесь такой же, как и в Новой Франции.

Если этот прекрасный город действительно когда-либо существовал, мне хотелось бы знать, кто же его уничтожил, так как на его месте остались только отдельные хижины, сделанные из жердей и покрытые корой деревьев или шкурами, и это населенное место и река называются Пемптегоет, а не Агункия. Река (если исключить прилив) так же маловодна, как и река на том берегу, так как нет достаточно земли, чтобы создавать их, из-за большой реки Канады [имеется в виду река Святого Лаврентия], которая направлена вдоль линии побережья и ближе восьмидесяти лиг от этого места пересекает эти земли, которые из других мест получили много рек, падающих с уступов, обращенных в сторону Нормбеги; при входе в Нормбегу нет ничего похожего на то, чтобы в ней был всего лишь один остров, скорее, число их почти бесконечно, так как эта река расширяется подобно греческой букве «лямда»; устье реки полно островов, из которых есть один, лежащий очень далеко в море (и самый далекий), который высок и выделяется среди других.

Но некоторые скажут, что я выражаюсь двусмысленно, говоря о местоположении Нормбеги, и что ее нет там, где я ее поместил. На это я отвечаю, что автор, чьи слова я привел перед этим в свое оправдание, в этом мне достаточная порука; он на своей географической карте поместил устье этой реки на 44°, а предполагаемый город — на 45°, в чем мы расходимся только на один градус, что совсем незначительно. Ибо река, которую я имею в виду, находится на 45°, что же касается города, то его нет. По всей вероятности, это должна быть та же река, потому что эту реку прошли, и это река Кинибеки (которая находится на той же высоте), а другой реки впереди нет, которую нужно было бы принимать во внимание, прибыв в Виргинию. Более того, скажу что, если видят, что туземцы Нормбеги живут так же

как живут туземцы Новой Франции и с избытком охотятся, должно быть, их провинция расположена в нашей Новой Франции; ибо на пятьдесят лиг дальше на юго-запад не разгуляешься, потому что леса там реже, и обитатели прочно обосновались здесь, и в большем числе, чем в Норумбеге».

Внесем некоторую ясность: Шамплен после обследования побережья поселился на реке Пенобскот («Пемптегует»), на реке, о которой сообщил Верраццано и которая стала источником легенды. «Кинибеки» — это, конечно, Кеннебек, а достопримечательная река в «Виргинии», которую упоминает Лескарбот, несомненно Гудзон, устье которого посетил Верраццано. Очевидно, не желая совсем обойти молчанием традиционное название Норумбега, Шамплен на своей карте 1612 года дал это название индейскому поселению в устье Пенобскота. Но теперь, когда Норумбега была низведена до незначительной индейской деревушки, ученые потеряли к ней интерес и она начала исчезать с карт.

По какой-то причине это не коснулось голландцев. Не понятно почему, но Норумбега продолжала появляться на голландских картах на протяжении всего XVII столетия и даже в XVIII. Голландские картографы были не более консервативны и не менее традиционно копировали друг друга, чем картографы других стран. Возможно, что разочарование голландцев, связанное с тем, что все предпринимаемые ими усилия в Новом Свете сводятся на нет англичанами прежде, чем они успевают что-либо реализовать, породило желание сохранить веру в географический миф.

Следует обратить внимание на то, что Шамплен провел исследования на юге только до полуострова Кейп-Код. Если бы он продвинулся южнее и исследовал залив Наррагансетт, где Жан Альфонс до него уже обозначил Норумбегу, вполне возможно, что он мог бы что-нибудь найти, в чем мы с вами сейчас убедимся.

Шамплен не полностью стер с карты Норумбегу, а уменьшил ее до незначительных размеров. Спустя несколько лет он достиг района Великих Озер, а вслед за ним сюда же проникли французы, которые избавились от воображаемого царства «Хочелага», или «Члага»,

внутри страны. Сегодня «Хочелага» всеми забыта. Но не Норумбега. Она все еще таится в недрах американской культуры, и каждый, кто увлекается чтением, может вспомнить ее, так как где-нибудь с ней обязательно встречался.

Это происходит потому, что мнимая Норумбега пропагандировалась, и, на мой взгляд, совершенно неоправданно, с целью подкрепления теории открытия Америки скандинавами.

Оглядываясь назад и мысленно просматривая события, мы видим, что Маджолло, основываясь на авторитете самого Верраццано, поместил «Норманнское поселение» (Norman Villa) где-то на побережье, а на карте, начерченной братом исследователя тремя годами позднее, впервые вводится, тоже под влиянием авторитета Верраццано, слово «Норумбега» в качестве названия реки. На ней же показано и «Норманнское поселение».

Можно не сомневаться, что Верраццано держал своего брата в курсе дел, и потому представляется несомненным, что для путешественника, вернувшегося из дальних странствий, названия «Норманнское поселение» и «Норумбега» были названиями двух различных мест. Последнее явно стало названием реки, той самой, которую Шамплен через восемьдесят лет отождествил с рекой Пенобскот. К тому же существует абенакское слово *polumbeke*, которое ставилось под сомнение, но также было определено уже в XIX веке как относящееся к Пенобскоту.

Создавалось впечатление, что во время своего путешествия Верраццано открыл реку, услышал, как индейцы называют ее словом, похожим на «Норумбега», принял это слово за название реки и сообщил об этом своему брату. Данные лингвистики из области индейских языков сомнительны, но нет никакой обоснованной причины сомневаться в том, что отождествление Шампленом «Норумбеги» с «Пенобскотом» правильно.

Остается выяснить вопрос с «Норманнским поселением».

Пришло время определить нынешнее положение теории об открытии Америки норманнами. Определение «открытие Америки» затрагивает в известной мере семантическую проблему. До 1507 года, когда Мартин Вальдземюллер ввел это название на своей знаменитой карте, «Америки» не существовало. Это название он дал только современной Южной Америке, в отношении которой не

существует серьезных теорий открытия ее норманнами. Шестью годами позднее он переименовал это название, заменив его обозначением «Неведомая Земля», и указал на то, что честь ее открытия принадлежит Колумбу (глава 2).

Если изложить эту теорию последовательно, то она состояла бы в том, что норманны открыли какую-то часть континента с прибрежными островами, известную в настоящее время под названием Северная Америка. Но тогда это не теория, а факт. Исторические и археологические данные не допускают сомнений в том, что норманны действительно открыли и колонизировали Гренландию.

Кроме того, широко разрекламированное в октябре 1963 года подтверждение подлинности места стоянки норманнов на севере Ньюфаундленда является доказательством того, что эти путешественники, несомненно, были за пределами Гренландии. Что касается их попыток продвинуться в глубь материка, то они вполне вероятны, но пока не найдены подтверждающие их неопровержимые доказательства.

Единственный достоверный документ о попытке норманнов создать колонию в Америке за пределами Гренландии, имеющийся в нашем распоряжении, — это свидетельство Торфинна Карлсефни около 1007—1008 годов; из этой записи ясно видно, что предполагаемые поселенцы были изгнаны индейцами. Местонахождение колонии Карлсефни не ясно. Она, вероятно, была скорее на Ньюфаундленде, чем на материке. Винландию Лейфа на основе некоторых поверхностных данных обычно помещали в районе Кейп-Кода, но по этому вопросу к общему согласию не пришли, и даже были высказаны предположения, что это северная часть Ньюфаундленда.

Есть веские причины полагать, что норманны, жившие в Гренландии, имели некоторые связи с более южными районами. Известно, например, что жители Гренландии использовали для своих построек строительный лес, но в Гренландии нет и никогда не было лесов, которые могли бы поставлять строительный материал. Можно с уверенностью предположить, что вместо того, чтобы ввозить лес из далекой Норвегии, они получали его из близлежащего Ньюфаундленда или, возможно, с побережья материка. И в это время у них должен был существовать какой-то контакт с индейцами.

Вот все, что фактически известно или можно обоснованно предположить на основании имеющихся надежных данных. Однако вполне могут появиться новые свидетельства, которые полностью изменят картину, и потому поиски их следует рекомендовать и поощрять.

Слишком многие специалисты в этой области заняты не столько изучением данных, сколько поисками свидетельств для обоснования отдельной теории. К тому же они часто проявляют тенденцию к опасной форме априорных утверждений: «а» должно быть верно потому, что оно объяснит «b», поэтому «b» является доказательством истинности «а». Таким образом, ранние поселения норманнов в Новой Англии могли бы объяснить происхождение Норумбеги, а история с Норумбегой служила бы поэтому доказательством того, что такие поселения действительно существовали.

Теоретики подобного рода всегда обращают внимание на возможное происхождение слова «Норумбега» от слов *Nordhman Bygdh* (Норманнское поселение) и на их связь с *Norman Villa*, которая кажется несомненной, а *Norman Villa* всегда отождествляется со знаменитой круглой каменной башней в Ньюпорте, на острове Род-Айленд, о которой можно прочесть в любой энциклопедии. Точно не известно, была ли эта башня построена губернатором Род-Айленда Бенедиктом Арнольдом в 70-х годах XVII столетия или норманнами. Обе теории можно в известной степени отстаивать. И видимо, других теорий нет. Независимо от того, скандинавского происхождения эта башня или нет, есть основания полагать, что она предшествует времени Арнольда. В 1632 году некий Эдмунд Плоуден представил план создания английской колонии на Лонг-Айленде и упомянул в качестве одного из удобств (читай: «приманки») этого места «круглую каменную башню», которая могла бы служить хорошим укреплением для гарнизона как защита от нападения индейцев с северной стороны. Этот документ был написан не только за сорок лет до губернаторства Арнольда, но и за семь лет до того, как был основан Ньюпорт. Таким образом, как уже сказано выше, если бы Шамплен на двадцать пять лет раньше продолжил свои исследования в южном и западном направлениях от залива Кейп-Код до залива Наррагансетт, возможно, что он обнаружил бы кое-что, о чем стоило сообщить.

Общепринятая теория состоит в том, что искаженная в индейском языке форма скандинавского слова *porseman*, или *porman*, служит доказательством скандинавского происхождения башни. В подтверждение этой мысли набирают внушительный реестр индейских слов с побережья Атлантики, которые, как представляется авторам этой теории, являются словами скандинавского происхождения.

Как уже отмечалось раньше, есть основания предполагать, что гренландские скандинавы входили в контакт с индейцами, и кажется вполне вероятным, что эти последние заимствовали у них некоторые слова. А заимствованные слова, когда они укореняются в языке, имеют тенденцию оставаться там на неопределенно долгое время. Нет оснований сомневаться в том, что некоторые индейские племена ко времени Верраццано и даже позднее все еще пользовались словами, которые они заимствовали у скандинавов.

Но гипотеза о том, что «Норумбега» и «Норманнское поселение» являются тому примером и представляют собой остатки более ранних поселений скандинавов, не обязательна. Есть и другое объяснение из местного источника.

Упомянувшийся выше Марк Лескарбот, летописец первой экспедиции Шамплена, свидетельствует о том, что баски, тоже посещавшие берега Северной Америки, называли всех других французов норманнами и что индейцы подхватили у них это слово. Это представляется значительно более убедительным, чем любое сомнительное теоретизирование о сохранившихся скандинавских словах.

Конечно, остается еще один неразрешенный вопрос. Отчет Лескарбота был написан приблизительно через семьдесят лет после того, как Верраццано натолкнулся на свое так называемое «Норманнское поселение» где-то в районе Новой Англии — Новой Шотландии. Посещали ли в то время рыбаки-баски эти места?

Есть указания на то, что по крайней мере в 1500 году, возможно даже и до Колумба, они занимались рыболовством в водах Нового Света. К сожалению, средневековые и более поздние записи басков-мореходов, если таковые имелись, в настоящее время потеряны. В них, безусловно, могло бы содержаться описание особен-

ностей побережья Новой Англии, которому баски дали название «Норманнское поселение», и объяснение причин такого наименования. Возможно даже, что причиной послужила Ньюпортская башня, которая могла быть древненорманнского происхождения. Но слово *potman* при создавшихся обстоятельствах и при учете единственного свидетельства, имеющегося в нашем распоряжении, определенно приводит к французам, а не к скандинавам. Возможно, что у басков при виде башни такого рода возникла ассоциация с северной Францией и соседними с ней районами. До наших дней в аббатстве Сент-Баво в Бельгии можно видеть маленькую круглую башню похожей конструкции.

Из всего этого можно сделать вывод, что были перепутаны два слова: индейское, служащее названием реки, и слово, употреблявшееся басками для обозначения людей французской национальности. Оба они трактовались как предполагаемое скандинавское название незафиксированного поселения. Но приверженцы теории открытия Америки скандинавами не должны из-за этого довода чувствовать себя лишенными почвы. Никакое дело никогда не проигрывает от устранения или уточнения сомнительных или неточных элементов мнимого доказательства. То, что скандинавы достигали берегов Северной Америки, не вызывает сомнений, но при этом следует исключить предположение о том, что они основали «потерянную колонию» Норумбега.

Странствующая Гренландия

Нет сомнений в том, что Гренландия существует и существовала всегда, но она не существует и никогда не существовала в тех границах, которые обозначены на некоторых древних картах. К тому же весьма вероятно, что та реальная Гренландия, которую мы знаем сегодня, получила свое название от названия мифического острова.

Названия «Исландия» и «Гренландия» всегда вызывали желание задуматься над ними. Как могло случиться, что место, обычно не покрытое льдом, назвали Исландией (Ледяной землей), а суровую бесплодную арктическую пустыню — Гренландией (Зеленой землей)? Что касается Исландии, то здесь наиболее вероятны две теории: одна из них состоит в том, что викинг Флоки, который открыл этот остров (или, возможно, сделал повторное открытие) в 870-е годы, обратил внимание на прибитый к северному берегу паковый лед (редкий, но возможный случай); вторая исходит из предположения, что древние скандинавские поселенцы умышленно дали своей новой родине непривлекательное название, чтобы отводить тех, кто совершал пиратские набеги.

Название «Гренландия» традиционно объясняют так: Эрик Рыжий дал его открытой им земле, чтобы привлечь к ней перспективных колонистов. Но это звучит не очень убедительно. Каким бы ни был Эрик мошенником, трудно поверить, чтобы он захотел так бессовестно и откровенно обмануть группу преданных ему воинов-скандинавов, среди которых он собирался жить, оставаясь их предводителем. Источником этой версии послужила работа Ари Мудрого, исландского хрониста XI века. Однако самая ранняя копия его труда, известная нам, была сделана в XIII веке, и предполагают, что ее дополняли другие ав-

торы, которые могли внести в нее свое толкование. Во всяком случае, это объяснение названия «Гренландия» очень похоже на выдумку и к нему нужно относиться с большой осторожностью.

Чтобы установить истинное происхождение этого названия, нам, возможно, придется возвратиться к временам античного Рима. Римский писатель I века нашей эры Плутарх знаменит главным образом своей «Книгой биографий», но он писал и другие произведения, в число которых входит и книга, озаглавленная «Лицо на Луне», — один из тех сборников эксцентричной информации, которую, видимо, любили римляне. В этой книге он приводит высказывание некоего Деметриуса, одного римского служащего, прожившего несколько лет в Британии. Деметриус якобы рассказал ему, что британцам известен остров, лежащий на западе, который они на своем языке называли как-то вроде «Кронос».

Это слово требует комментария. Оно не может быть британским, так как бритты говорили на так называемой «Р-гаэльской» ветви кельтского языка, где гортанные звуки заменялись губными, в отличие от «Q-гаэльской». Так, например, слово «сын» на Q-гаэльском (современный шотландский и ирландский языки) — тас, на Р-гаэльском (современный уэльский и бретонский языки) — ар, первоначально шар. Таким образом, слово *sgonopos* звучало бы на древнебританском языке как-то вроде *gronopos*.

Профессор Калифорнийского университета Артур Хутсон высказал мнение, что наиболее вероятным источником этого названия было бы слово *Cruidhne* — древнее ирландское название острова Британия — и что эта ассоциация с островом, находящимся на западе (Ирландия), привела к неправильному толкованию его как названия западного острова. Если бы это было так, то первоначальной Гренландией была бы сама Британия.

Это представление об острове, называемом «Кронос», хорошо сочеталось бы с традиционными религиозными греко-римскими концепциями, состоящими в том, что Кронос, развенчанный отец Зевса, лежит, скованный вечным сном, где-то на одном из западных островов. Вероятно, авторитета Плутарха, процитировавшего Деметриуса, было достаточно, чтобы обогатить римскую географию островом *Cronia* в Атлантике.

Заключительная часть теории состоит в том, что ученые раннего средневековья, владевшие языком тевтонов, заменили тевтонский суффикс латинским и изменили начальную букву, подставив вместо «с» более свойственную их гортанному языку букву «g»; получилось Cro-nia — Cronland — Gronland. То, что эта новая форма слова означала на их языке Green Land (Зеленая земля), было чистым совпадением, и постепенно представление о том, что где-то в Атлантике есть остров, называемый Гренландией, вошло в традицию. А когда Эрик Рыжий открыл новую землю, он просто предположил, что это и есть Гренландия, о которой он уже слышал, поэтому он так ее и назвал.

Существуют данные о том, что скандинавы, жившие в Исландии, знали о существовании Гренландии до 982 года, но только в 982 году Эрик Рыжий предпринял первые серьезные исследования этой страны. Будучи еще молодым человеком, Эрик отправился со своим отцом из Норвегии в Исландию, страну, которая в то время считалась перспективной. Но когда они прибыли туда, оказалось, что вся плодородная земля разобрана, а во главе общества стоят старые поселенцы, которые косо смотрят на вновь прибывших. Отец Эрика вскоре умер, а самому Эрику в конце концов удалось получить участок земли, но соседи его не признавали. Образ жизни исландцев того времени был грубым и жестоким, а лучшим другом каждого из них был их собственный меч. Дважды Эрик зарубал человека в поединке. В обоих случаях это, видимо, была самозащита, но у него не было влиятельных друзей, и оба раза его приговаривали к изгнанию: в первый раз на один год, во второй — на три.

Когда произошел второй инцидент, все богатство его составлял корабль и верные слуги, и он решил отплыть на запад, чтобы исследовать острова, находящиеся в этом направлении, возможно «шхеры Гунбьерна», теперь уже несуществующие. Усилия его не пропали даром. Он открыл обширный остров Гренландию и создал на нем колонию. Когда три года изгнания прошли, он вернулся в Исландию для вербовки новых колонистов.

Еще более столетия сведения о Гренландии передавались из уст в уста, найдя свое отражение в исландских сагах. Первое письменное свидетельство об этом острове,

которое распространилось в кругах европейских географов, относится приблизительно к 1070 году.

В это время немецкий священник, известный под именем Адама из Бремена, закончил свой труд «История Гамбургской епархии». Этот заголовок покажется неинтересным, если не принять во внимание того обстоятельства, что в те времена в Гамбургскую епархию включалась вся Скандинавия и все заморские страны, колонизированные Скандинавией, и что эта книга — ценный источник сведений о жизни древних скандинавов и об их исследованиях. Адам имел беседы с королем Дании Свейном II по поводу этих районов, и его упоминания о Гренландии и Винландии — первые достоверные сведения об Америке во всей европейской литературе*.

О Гренландии он сказал: «...на севере океан течет мимо Оркнейских островов, потом бесконечно далеко по земному кругу, оставляя слева Ибернию [теперь называемую Ирландией], родину скóтов, справа норвежские шхеры, а дальше острова Исландию и Гренландию».

И ниже, в другом абзаце: «...кроме того, есть много других островов в далеком океане, из которых Гренландия не самый маленький; он расположен дальше, напротив Шведских, или Рифейских, гор. Расстояние до него таково, что путь на корабле от Норвегии до этого острова продолжается, как говорят, от пяти до семи дней, столько же, сколько и до Исландии. Люди, живущие там, синевато-зеленые от соленой воды, и потому эти места получили название «Гренландия». Уклад их жизни тот же, что у исландцев, но они дикари и совершают пиратские набеги на мореплавателей. Сообщают, что недавно до них дошло христианство».

Здесь перед нами изрядная путаница, которой суждено было оставить свой след в картографии. В первой из приведенных цитат Гренландии определенно отводится место где-то далеко в океане, тогда как во второй ее, так или иначе, связывают со Шведскими горами («Рифейские горы» — сами по себе мифические, о них речь пойдет в главе 11). В средневековой географии положение

* В первом упоминании об Америке говорится об «острове в том океане, посещаемом многими, который называется Винландией из-за того, что там растет дикий виноград, который дает лучшее в мире вино. Там также в изобилии растут дикие злаки, и мы знаем, что это не выдумки, так как датчане подтверждают это в своих сообщениях».

«напротив» чего-либо означало «на той же широте», значит, Адам Бременский правильно рассказал о том, что тогда было известно о Гренландии. Но такая свободная терминология была серьезным источником недоразумений, и, очевидно, именно эти два несовместимых утверждения Адама Бременского привели в период позднего средневековья к мысли, что Гренландия — это полуостров Европы или район, связанный с Европой длинным мостом суши.

Мне сообщили, что в библиотеке Флоренции существует, или, во всяком случае, существовала до разрушительного наводнения 1966 года, карта, датированная 1417 годом, на которой Groinlandia изображена на почти правильном месте и связана с Европой. Но у меня не было возможности увидеть эту карту или получить ее копию. Если она существует, то это самая ранняя из известных карт с изображением Гренландии.

Насколько мне удалось проследить картографические источники, самое раннее изображение Гренландии на карте появилось через десять лет после упомянутой выше флорентийской карты. Оно выполнено датским картографом Клавдием Шварцем, по неясной причине больше известным в истории под именем Клавдия Клавуса. Очевидно, на него оказал влияние Адам Бременский, но вряд ли подлежит сомнению, что у него были и другие, более современные источники информации. На первой карте Клавуса 1427 года изображен только восточный берег Гренландии. Местоположение его правильно, и рисунок береговой линии поразительно точен; но его Гренландия — это западный конец длинного, закругленного в виде петли моста суши, который простирается далеко на север от Исландии и соединяется с берегами Северной Европы к востоку от Белого моря. Это неверное представление о Гренландии в дальнейшем нашло свое отражение на многих более поздних картах.

Клавус большую часть своей сознательной жизни прожил в Италии и оказал большое влияние на картографов Средиземноморья. Он создал в 1467 году еще одну карту, на которой были показаны оба берега Гренландии. Эта карта поразительно точно воспроизводит местоположение Гренландии и ее форму, но связь Гренландии с северным побережьем Европы все еще сохраняется.

Попытка Клавуса примирить противоречивые свидетельства Адама Бременского была принята не всеми. На знаменитой «карте Винландии» примерно 1440 года, открытие которой в 1965 году произвело сенсацию, показана правильно размещенная Гренландия, с правильными очертаниями, правда, довольно маленькая и не связанная с Европой. Однако некоторые ученые считают это издание более поздним. Еще раньше, года через три после появления первой карты Клавуса в 1427 году, один из представителей французского духовенства, Джилومه де Филастре, выпустил в свет новое издание Птолемея, в котором он доказывал, основываясь только на названиях, что Гренландия должна находиться к югу от Исландии, «несмотря на то, что Клавус описал эти северные районы и составил их карту, на которой они показаны соединенными с Европой».

Трудно красноречивее проиллюстрировать все перемещения Гренландии на карте до периода серьезных путешествий с целью ее исследования, чем посредством описания различных ее конфигураций на картах XV столетия.

Генуэзская карта 1447 года вслед за Клавдием Клавусом изображает Гренландию, соединенную с Европой.

Карта Фра-Мауро 1459 года (первая европейская карта, на которой показана Япония и весьма точно изображены очертания Африки) изображает Гренландию в виде вытянутого к западу мыса северной Скандинавии.

Карта, приложенная к изданию Птолемея 1467 года, повторяет Клавуса, но это, видимо, первая из карт, созданных под его влиянием, на которой показана Гренландия, не связанная с Европой.

Каталонская карта приблизительно 1480 года (упоминавшаяся уже в главе 4) с изображением удлинённой *Illa Verde* (буквальный перевод: «Зеленая земля») на широте Ирландии, связанной с островом Бразил.

Карта Николая Дониса 1482 года приблизительно правильно показывает Гренландию, не связанную с Европой, но рядом с ней изображен другой остров под названием *Engronelant*. Эта путаница двух названий, относящихся к одному и тому же острову, еще будет повторяться в дальнейшем.

Анонимная карта примерно того же времени изображает *Gronland* почти на правильном месте, но дублирует

ее другим островом, Engroneland, к северу от Норвегии, а еще севернее помещает Pillappelanth (Лапландию) — «последнюю из обитаемых земель».

На глобусе Мартина Бехайма 1492 года Гренландия вновь представлена в виде арктического полуострова к северу от Норвегии.

На карте Иоганна Руйша около 1495 года маленькая земля Gruenlant помещена к западу-юго-западу от Исландии.

Хуан де ла Коса на своей карте 1500 года представил Гренландию в виде скопления маленьких островков к северу от Исландии.

В этом хаосе невозможно представить себе никакой системы. Дело в том, что географы XV столетия, очевидно, просто не знали, где находится Гренландия и что это такое; источники информации, которыми они пользовались, были путанными и противоречивыми, и все зависело от того, каким из них предпочел воспользоваться тот или иной картограф. Норманнская колония в Гренландии прекратила свое существование к середине столетия; последняя запись, свидетельствующая о контакте с ней, содержится в одном из папских посланий 1418 года, из которого видно, что церковные службы там все еще производились. Если учесть возможные способы коммуникации того времени, будет не удивительно, что в кругах главных географов Средиземноморья Гренландия за пятьдесят лет отсутствия всякого контакта могла превратиться в почти забытое «ничто» на краю совершеннейшего «ничто».

Но хотя Гренландия ушла из-под контроля, она не была забыта. По меньшей мере два папы, Николай V в 1448 году и Александр VI в 1492 году, выражали свою озабоченность по поводу этого самого дальнего форпоста христианского мира*. Путешествия для повторного открытия этой страны были неизбежны, и было ясно, что инициатором их будет Датско-Норвежское королевство, откуда вышли первые гренландские поселенцы.

* Николай V назвал Гренландию «островом к северу от Норвегии», а Яльмар Холанд предположил, что отсюда пошло ошибочное представление о том, что Гренландия соединена с Европой. Я не могу с этим согласиться. На мой взгляд, источником ошибки является карта Клавуса 1427 года, опередившая письмо папы лет на двадцать, а на карту в свою очередь оказал влияние Адам из Бремена.

Первое из этих путешествий, о котором есть лишь смутные письменные свидетельства, является наиболее туманным из всех путешествий, когда-либо проделанных с целью исследования; оно известно лишь по скудным ссылкам, появлявшимся то тут то там через много лет после самого события, главным образом на картах XVI столетия. Точно не известно, состоялось ли это путешествие в 1472 или 1476 году, и неясно, кто его возглавлял. Современные историки считают, что этими людьми были Дидрик Пининг и Ханс Потхорст, два известных норвежских капитана, но большинство древних карт приписывает руководство этим плаванием некоему Иоанну Скольвусу, который, по мнению датского географа Корнелиса Витфлита, был поляком. В Португалии в это время был самый разгар великой эры открытий, когда был найден путь в Индию вокруг южной оконечности Африки, но португальцы не теряли интереса и к северным путям. Генрих Мореплаватель проводил политику развития добрых отношений с датчанами для того, чтобы воспользоваться их большим опытом плавания в северных морях, и, возможно, что экспедиция 70-х годов XV столетия в значительной мере стимулирована португальцами. Немало датчан участвовало в португальских исследованиях африканских берегов, взамен этого в арктическом плавании 1470-х годов принимали участие два португальца: Жуан Ваш Кортириал и Альвару Мартинш Омен.

Куда именно направлялась эта экспедиция, осталось неясным. Нет сомнений в том, что она посетила Гренландию; весьма вероятно, что она прошла дальше, оставившись в других районах арктической Америки. Фризий на своем глобусе 1537 года к северу от залива Святого Лаврентия помещает землю народа кви (Quij) и приписывает ее открытие Иоанну Скольвусу. Предполагают, что это название является одним из вариантов названия индейского племени кри, которое в те времена, по видимому, обитало значительно восточнее, чем в настоящее время.

По возвращении Кортириала в Португалию король Афонсу I удовлетворил его просьбу и пожаловал ему дарственную на земли, которые он открыл. Но никаких дальнейших шагов по освоению этих земель Кортириал не предпринимал. Годы его становились преклонными, и он предпочел пост губернатора на Азорских островах,

требовавший меньшего напряжения сил. Там он встретил одаренного богатым воображением молодого немецкого географа из Богемии, известного под именем Мартина Бехайма (Мартин из Богемии), который женился на родственнице его супруги и многому у него научился. На своем знаменитом глобусе 1492 года Бехайм не избегает ошибки предшественников и изображает Гренландию в виде полуострова арктической Европы, но к западу от нее он помещает несколько островов, поразительно похожих на острова, обрамляющие устье залива Святого Лаврентия.

В 1493 году некий Монетарий из Нюрнберга, друг Бехайма, написал королю Португалии Жуану письмо, в котором он упомянул о том, что «несколько лет назад» экспедиция, посланная московским князем, открыла Гренландию и что в Гренландии все еще находится значительная русская колония. Это сообщение может относиться только к Шпицбергену, которого русские, очевидно, достигли еще в 1435 году и где они основали колонию вблизи современного залива Бельсунн. Позднее Шпицберген появится вновь в связи с запутанной историей Гренландии, чтобы запутать ее еще больше.

Дарственная на открытые земли, пожалованная Кортириалу, осталась достоянием его семьи, и, когда испанцы начали исследовать и эксплуатировать Вест-Индию и прилегающие к ней области, сыновья Кортириала обратились к королю с просьбой что-нибудь предпринять, пока не поздно, для сохранения целостности португальских владений в Новом Свете. В соответствии со знаменитой демаркационной линией, проведенной папой Александром VI в 1493 году, весь открытый мир был поделен между Испанией и Португалией*, и Гренландия явно попадала в испанский сектор. Даже пересмотр этой линии год спустя в Тордесильясе фактически не изменил положения: все обитаемые перспективные участки были переданы Испании. Но в то время этот договор не был реализован. И к тому же, поскольку определение долготы было в те времена процедурой очень ненадежной, могла воз-

* Согласно этой линии, которая была проведена от Северного до Южного полюса через Атлантический океан на расстоянии, равном примерно двум тысячам километров от островов Зеленого Мыса, все открытия к западу от нее принадлежали испанцам, а к востоку — португальцам. — *Прим. ред.*

никнуть спорная ситуация в отношении помещения Гренландии к востоку от этой линии.

Трое сыновей Кортириала истратили все состояние семьи на поиски земли, которую посетил их отец. В 1500 году младший сын, Гашпар, возглавил путешествие, которое оказалось неудачным; затем в 1501 году еще одно, стоившее ему жизни. Но на этот раз два из его кораблей возвратились с известием о повторном открытии Гренландии и о «Земле Лабрадор». Вот почему этот северный район Америки носит португальское название.

Гашпару Кортириалу необходимо отдать должное за его подлинное второе открытие Гренландии. Его старший брат, Мигель, в 1502 году отправился в плавание, для того чтобы войти в фактическое владение этими землями, но тоже пропал без вести.

Открытие Кортириала сразу же повлекло за собой географические последствия. С карт была немедленно устранена прежняя предполагаемая Гренландия к северу от Норвегии, ее возвратили на старое место, и она заняла правильное положение в западной Атлантике. На карте Кантино 1502 года она помещена на восточной (португальской) стороне демаркационной линии и показана слишком маленькой и слишком далеко на юг, но эта карта по крайней мере отражала реальные для того времени представления о Гренландии.

Дальнейшая история «странствующей» Гренландии относится главным образом к области картографии, поэтому мы кратко перечислим экспедиции, которые ее разыскивали. Главным результатом путешествия Кортириала было то, что Гренландию отняли у датчан и передали португальцам, но португальцы не довели дело до конца, и Гренландия осталась без хозяина. Король Дании Кристиан II проектировал путешествие в Гренландию в 1513 году, но обстоятельства помешали ему осуществить свой план; то же самое произошло и в 1522 году, когда король Фредерик I планировал подобное же путешествие. В 1578 году Фредерик II наконец послал экспедицию под командованием некоего Магнуса Хеннингсена, который видел берег Гренландии, но не высаживался на него. Это было приблизительно в то же время, когда Мартин Фробишер (о чем упоминалось в главе 3) высадился в южной Гренландии, принял ее за Фрисландию и завладел ею, как Западной Англией.

С этого времени Гренландия стала территорией, довольно хорошо известной во всем мире. Различные английские экспедиции в поисках Северо-западного прохода изучили ее берега по крайней мере до 75° северной широты. В начале XVII столетия датчане несколько раз выходили в плавание; четыре из этих путешествий вел Джеймс Холл, англичанин, у которого в 1612 году был штурманом на корабле Вильям Баффин. Холл был убит в незначительной стычке с гренландскими эскимосами. На протяжении XVII и XVIII столетий Гренландия была местом охоты на моржей и тюленей, известным китобоям всех национальностей. Но только в 1721 году в результате плавания миссионера Ханса Эгgede права Дании в Гренландии были восстановлены. Эгgede отправился в путешествие с надеждой отыскать остатки потерянной и к тому времени наполовину легендарной скандинавской колонии, чтобы проповедовать там христианство протестантского толка, но, не обнаружив ее, он остался проповедовать среди эскимосов. За этим в 1832 году последовало путешествие Вильгельма Граа, представителя датского флота; во время этого путешествия были обнаружены следы древних скандинавских поселений и подтверждено право на претензии Дании, которое с тех пор продолжало оставаться в силе.

Итак, мы суммировали данные о практических исследованиях. Данные картографии суммировать не так просто.

Гренландия была превращена в часть Европы, а теперь за короткое время ее нужно было представить как часть Азии. Мы уже упоминали о том, что сразу же после открытия Америки Колумбом Южная Америка, которая повсюду стала известна как новая земля, была повсеместно признана таковой, а Северная Америка рассматривалась как весьма вероятное продолжение на восток Старого Света. Эта концепция привела к созданию знаменитой карты Контарини 1506 года. На ней Южная Америка соединена с Азией Панамским перешейком; нет никакого Североамериканского континента, а на тех широтах, где он должен находиться, торчит, как деформированный большой палец, огромный вытянутый полуостров. Названия его крайних точек на востоке идентичны названиям, которые дал Кортириал открытым им землям — Гренландия и Лабрадор.

Но странно другое. Смещения и отделения Гренландии обычно влекли за собой одну из двух ошибок: дублирование или восстановление моста суши.

Дублирование легко объяснить. После того как Гренландия была открыта Кортириалом и вновь заняла место на карте не как романтический объект, в существование которого просто верили, а как всем известная реальность, в среде картографов стало общепринятым переводить название «Гренландия» на языки, на которых они работали, словами *Green Land* (Зеленая земля), как бы это ни было написано (*Groenland, Gronland, Engroenland* или как-нибудь иначе). Таким образом, почти незнакомый Зеленый остров попал на карту под этим названием (на множестве языков) и в результате этого быстро отмежевался от Гренландии.

Карта Коппо 1528 года изображает *Isola Verde* (Зеленый остров) почти на правильном месте. Но по мере того, как Гренландия становилась все более известной, а ее скандинавское название все более стереотипным, картографы стали делать ошибку, предполагая, что за двумя дублирующими друг друга названиями скрываются два острова.

Вряд ли имеет смысл перечислять здесь все карты того времени. На протяжении XVI и почти всего XVII столетий на картах, показывающих подлинную Гренландию, изображается также и Зеленый остров (*Isla Verde* или *Insula Viridis*) где-нибудь в американских водах, обычно в Северной Атлантике, — несомненное доказательство того, что название «Зеленый остров» связывали с этим районом.

Но не все Зеленые острова — результат этой ошибки. В 1503 году Родриго Бастидас плыл из Севильи в Вест-Индию и открыл небольшой остров неподалеку от Гваделупы, который он назвал *Isla Verde*, и он есть на карте Педро Мάρтира 1511 года. Очевидно, в этом случае название ассоциировалось с растительностью острова и не имело никакого отношения к Гренландии.

Воображаемому североатлантическому Зеленому острову суждена была долгая жизнь, но в ходе событий появился еще один уменьшенный двойник Гренландии. В конце XVI столетия на картах начинает появляться Гренландия, сопровождаемая с западной стороны значительно меньшим островом под названием Грокланд.

Из того, что этот остров постоянно помещали к западу от Гренландии, по-видимому, можно сделать вывод, что остров Баффинова Земля был известен уже давно.

Название Groeland, несомненно, произошло от принятого в древности написания слова Greenland как Groeland с тильдой, то есть в результате того же сокращения, которое, видимо, ввело в заблуждение Николо Дзено, прочитавшего имя Sinclair (Синклер) как Zichmni, о чем уже упоминалось в третьей главе. Нетрудно себе представить, что тильду могли не заметить, а «е» прочесть как «с». К тому же в это время было принято помещать на карте столько островов, сколько имелось названий.

Но я не могу сказать, что намного опередил предшествовавших исследователей в вопросе о том, кто из картографов первый ошибочно поместил остров Грокланд на своей карте и что именно стало причиной исчезновения с карт этого острова. Самая ранняя из известных мне карт, на которой фигурирует Грокланд, — это карта Меркатора 1569 года, самая поздняя — карта Матиаса Куадуса 1608 года. На карте Гесселя Геррица 1612 года, посвященной открытиям Генри Гудзона, достаточно хорошо показана Гренландия, а к западу от нее видна еще земля, но Грокланда на ней нет. В сущности, Грокланд сравнительно недолго продержался на картах, но, поскольку он появился в тот момент, когда работали великие классики древней картографии, и был включен в изготавливавшиеся ими карты, он приобрел большую известность, чем того заслуживал.

Любопытны некоторые курьезы этого времени. Ортелий в 1571 году уменьшил могучую Гренландию до крошечной закорючки, которая на западе затмевалась мифическим островом Эстотиландия, а Грокланд он поместил дальше к северу, непосредственно под воображаемым Неведомым Северным континентом (глава 6).

На карте Майкла Лока, опубликованной Хаклюйтом в 1582 году, показана маленькая Гренландия прямо к северу от мифической Фрисландии. А к западу от нее, приблизительно на месте острова Баффинова Земля, изображена значительно большая территория под названием Jasc. Scolvus Groeland. Такое размещение любопытно. Майкл Лок был человеком очень образованным и совершившим много путешествий. Он живо интересовался географией и, несомненно, был знаком с самыми надежны-

ми источниками того времени. Весьма вероятно, что сведения, послужившие основой для этой карты, он получили из какого-нибудь отчета, в настоящее время утерянного или еще не обнаруженного, в котором упоминалась датская экспедиция 1470-х годов, возглавлявшаяся, как предполагали, независимо от того, кто был ее подлинным начальником, неким Скольвусом, которого обычно называют Иоанн, а не Якоб. Эту карту можно рассматривать как доказательство того, что экспедиция проникла на территорию Северной Америки за пределами Гренландии, но убедительных доказательств, подтверждающих этот факт, не существует.

Между тем оказалось, что некоторые заблуждения свойственны и самим датчанам. В королевской библиотеке Копенгагена хранится карта, выполненная исландцем Сигурдом Стефанссоном в 1590 году и, очевидно, предназначенная для иллюстрации древних открытий, сделанных скандинавами в Америке. Здесь Гренландия имеет почти правильную форму и размеры, но представляет собой большой полуостров Американского континента. Она уже была частью Европы и Азии, а теперь стала частью Северной Америки. Все прочие названия заимствованы из скандинавских саг, посвященных открытию Лейфа Эриксона: Витсерк и Херьюльфснес в Гренландии и южнее, вдоль восточного побережья Северной Америки, Хеллуланд, Маркланд, Промонторий, Винланд и Скрелингланд.

Но еще более интересна карта, созданная в 1605 году Иоханнесом Ресеном, ректором Датского королевского университета. На ней Гренландия изображена также в виде полуострова Северной Америки и повторены все названия, использованные Стефанссоном. Повторены и очертания побережья, но добавлено кое-что из более современных источников. Фрисландия и Эстотиландия обозначены в соответствии с повествованием Дзено (причем Эстотиландия эквивалентна Хеллуланду Стефанссона), а к югу от Винланда есть небольшая бухта, как предполагают, залив Святого Лаврентия, под названием *Portus Jacobi Carterii Anno 1525* (Порт Жака Картье, год 1525 [правильнее 1535]). Самым простым объяснением этого было бы, что Ресен просто скопировал Стефанссона с некоторыми прикрасами. Но среди пометок на полях карты есть запись Ресена, в которой говорится, что этой

карте несколько сот лет. Возможно, что он делал копию с оригинала, относящегося ко времени фактических контактов скандинавов с Северной Америкой. Возможно, что в один прекрасный день будет сделано счастливое открытие, вроде знаменитой «карты Винландии», которое подтвердит это предположение, но в настоящий момент источник заимствования Ресена нам не известен.

В 1596 году датский мореплаватель Виллем Баренц, направляясь на восток в поисках северного морского прохода, увидел берега земли, которую он назвал Шпицберген и принял за часть Гренландии. Сам Баренц не дожидаясь конца путешествия, но члены его экипажа привезли с собой отчет, результатом которого было очередное перемещение Гренландии.

Как уже упоминалось, сообщение об открытии и колонизации Шпицбергена русскими проникло в Европу за сто лет до путешествия Баренца, и тогда считали, что Шпицберген — это Гренландия. Но поскольку в то время повсеместно предполагали, что Гренландия — часть северной Европы, примыкающая к России, то это никак не повлияло на географические концепции.

Начиная с 1520-х годов почти на всех европейских картах Гренландия показана отделенной от Европы. К этому времени не было получено никаких фактических данных, которые подтверждали бы существование моста суши между ними. К тому же хотелось верить в существование открытого моря на севере, так как это допускало в свою очередь возможность существования Северо-восточного или Северо-западного проходов. Карта, приложенная к повествованию Дзено в 1558 году, составляет исключение: она показывает Гренландию в виде сильно удлинненного полуострова Европы. Но вполне вероятно, что Николо Дзено II скопировал эту особенность с очень поврежденной временем карты, которую ему пришлось восстанавливать и которая, несомненно, отражала концепции своей эпохи*. Гренландия, соединенная с Европой, была, насколько мне известно, впервые изображена на кар-

* Для меня это одна из самых убедительных причин, дающих основание считать повествование Дзено подлинным. Если бы Николо II задумал мистификацию (учитывая при этом, что он жил в Венеции, серьезном картографическом центре), он пользовался бы для подтверждения своих сообщений более современными картами, а не оперировал бы уже устаревшими к тому времени географическими концепциями.

те Клавдия Клавуса в 1427 году, но сама идея об этой связи укоренилась, возможно, гораздо раньше, в противном случае он не смог бы нанести Гренландию на карту в таком виде.

Ко времени Баренца в результате арктических путешествий к северу от Европы теория о мосте суши утратила популярность, но возможность того, что Гренландия простирается далеко на восток и что Шпицберген — часть ее территории, еще не была исключена. Если бы эта концепция подтвердилась, то древний мост суши мог бы получить фактическое обоснование.

Пёрчес в своей книге описывает много путешествий в «Гренландию», имея в виду Шпицберген, а также некоторые путешествия в ту Гренландию, которую мы знаем теперь. То есть оба эти района он рассматривает как одну территорию.

Когда стали известны богатые места охоты на моржей и тюленей, а также изобильные места рыбной ловли у Шпицбергена, этот остров превратился в лакомый кусок, на который сразу нашлось много охотников. Сначала право на эту территорию принадлежало голландцам, поскольку они ее открыли и дали ей наименование. Во время английской экспедиции 1613 года часть Шпицбергена была захвачена англичанами и названа «Новая Земля короля Якова», но это название так и не удалось закрепить. Кроме того, некоторые англичане начали высказывать необоснованные утверждения, что архипелаг якобы был фактически открыт в 1553 году, задолго до Баренца, Хью Уиллоуби во время его путешествия в поисках Северо-восточного прохода. Многие упорно настаивали на том, чтобы Шпицберген был переименован в «Землю Уиллоуби», но чаще всего они сами называли его Гренландией.

Соперничество англичан и голландцев, претендовавших на Шпицберген, привело к замысловатому дипломатическому маневрированию, но, когда голландцы постепенно установили эффективный контроль над гаванями, англичане смирились. К 1640-м годам голландцы полностью контролировали воды Шпицбергена и нещадно эксплуатировали их. На побережье были созданы обширные предприятия по засолке рыбы и выработке ворвани и появился известный арктический город Смиренбург, где рабочих обеспечивали жильем и всем необходимым,

где в течение короткого летнего сезона бурлила жизнь, а деньги текли рекой. Затем во время долгой зимы он пустел и в нем оставались лишь немногие, постоянный обслуживающий персонал, подготавливающий все к очередному сезону. А весной суда возвращались.

На картах XVII столетия Шпицберген обычно изображали сдвинутым к западу, в сторону Гренландии. Предполагалось, что они — одно целое, однако к этому времени уже не принято было изображать связывающую их гипотетическую береговую линию.

В главе шестой уже упоминалось о гидрографе Джозефе Моксоне и о его встрече в 1650-е годы с голландским моряком, только что вернувшимся с мест рыбной ловли в «Гренландии» и уверявшим, что он переплыл через Северный полюс; упоминалось также и о том, что «Гренландия» Моксона на самом деле была Шпицбергенем. Теперь читателю понятно, откуда взялась такая ошибка. На карте 1675 года, опубликованной Моксоном, настоящая Гренландия называется Гроенландией, а Шпицберген — Гренландией. Район между ними в сторону Европы едва намечен, но напоминает робкую попытку показать старый, дискредитированный мост суши, что, однако, вряд ли вяжется с отношением Моксона к рассказу голландского моряка, якобы проплывшего мимо «Гренландии» к Северному полюсу. Однако факт остается фактом: надпись «Гренландия» протянулась на карте почти до надписи «Новая Земля».

В основе отождествления Шпицбергена с Гренландией лежало представление о том, что гренландское побережье тянется далеко на восток. На одной из карт этого времени допускается такая же ошибка, но имеющая противоположную направленность: на ней берег Гренландии протянут на запад. На карте Николая Вишера, упоминавшейся в главе шестой, западный берег Гренландии примерно на широте 78° поворачивает к западу, затем минует остров Баффинова Земля и делает петлю к югу, соединяясь с западными берегами Гудзонова залива. Если бы это соответствовало действительности, то никакого Северо-западного прохода не могло бы существовать.

К 1670-м годам прежде богатейшие рыболовные и охотничьи угодья начали истощаться в результате чрезмерной эксплуатации. Голландцы стали посещать воды Шпицбергена все реже и реже, и Шпицберген лишился

хозяина на два с половиной столетия, до тех пор, пока Норвегия в 1925 году не закрепила своих притязаний на этот остров. Но об этом речь пойдет ниже. Тем временем голландский шкипер Виллем де Вламинг в поисках новых мест охоты на тюленей предпринял плавание на север вокруг Шпицбергена. Это плавание явилось доказательством того, что Шпицберген не связан с Гренландией. Вламингу случайно удалось доплыть до широты $88^{\circ}10'$, самой высокой из северных широт, достигнутой кем-либо из европейцев до 1827 года, когда экспедиция Вильяма Парри в поисках Северного полюса достигла широты $82^{\circ}45'$.

К началу XVIII столетия стало ясным различие между Шпицбергеном и Гренландией, и Гренландия, хоть ее берега были еще плохо изучены, заняла приблизительно правильное место на карте. И все же ей предстояло еще несколько перемещений.

Еще продолжал существовать мифический Зеленый остров, который появился в результате дублирования Гренландии и продолжал оставаться на картах в районе Северной Атлантики, обычно в американских водах, на протяжении всего XVIII и почти всего XIX веков. К середине XIX века он уменьшился до столь же мифической Зеленой скалы.

Как уже было сказано, американский исследователь Элиша Кент Кейн достиг северного побережья Гренландии в 1854-году и сообщил о том, что позади Гренландии открытое море. Немецкий географ Август Петерманн был одним из главных сторонников гипотезы об Открытом полярном море, теории, которая в значительной мере базировалась на сообщении Кейна. Но в то же время в противовес этой теории Петерманн в 1860-х годах высказал предположение о том, что все еще не исследованная северная оконечность Гренландии, возможно, простирается к северо-западу, проходит мимо Северного полюса и оканчивается мысом, расположенным прямо к северу от мыса Барроу на Аляске. Гренландия изображалась таким образом только на картах самого Петерманна, но мысль об этом была окончательно отброшена лишь тогда, когда в 1900 году Пири изучил ее северную оконечность и Гренландия предстала в истинном свете.

Гренландия утвердилась на своем месте только в XX веке. Но даже и после этого ее положение уточня-

лось, а старые концепции еще не совсем утратили свою популярность. Шотландский исследователь Рудмос Браун в 1920 году обратил внимание на то, что охотники на тюленей на его родине все еще называют Шпицберген «Гренландией».

Исчезла с карт и «Зеленая скала», но существовала ли она на самом деле, так и осталось загадкой. Уильям Х. Бабкок, знаток мифических островов Атлантики, настолько был не уверен в ее существовании, что даже сделал запрос об этом острове в Гидрографической службе Соединенных Штатов. Работники этой службы ответили, что не верят в ее существование, но упомянули (ссылаясь на некоего капитана Туллока из Нью-Гемпшира) о рассказе Кумбса, шкипера судна «Паллас», вышедшего из Бата в штате Мэн, который сообщал, что будто бы видел Зеленую скалу. По его словам, это была большая скала, покрытая зеленым мхом, которую он при первом взгляде принял за днище перевернутого судна*. Глубина моря в соответствии с проведенными рядом с ней промерами равнялась почти 3 километрам.

Поскольку Атлантика еще не изучена с точностью до одного дюйма, возможно, что существует нечто, сходное по описанию с «Зеленой скалой» и совпадающее с мифическим островом. Но существование его, видимо, так и не доказано.

Наконец, остается упомянуть еще о двух более или менее современных странствиях Гренландии.

В 1194 году во время одного из путешествий где-то к северу от Исландии была открыта земля, которую называли Свальбард. Весьма вероятно, что это была какая-либо часть восточного берега Гренландии или же грозный скалистый остров, ныне называемый Ян-Майен. Но начиная с 1890-х годов, семь столетий спустя после ее открытия, правительство Норвегии официально настаивало на том, что Свальбард — это Шпицберген, и приводило этот довод в качестве основательной причины для предъявления прав на владение этим островом, ссылаясь на то, что первыми его открыли скандинавы. Такое отождествление, мягко выражаясь, весьма сомнительно. Но в 1925 году Лига Наций ратифицировала притязания Нор-

* В рассказе Бабкока не указаны координаты скалы, а также дата сообщения и дата письма Гидрографической службы. Его книга была опубликована в 1922 году.

вегии на Шпицберген, и с этого времени этот арктический архипелаг официально получил название Свальбард, то название, которое, очевидно, впервые было дано части Гренландии.

Пока я писал первый вариант этой главы, я впервые услышал об отчете экспедиции Дэвида Хемфри, посвященной исследованию Гренландии в 1966 году, которая доказала, что на существующих картах Гренландии ее территория увеличена приблизительно на тридцать тысяч квадратных миль. Можно ли считать, что результатом этого новейшего исследования будет стабилизация Гренландии, иначе говоря, что это самое последнее из ее перемещений? Несомненно, время даст ответ на этот вопрос. Но все же представляется, что даже в космическую эпоху романтический период в географии нашей земли еще не завершился.

Возможная судьба Майды

Многих территорий уже нет на карте, так как они физически не существуют, во всяком случае над поверхностью воды. Нет убедительных исторических или географических данных, подтверждающих существование Атлантиды, Лемурии или других «исчезнувших континентов» (что совершенно не означает, что этих территорий не было на самом деле). Но нет сомнения в том, что некоторые острова, участки побережья и по крайней мере один город*, которые были на карте, сейчас находятся на дне моря.

Данное исследование не имеет прямого отношения к подобным случаям. Но необходимо упомянуть о том, что, кроме действительно исчезнувших и действительно легендарных островов, существует еще промежуточная категория. К ней относятся острова, исчезновение которых остается под сомнением. Различие между этими категориями становится понятным, если сравнить судьбу двух островов, находящихся в южной части Тихого океана, а именно Туанаки и Сара Эн.

Туанаки представлял собой группу из трех маленьких островков в архипелаге Кука на расстоянии двухдневного плавания от острова Мангаиа. На них жили полинезийцы, такие же искусные мореплаватели, как и другие их соотечественники на всем Тихом океане. В 1916 году Полинезийское общество в Гонолулу опубликовало сообщение одного моряка, который посетил Туанаки в 1842 году и провел там шесть дней. По его словам, люди

* Порт-Ройал, бывший когда-то столицей Ямайки и известным местом сборищ пиратов, погрузился в море во время землетрясения 1692 года; это единственный в истории достоверный пример затонувшего города.

там были миролюбивыми и дружественными, любили петь и танцевать и ничего не знали о войне. Но спустя два года, в 1844 году, в Туанаки была направлена группа английских миссионеров. Они обследовали весь этот район, но островов так и не нашли.

В промежутке между этими двумя годами острова Туанаки в какой-то момент погрузились в море, или взлетели на воздух, или были каким-то образом уничтожены. А поскольку никто из островитян, бывших опытными моряками, не выжил и не смог сообщить о происшедшем несчастье, катастрофа, должно быть, произошла совершенно внезапно.

Сравним этот случай с судьбой острова Сара Эн, который долго фигурировал на картах на 175° западной долготы, непосредственно к северу от экватора. В 1932 году астрономы заинтересовались этим островом как очень удобным местом для наблюдения за приближающимся полным солнечным затмением. На его поиски были посланы суда американского военно-морского флота, но острова на месте не оказалось. Его убрали с карт, а астрономические наблюдения проводились с близлежащих островов Кантон и Эндербери, которые с тех пор в результате этого международного мероприятия находятся в совместном владении Соединенных Штатов и Великобритании.

Разница ясна. Нет оснований сомневаться в том, что Туанаки существовал и что он прекратил свое существование за такой промежуток времени, который можно приблизительно определить. Данных же, подтверждающих существование острова Сара Эн, нет, как нет и никаких заслуживающих доверия указаний на то, когда и каким образом он попал на карту. На вопрос «Не погрузился ли он в море?» можно дать ответ «Возможно, если он существовал». В главе пятой мы уже рассматривали несколько таких сомнительных случаев.

Все предыдущее было сказано для того, чтобы подвести читателя к рассказу об острове, которого на карте уже нет и который географы до последнего времени считали мифическим. Однако теперь, по-видимому, представляется более правильным полагать, что остров в действительности существовал и, возможно, погрузился в море.

Остров Майда был последним из тех мифических островов, которые когда-то усеивали карты Северной Атлан-

тики. На карте Рэнда Мак-Нолли 1906 года он все еще присутствовал. Можно было бы сказать, что столь длительное пребывание Майды на картах является доказательством его действительного существования, но это неубедительно. Мы уже встречались с мифической скалой Бразил, которая продолжала оставаться на картах по инерции даже после того, как уже никто не верил в существование острова Бразил. То же было и с остатком «странствующей» Гренландии, которая сохранялась на картах под названием «Зеленой скалы» в надежде на то, что еще может обнаружиться что-либо буквально соответствующее этому названию.

Мы познакомились также с известным консерватизмом картографов и их дурным обычаем копировать друг друга. В XVI и XVII веках нередко были случаи, когда какие-либо новые детали появлялись на карте на основе сомнительного сообщения какого-нибудь мореплавателя. К XIX столетию это положение изменилось. Картографы создавали свои карты на основании отчетов официально организованных экспедиций, а не на случайных слухах.

Что касается Майды, то у нас нет ни одного сообщения, в котором утверждалось бы, что кто-нибудь действительно приставал к этому острову. Но есть значительно более убедительный довод в пользу существования этого острова, который в конце концов стал известен как остров Майда: на протяжении веков он не раз подвергался переименованию на картах. Такие переименования могут быть подтверждением подлинности острова, тогда как сохранение названия является, как правило, всего лишь сохранением традиции.

Но если название острова менялось, то как мы можем быть уверены в том, что речь идет об одном и том же острове? Прежде всего по его местоположению. В средние века, так же как и в наше время, старались по возможности размещать острова и другие географические объекты на картах в соответствии с их действительным расположением. Затем — по его форме. Форма этого острова изменялась от стилизованного полумесяца, рожки которого были обращены к северу на средневековых картах, до круга неправильной формы с заметной впадиной с северной стороны на картах начала современного периода.

Поэтому, если мы встретим остров такой формы в Атлантике к западу от южной части Бретани и к юго-западу от Ирландии, мы можем быть уверены, что это Майда, как бы этот остров ни назывался.

Он впервые появился на карте, созданной братьями Пицигано в 1367 году. На ней он значится под названием Бразир, и это название, очевидно, результат ассоциации с островом Бразил. Но это не значит, что эти острова идентичны, так как на этой же карте изображен и остров Бразил, расположенный западнее Ирландии. Здесь явно дублирование, но ни один из имеющихся источников не дает никакого объяснения по этому поводу. Во всяком случае, остров, который позднее превратился в Майду, сначала появился на карте из-за того, что его приняли за остров Бразил, но он был нанесен на карту отдельно и оставался на ней долгое время. На более поздних картах он уже некоторым образом связан с Бразилом.

На карте Пицигано этот остров, очевидно, представляет собой такое место, которого следует избегать. Рядом с ним изображены три бретонских корабля (принадлежность их можно определить по полосатым кормовым флагам — эмблеме порта в Нанте). Один из них терпит страшное бедствие. Он наполовину затоплен, корма погружена в воду каким-то восьминогим морским чудовищем, а над всем этим парит дракон с человеком в зубах. На карте рядом с островом есть надпись, которая, возможно, содержит объяснение происходящего, но ее невозможно прочесть. Она выцвела и помутнела, но можно догадаться, что в ней упоминается о драконе; то же самое можно сказать и о двух других надписях, в которых говорится что-то об арабах.

Вслед за этой картой остров появляется на Каталонской карте 1375 года, где он назван Мэм. Начиная с XIV века и до XVI он обычно назывался Мэм или Мэн. Было высказано предположение, что впервые этот остров был открыт или придуман ирландскими моряками, которые дали ему это имя в честь острова Мэн в Ирландском море, но, очевидно, это предположение ничем нельзя подтвердить. Другие догадки, в равной мере необоснованные, приводят к различным арабским словам. Вопрос о происхождении этого названия интересен, но не является решающим, так как более позднее название острова, Майда, также осталось без объяснения.

Не на всех картах XIV и XV веков встречается название Мэм или Мэн, но другие используемые в то время названия столь же необъяснимы. На карте Пинелли 1384 года это нечто вроде *Jonzele*, что, возможно, должно читаться как *I. Onzele*, учитывая тенденцию средневековых картографов подставлять к началу названия буквы *I* или *Y* (сокращенное обозначение слова «остров»^{*}). На солидной карте Бианко 1448 года ему дано название *Ventusla*. На некоторых картах остров изображен, но без всякого названия. Это могло бы означать, что остров не только реально существовал, но даже был прекрасно известен, по крайней мере в среде мореходов.

Но независимо от названия его стали неизменно связывать с островом Бразил. Последний обозначали к западу от Ирландии, первый почти точно на юг от нее и к западу от полуострова Бретань. Где бы один из них ни появлялся на карте, другой неизменно его сопровождал. На некоторых картах они помещены неподалеку от берега, на других — в далеких просторах Атлантики. На немногих картах 1380-х годов они были расположены очень близко друг от друга, но последующие картографы возвратили их на традиционные места.

Следующий важный поворот в судьбе острова Майда произошел в связи с появлением в 1513 году издания Птолемея, осуществленного Мартином Вальдземюллером. На одной из приложенных к этому изданию карт остров был изображен не в привычной традиционной для него форме полумесяца, а в виде грубо вычерченной окружности с заметным прогибом северной береговой линии и назван *Asmaidas*. Это было первое название, отдаленно походившее на то, каким оно стало впоследствии. Вальдземюллер был очень серьезным, работоспособным и знающим географом. Интересно было бы знать, работал ли он на основе какой-либо современной ему информации или использовал вновь обнаруженные в то время древние источники. К сожалению, у нас уже нет возможности это установить.

На анонимной португальской карте примерно 1520 года острову дано название *Mayd*, а карта Прюна 1553 года, очевидно, была первой, на которой было употреблено сло-

^{*} Оно могло обозначать английское *island*, немецкое *Insel*, французское *île*, итальянское *isola*, испанское *isla*, португальское *ilha*, латинское *insula* или гаэльское *innis*.

во Мауда в написании, ставшем впоследствии стандартным. С начала XVI века картографы, лишь за двумя или тремя исключениями, единодушно называют остров Mauda, Maida, Maidas или другими подобными вариантами этого названия. Однако они не выражают единого мнения по поводу его местонахождения. Одни располагают его близко к Европе, другие передвигают на запад, в ту часть Атлантики, которая находится ближе к Америке.

Это привело некоторых ученых, в частности Уильяма Х. Бабкока, к мысли о том, что остров Майда (независимо от названия) обязан своим появлением на карте тому обстоятельству, что какая-то часть Нового Света была известна еще до Колумба. На старых картах остров помещали поблизости от Европы вследствие недостаточной осведомленности картографов, а как только узнали об Америке, остров был возвращен на свое место. Правда, почти все североатлантические географические мифы были в какой-то мере отражением знаний о доколумбовой Америке и весьма возможно, что в некоторых случаях они соответствовали действительности. Но то, что произошло с островом Майда, как мы сейчас увидим, имеет другое, не менее правдоподобное объяснение.

На карте 1560 года этот остров помещен на широте северной части Ньюфаундленда со странным названием *I man orbolunda*. Возвращение к более старому названию Мэн очевидно, но слово *orbolunda* менее понятно. Видимо, на искаженном латинском языке оно означало «окружность луны». Если это верно, то это может быть намеком на форму полумесяца, в виде которого остров изображался на многих более древних (и, следовательно, традиционных) картах.

Оба величайших картографа XVI века Меркатор и Ортелиус совсем не показали Майду на своих картах. На том месте, где он обычно изображался, к западу от Бретани и к югу от Бразила, они поместили изящный серповидный остров, который называли *Vlaenderen*. Можно легко предположить, что это Фландрия. Такое сопоставление сразу же поднимает несколько интересных вопросов, так как и Меркатор и Ортелиус были фламандцами. Не было ли это переименование просто проявлением их национального тщеславия? Или, может быть, какой-нибудь не вошедший в историю фламандский мореплаватель открыл этот остров или сделал повторное открытие после того,

как укоренилось убеждение о нахождении острова в американских водах, и дал ему название, которое эти картографы подхватили у него и решили увековечить на своих картах? Последнее предположение мало вероятно, так как название Vlaenderen так и не привилось и было использовано только Меркатором и Ортелием, в то время как слово «Майда» благополучно просуществовало на картах еще три последующих столетия.

На протяжении всего XVII и XVIII веков практически на каждой карте Атлантического океана изображали Майду к югу от Исландии и к западу от Бретани. В XIX веке одни картографы следовали этой традиции, другие нет. С течением времени этот остров все чаще и чаще опускали. Рэнд Мак-Нолли в 1906 году поместил его на своей карте, вероятно, по принципу: «Поместим его туда ради спокойствия».

Мы видели, что история Майды была не характерна для мифических и легендарных островов со многих точек зрения: название его все время менялось, характер изображения был постоянным, отсутствовали всякие легендарные и литературные источники, которые объясняли бы либо его название, либо его появление. Мы уже отмечали его неизменную форму в виде полумесяца или окружности со впадиной с одной стороны, постоянно сохранявшуюся на картах. Это само по себе не так уж существенно, в средние века среди картографов было принято стилизовать форму атлантических островов, представляя их в виде окружностей, прямоугольников, листов клевера и тому подобное. И все же у Майды было больше черт, свойственных реальному острову, чем воображаемому. А теперь перейдем к современным документам.

22 августа 1948 года грузовое судно «Америкен саентист», направлявшееся в Лондон из Нового Орлеана, находилось на $46^{\circ}23'$ северной широты и $37^{\circ}20'$ западной долготы, иначе говоря приблизительно под южной оконечностью Гренландии и точно к западу от южной Бретани. На морских картах была указана глубина более четырех километров, но по причинам, известным ему одному, капитан судна отдал приказ проверить глубину гидролокатором и получил результат только 36 метров.

Судно дважды обошло это место; были очень тщательно проверены и зарегистрированы показания гидролока-

тора, и вторая проверка подтвердила полученные данные. На этом месте оказалась не отмеченная на морских картах возвышенность около 28 миль в диаметре, и глубина над ней составляла от 30 до 60 метров. За ее пределами приборы зарегистрировали резкое увеличение глубины до величин, обычных для средней Атлантики.

«Америкен саентист» передал радиogramму о своем открытии. Она была принята другим американским грузовым судном, «Саусленд», которое шло тем же курсом, но с дистанцией в два дня. Когда судно достигло этого места, по приказу капитана были проведены контрольные примеры гидролокатором, результаты которых в основном совпали с измерениями судна «Америкен саентист». «Саусленд» получил показатели глубины 50—60 метров, подтвердил наличие мели под поверхностью океана и обнаружил, что с ее северной стороны есть выемка, которая, возможно, могла бы быть заливом. В этом месте глубина увеличивалась до 160 метров.

Итак, оказывается, к западу от Бретани все же что-то существует, хотя в настоящее время и под водой, и это «что-то», возможно, соответствует острову Майда. Я хочу напомнить, что средневековые мореплаватели прекрасно определяли широту, но определение долготы было для них проблемой. То, что они поместили остров на широту южной Бретани, оказалось вполне правдоподобным, но их попытки вычислить, насколько далеко к западу он находится, были почти бессмысленным делом. Картографы предпочли недооценить расчеты мореплавателей и поместили остров слишком близко к европейскому берегу.

Вряд ли это окажется фантазией, если мы вообразим себе, что этот остров в самом центре Атлантики, 28 миль в поперечнике, необитаемый и пустынный, без всяких ресурсов, возможно даже просто один из огромных выступающих из воды подводных пиков, которые, как известно, существуют в этом районе*, не представляющий ни для кого никакого интереса, но заслуживающий внимание ввиду своей опасности для навигации, был нанесен на карту в соответствии с сообщением какого-либо предприимчивого и смелого средневекового мореплавателя, обна-

* Один из таких пиков все еще находится под водой. Это пик Роколл, расположенный примерно на 58° северной широты и 14° западной долготы в 400 милях к западу от острова Льюис из группы Гебридских островов.

ружившего его во время плавания по неизведанной еще тогда Атлантике. И то, что этот остров мог опуститься в результате вулканической деятельности не до бездонных глубин, но достаточно глубоко, чтобы его не было видно и корабли спокойно могли проходить над ним, тоже не слишком фантастично и достаточно правдоподобно, чтобы этому можно было поверить. Остров Майда, который считают легендарным, вполне мог существовать на самом деле. Просто это могло быть, и все тут.

Три особых случая

Остается коснуться еще трех территорий, в свое время не лишенных значения. Мы рассмотрим их в хронологическом порядке, поскольку они относятся соответственно к временам классической Греции, к эпохе Великих открытий и к прошлому веку.

Рифейские горы

Нет сомнения в том, что легенда о Ясоне известна всем. Все читали о путешествии аргонавтов в поисках золотого руна и о том, как Ясон со своими спутниками достиг земли Колхиды, как с помощью волшебных чар дочери короля Медеи он убил дракона, охранявшего золотое руно, и затем покинул этот берег вместе с золотым руном и девушкой.

Современные ученые полагают, что Ясон — историческая личность, что он действительно путешествовал и что путешествие его было первым путешествием греков в незнакомые воды, оставившим свой след в истории. Нет сомнения в том, что греки считали историю Ясона подлинной и что она прочно завладела их воображением.

Когда именно Ясон жил и совершал свои плавания, осталось загадкой, но было это, безусловно, до Гомера*, ибо в эпизоде со сталкивающимися скалами (которые с грохотом ударялись друг о друга и разбивали в щепы

* Во всяком случае, так считали в VI веке до нашей эры, когда эпос Гомера приобрел ту форму, которую он имеет сейчас.

любой корабль, проходящий между ними) в «Одиссее» упоминается, что только один корабль проплыл между ними и что это был ««Арго», о котором все помнят». Однако Гомер ни словом не обмолвился ни о золотом руне, ни о путешествии Ясона. Поэт Гесиод, живший приблизительно в одно время с Гомером, также не упоминает о золотом руне, но в его произведениях впервые в истории появляется упоминание о Медее.

Поэт VII века до нашей эры Мимнерн из Колофона впервые связал путешествие Ясона с золотым руном и землей Колхидой. Нет смысла цитировать всех малоизвестных греческих поэтов, которые занимались этой легендой и разрабатывали ее. Достаточно сказать, что все три великих драматурга древней Греции — Эсхил, Софокл и Еврипид — написали пьесы, трактующие в том или ином аспекте легенду о Ясоне. В настоящее время наиболее известная из этих пьес «Медея» Еврипида.

Легенда о Ясоне и его спутниках, прославленных героях греческих мифов, повсеместно известная, полная амазонок, гарпий, огнедышащих быков, в том виде, в каком мы ее знаем теперь, впервые появилась примерно во II веке до нашей эры в поэме «Аргонавтика» Аполлония Родосского, филолога, впоследствии возглавившего Александрийскую библиотеку.

Приблизительно через поколение после него другой грек, Аполлодор, создал своеобразный вариант «Аргонавтики» Аполлония в прозе, и миф о Ясоне приобрел свойственные ему очертания на целые столетия.

К этому времени Черное море, традиционное место путешествий Ясона, было хорошо известно грекам. Страну Колхиду они отождествляли с Кавказом, а легенда о золотом руне, по мнению географов, была следствием обычая местного кавказского населения опускать овечьи шкуры в горные потоки и таким образом накапливать в них золото. В тех пределах, в каких история Ясона относилась к реальной географии, греки связывали события с соответствующими местами, но то, что сохранилось от Аполлония и после него, — чистейшая поэтическая фантазия.

Согласно, например, поэме Аполлония, обратный путь корабля «Арго» был следующий: из Черного моря через несуществующий канал, по которому аргонавты добра-

лись через Балканский полуостров в Адриатику, вверх по реке По в другой канал, чтобы доплыть (через Альпы!) до озера Гауля («поразительных размеров»), вниз по Роне и вокруг Италии на юг, в Африку, на запад, к Гесперидам, затем снова на восток, на Крит, и, наконец, обратно в Грецию.

Эта фантастическая мешанина не имеет ничего общего с действительной географией. Ученые тех времен, а Аполлоний, глава Александрийской библиотеки, несомненно, был ученым, знали известный в то время мир достаточно хорошо. Они, конечно, знали, что нет никаких проходимых каналов, пересекающих Балканский и Апеннинский полуострова, но ради создания увлекательной истории позволяли себе допускать любые искажения.

Спустя несколько веков эти греческие фантазии переплелись с римскими поэтическими произведениями, и на этом фоне в IV веке нашей эры была создана еще более неправдоподобная «Аргонавтика», еще один вариант истории Ясона. Вместо того чтобы изобразить пролив, ведущий из Черного моря на восток по хорошо знакомому Балканскому полуострову, автор повернул его на север через современную Россию — территорию, мало известную римлянам. После десятидневного путешествия на север по этому каналу Ясон со своим экипажем вышел в море Крона, под которым, очевидно, подразумевается какое-то море к северу от Европы, а затем на обратном пути в Грецию обогнул Ирландию. И во время этого путешествия перед выходом из пролива в море Ясон встретил на своем пути Рифейские горы.

Если принимать этот рассказ всерьез, а в средние века к нему так и отнеслись, то можно было бы сказать, что Рифейские горы находятся где-то в Северной Европе. Мы уже упоминали в девятой главе об Адаме из Бремена, который поместил Гренландию «напротив Шведских, или Рифейских, гор». По-видимому, в начале средних веков горы Скандинавии отождествляли с легендарными Рифейскими горами. Но с течением времени, когда ганзейские купцы ближе познакомили мир с Норвегией и Швецией, и оказалось, что нет в этих странах гор с таким названием, географы начали отодвигать их дальше на восток, в незнакомый холодный северный район, населенный в те времена лишь несколькими племенами

кочевников, а теперь являющийся северной территорией России.

Климент Адамс, который в 1553 году писал о самых ранних контактах Англии с полулегендарной страной «Московией», говорил по этому поводу следующее:

«Что же касается Рифейских гор, на которых постоянно лежит снег и откуда, как думали в минувшие времена, течет река Танаис (Дон) и можно увидеть другие чудеса природы, изобретенные греками в древности, можно сказать следующее: наши люди, которые недавно вернулись оттуда, не видели их и не привезли с собой никаких рассказов о них, хотя и оставались там на протяжении трех месяцев и за это время приобрели некоторые знания языка Московии».

Дальше Адамс описывает северные районы России по рассказам вернувшихся оттуда англичан. Он рисует картину равнинной местности с разбросанными кое-где холмами, и это полностью соответствует действительному рельефу этих районов.

Возникает вопрос: не могла ли мысль о Рифейских горах быть навеяна каким-либо более ранним сообщением об Урале? На него нужно ответить: вероятнее всего, нет. Правда, смутные сведения об Урале, имевшиеся в средние века, возможно, помогли сохранить веру в существование Рифейских гор. Но греко-римский автор «Аргонавтики», даже если предположить, что он что-нибудь знал об Урале, совершенно не интересовался географией. У него было единственное намерение перенести путешествия Ясона в достаточно незнакомый район для того, чтобы им можно было воспользоваться как местом для развертывания фантастических событий.

Рифейские горы — это пример географического мифа, родившегося из литературного каприза. Первоначальные контакты англичан с Россией осуществлялись главным образом через северное побережье, где, как предполагали в то время, находились эти горы, и англичане, сообщавшие о своих путешествиях, способствовали развенчанию мифа о них. Но тем не менее некоторые консервативные картографы, копируя друг друга, продолжали изображать Рифейские горы на картах вплоть до начала 1700-х годов.

Когда я сижу в своем коттедже под деревьями и пишу эти строки при свете яркого калифорнийского солнца, мне кажется, что нет на свете места менее мифического, чем Калифорния. А между тем когда-то давно существовал миф о том, что Калифорния — остров, а еще раньше Калифорнию считали даже мифическим островом.

Для начала нам придется вернуться примерно на девять столетий назад в те далекие времена, когда была сложена «Песнь о Ролланде».

Именно в ней появилось мимолетное упоминание о воображаемой стране Califerne по ту сторону Индии, где можно встретить амазонок и грифонов. Название Califerne, вероятно, выдуманное; если предположить, что это слово латинского происхождения, то оно означало бы «горячая печь», и смысл его не совсем ясен. Однако «Песнь о Ролланде», очевидно, не давала достаточных оснований для серьезной веры в существование такой страны.

Название ее вновь мелькает, тоже в беллетристике, в «Деяниях Эспландавана» — напыщенном романе неизвестного автора о рыцарях и прекрасных дамах, опубликованном в Испании около 1497 года. Название «Калифорния» в этой книге впервые принимает современный вид. Калифорния здесь находится «по правую руку» (на востоке) от Индии и снова представлена как место обитания грифонов и амазонок, только на этот раз амазонки черные.

Этот глупый роман пользовался большим успехом в Испании, и благодаря ему слово «Калифорния» стало, очевидно, общеизвестным. В 1532 году Кортес отправил экспедицию, которая пересекла Мексику, достигла побережья Тихого океана и обнаружила длинный пустынный полуостров, лежащий дальше на запад. Почему его называли Калифорнией, неизвестно. Возможно, это была своего рода шутка, но источник ее ясен. Во всяком случае, название прилипло, и, по мере того как испанцы продвигались по западному побережью Америки все дальше на север, оно двигалось вместе с ними.

Но история легенды о Калифорнии на этом еще не закончилась. Приблизительно около 1550 года португаль-

ский писатель Васко де Лобейра воспользовался старыми литературными источниками и поместил грифонов и черных амазонок на «остров Калифорния». Во времена Лобейры Калифорнию совершенно правильно изображали на картах как полуостров на западе Североамериканского континента. И в таком виде она просуществовала на карте на протяжении XVI столетия. Затем что-то произошло.

Разрешите мне процитировать выдержку из «Системы географии» Германа Молля 1709 года:

«Калифорния, или Новый Альбион, находится в южном море за Нью-Мексико. Долго сомневались, остров это или полуостров, но наконец испанцы обошли его на корабле и составили карту острова, на которой он простирается от 24 до 36° северной широты, протягиваясь с северо-запада на юго-восток; длина его около 500 лиг, ширина почти 150; с севера на юг он суживается и продолжает сужаться все время до самого конца. Пролив, который отделяет его от континента, на всем протяжении составляет в ширину 30, 40 или 50 лиг, а во многих местах даже больше. Но повсюду в нем есть мели и много разбросанных там и сям островков, что делает проход очень опасным и наряду со свирепым холодом в его северной части мешает уже на протяжении многих лет его полному изучению; ибо открытия показали, что в Америке на 50° северной широты холоднее, чем в Европе на 60°, и дальше, в той же пропорции. Весь остров густо заселен индейскими племенами, которые либо ходят обнаженными, либо едва прикрываются рогожами или шкурами. Их образ жизни и языческая религия такие же, как и у других североамериканских индейцев, но, говоря по правде, этот остров никогда не был исследован, к тому же никто не жил на этом побережье настолько долго, чтобы многое о нем узнать. До сего дня испанцы не осуществили ни одного завоевания, о котором мы хоть что-нибудь слышали бы... Очевидно, остров не заслуживает их хлопот, хотя он и большой... Вот и все, что следует сказать о Калифорнии, пока ее не изучат лучше, и об островках, окружающих ее. Достаточно о них просто упомянуть, так как в них нет ничего достопримечательного».

Даже и в настоящее время сказанное Моллем в этом описании остается справедливым: то, что калифорнийцы

стремятся носить не больше одежды, чем это необходимо; то, что их образ жизни и предрассудки такие же, как у остальных жителей Северной Америки; что те, кто долго не прожил на этих берегах, вряд ли много знают о Калифорнии и что в противоположность общепринятому мнению в северной Калифорнии бывает неприятно холодно. Что же касается замечания о том, что в прибрежных островках «нет ничего достопримечательного», это, очевидно, уже не соответствует истине. Но если говорить серьезно и именно о полуострове Калифорния, который имел в виду Молль, то вряд ли его бесплодная территория заслуживает внимания. Верно также и то, что прошло еще пятьдесят лет прежде, чем испанцы начали проявлять серьезный интерес не к одним только прибрежным районам Калифорнии.

Но Калифорния не остров и никогда не была островом. Ее характеристика, написанная Моллем, была выбрана мной из-за живости повествования, однако в любой книге по географии периода примерно 1630—1710 годов написано приблизительно то же самое и на любой карте этого времени «остров Калифорния» представлен в виде огромного чудовища, распростертого у западного берега Северной Америки от тропика Рака до приблизительно 45° северной широты. И все же на более древних картах, как я уже говорил, Калифорния показана в виде полуострова.

Это недоразумение было следствием сообщения Себастьяна Вискайно о его путешествии 1602—1603 годов. Он упомянул о том, что вошел в Калифорнийский залив, исследовал его и затем вышел из него, но не сказал, что вернулся обратно тем же путем, каким и вошел. Какой-то неизвестный, вероятно испанский, картограф сделал из этого вывод, что Вискайно не менял курса и вышел с северной стороны залива и что, следовательно, Калифорния — остров. Первая из известных нам карт с обозначением Калифорнии — это карта, опубликованная Генри Бриггсом в 1625 году. Он указывал, что источником информации для него послужила более старая испанская карта, захваченная голландцами, которая в настоящее время утеряна.

Австрийский монах Франц Кун, больше известный под именем падре Кино, отклонил идею о том, что Калифорния — остров. Будучи миссионером в районе сов-

ременной северной Соноры и южной Аризоны, он пересек страну вдоль и поперек и установил с определенностью, исключавшей всякие сомнения, что никакого пролива, отделяющего Калифорнию от материка, не существует. Но его изыскания стали известны в Европе только после его смерти в 1711 году, и, несмотря на это, из-за консерватизма картографов остров Калифорния продолжал оставаться на картах еще несколько лет. К 1720-м годам Калифорнию снова правильно нанесли на карты.

Земля Крокера

В 1818 году командир королевского флота Джон Росс возглавил арктическую экспедицию, отправлявшуюся на запад от Гренландии в поисках Северо-западного прохода. К числу конкретных результатов его путешествия относятся повторное открытие и исследование восточного побережья острова Баффинова Земля и присвоение ему имени первооткрывателя капитана Вильяма Баффина, который полностью обследовал его берега в 1616 году.

К северу от этого острова Баффин нашел открытый пролив, который он назвал проливом Ланкастера. Росс подтвердил его открытие, и это название стало на картах официальным. Пролив Ланкастера казался весьма многообещающим каналом, указывающим путь к Северо-западному проходу, и Росс пытался пробиться этим путем на запад, но его старания продолжались всего лишь один день. Позднее, находясь уже в Лондоне, Росс сообщил, что пролив Ланкастера не может служить водным путем для прохождения мимо острова, так как с западной стороны он замкнут полосой земли, связывающей остров Баффинова Земля с островом Девон, расположенным севернее. Особенностью этой только что открытой земли была внушительная цепь гор, которые он назвал горами Крокера в честь одного из сотрудников Адмиралтейства.

Трудно было усомниться в сообщении такого опытного и бывалого офицера, каким был Джон Росс. Загвоздка заключалась только в том, что ни один из членов экспедиции, кроме него самого, не мог разглядеть этих гор, и они все как один отрицали их существование. Все в один

голос утверждали, что впереди была чистая вода, что путь был свободен и что они чувствовали себя на пороге открытия и жаждали продолжать путешествие. Они обвиняли Росса в том, что у него сдали нервы и что он выдумал неубедительный предлог для того, чтобы повернуть обратно.

Росса слишком уважали в официальных кругах Англии, чтобы поверить такому обвинению, и был сделан вывод, что он стал жертвой какого-то оптического обмана. Но слухи о случившемся быстро разнеслись по Лондону. Они порочили Адмиралтейство, и поэтому в 1819 году для выяснения истинного положения дел была организована еще одна экспедиция. Поскольку зрению Росса доверять было нельзя, на этот раз экспедицию возглавил Вильям Парри, который за год до этого был первым помощником Росса.

Парри прошел тем же курсом, что и Росс, направляясь к тому месту, где Росс увидел горы Крокера. Позднее Парри рассказывал, что, когда они приближались к этому месту, напряжение всех участников экспедиции достигло предела. Вся команда столпилась в местах, наиболее выгодных для обозрения. Наконец Парри проверил долготу и обнаружил, что он прошел дальше на запад, чем Росс. Гор в поле зрения корабля не оказалось, и горы Крокера были списаны как миф.

Следующей весной, перезимовав во льдах, экспедиция обследовала остров Мелвилл, а затем возвратилась на родину с известием о том, что гор Крокера не существует.

Название «Земля Крокера», выбранное для подзаголовка этой главы, представляет собой смесь из двух арктических мифов, причем оба они должны быть скорее отнесены к области оптики, чем географии как таковой. Хотя горы Крокера, насколько мне известно, никогда не появлялись ни на одной из карт и хотя нет основательной причины полагать, что есть что-нибудь общее (кроме совпадения названий) между ними и Землей Крокера, открытой Пири приблизительно девяносто лет спустя на расстоянии свыше 1000 миль в стороне от них, все же между ними может существовать отдаленная связь, которую небезынтересно выяснить.

В 1906 году во время своей предпоследней попытки пробиться к Северному полюсу Роберт Пири на 86° север-

ной широты заметил в бинокль далекую землю. Видимость была хорошей, и он мог ясно различить вершины гор, возвышающиеся на фоне неба к северо-западу от Земли Элсмира. Он дал своему открытию название «Земля Крокера». Почему он выбрал именно это название, осталось загадкой. Пири редко объяснял даваемые им наименования, и потому причина выбора им этого названия осталась неизвестной. Правда, Пири хорошо знал литературу об Арктике и прекрасно был знаком с отчетом Росса. Возможно, что увиденная им цепь незнакомых гор вызвала в нем подсознательную ассоциацию с этим названием. Однако у него и в мыслях не было высказывать предположение, что он повторно открыл горы Росса.

Пири не пытался исследовать свое открытие. Его целью был Северный полюс, а не какой-то второстепенный остров, скованный льдом.

Неясные очертания Земли Крокера появились на нескольких картах начала XX века, но ненадолго. Дональд Б. Макмиллан в 1914 году возглавил экспедицию в поисках этой земли и достиг места, указанного Пири, но не нашел ничего, кроме льда. В двухстах милях дальше к западу он увидел отдаленную гряду гор, но обнаружил, что она удаляется по мере его приближения.

Он, как и Пири до него, видел мираж. Сомнительно, чтобы подобный мираж служил объяснением того, что видел Росс, потому что подлинный мираж увидел бы не он один, но и все те, кто с ним находился. Но члены его экипажа говорили, что они не могли разглядеть ничего. Вероятнее всего, правы были работники Адмиралтейства, предположившие, что причина заключалась в дефекте зрения самого Росса. Но Земля Крокера Пири была миражем в прямом смысле этого слова.

В результате Земля Крокера была убрана с карт, но вопрос еще не был окончательно исчерпан. Дело в том, что миражи — отражения реальных объектов, и этому миражу тоже должен был соответствовать какой-то отражаемый им оригинал. Проведенные в 1925—1926 годах авиаразведывательные полеты с целью изучения Арктики, одной из целей которых было обнаружение Земли Крокера, окончились неудачей. В 1936 году Вильям Г. Хоббс в книге, посвященной биографии Пири, нанес на карту возможное местонахождение Земли Крокера, как если бы она существовала в действительности. Но даже и по сей

день еще не все приполярные районы хорошо известны, и возможно, что среди них все еще находится где-нибудь оригинал Земли Крокера, ожидающий своего открытия.

Но ее никогда нельзя будет определить абсолютно точно. Описания как Пири, так и Макмиллана очень обобщенные и расплывчатые, к тому же никто из них не делал фотографических снимков, а полюс окаймлен множеством островов с гористым рельефом. Мы просто не знаем, как представлять себе Землю Крокера, но, возможно, она существует.

Представляется уместным завершить повествование этими тремя последними случаями, так как они иллюстрируют три наиболее обычных источника возникновения географических мифов: чистую фантазию, ложную интерпретацию или преувеличение действительных сообщений и ошибки исследователей, которые всегда остаются людьми. Существует еще и четвертая причина — следствие превратного представления о реальном мире, как это произошло в случаях с Северо-западным проходом и с Неведомой Южной Землей. Если читатель внимательно отнесется к тому, что здесь изложено, то он убедится, что каждый из описанных здесь случаев может быть сведен либо к одной из этих причин, либо к их сочетанию.

Так, миф об Эльдорадо возник на основе существовавшего в действительности индейского обычая, раздутая фантазией испанцев до невероятных размеров и дополненная рассказами индейцев тупинамба. Фрисландия появилась в результате неправильного прочтения сильно поврежденного старинного документа и старинной карты. Миф о Семи городах, Сиволе и Кивире был чистой фантазией: сначала это были мечты средневековых испанцев, находившихся под гнетом мусульман, затем соблазнительные небылицы Эстеванико, потом сознательная ложь индейца по имени Турок и, наконец, вдохновенная выдумка Гомары.

Идея Северо-западного прохода родилась из неправильного представления о природе мира, но как объект поисков поддерживалась такими ошибками исследователей, как «перешеек» Верраццано, и такими недоразумениями, как перенесение названия Аниан на американское побережье. Норумбега, очевидно, появилась в ре-

зультате ошибочного применения названия реки к целой территории. Мост суши между Гренландией и Европой появился в результате неправильной интерпретации сложных и запутанных записей Адама Бременского.

К тому же необходимо отметить, что наряду с мифическими территориями есть и сомнительные: острова Майда, Авроры, Дауэрти, где трудно провести различие между тем и другим. В большинстве случаев, однако, мифический элемент нетрудно распознать. Получив представление о предмете, читатель может сделать о нем свои собственные выводы. Но нет смысла просматривать весь реестр. Очень интересно, какова ситуация в настоящий момент, продолжают ли действовать те факторы, которые в прошлом приводили к появлению на картах несуществующих территорий?

Конечно, и теперь рассказывают небылицы, и иногда в них верят, и они могут даже на какое-то время оказать влияние на географию. Но теперь заметнее различие между правдой и вымыслом, чем это было когда-то. В настоящее время едва ли возможно, чтобы вымышленный остров перебрался на карту из романа.

И в наше время люди могут неправильно истолковать прочитанное. Но география сейчас находится в руках ученых, которые пользуются проверенными точными методами, поэтому вероятность того, что кто-нибудь из них повторит ошибки другого, значительно уменьшилась. В картографии, как уже упоминалось раньше, ради безопасности все еще принято указывать сомнительные территории, и это означает, что некоторые мифы даже сейчас могут вторгаться в пределы карты.

Исследователи и теперь еще могут делать ошибки. Но наш век — это век коллективных методов работы, и обычно при изучении географических данных мы не находимся в зависимости от сообщений одного человека. К тому же современные методы исследования и современная аппаратура устранили возможность такой ситуации, как, например, та, при которой плохое зрение Джона Росса могло стать причиной появления совершенно новой цепи гор.

Что же касается ошибочных представлений о мире, то хоть это, возможно, прозвучит преждевременно и догматично, но можно утверждать, что они больше не преобладают, во всяком случае в той мере, в какой они могли

бы оказать влияние на географию. Какой бы уязвимой ни была современная наука в некоторых своих аспектах, она тем не менее располагает довольно ясным и точным представлением о земной поверхности, на которой мы живем, в тех пределах, в каких эта поверхность исследована. Что же касается ее обитаемых районов, то здесь исследование практически проведено до конца. Оно, во всяком случае, достаточно тщательно, чтобы можно было с уверенностью сказать, что не существует больше ни Кивир, ни Норумбег, ни неизвестных континентов, которые ожидали бы своего открытия.

Однако большая часть земной поверхности необитаема, или, во всяком случае, не заселена людьми, или может стать обитаемой только при особых условиях, для создания которых потребуется очень много средств. Большая часть нашей планеты — океан, и, конечно, слишком поспешным было бы заявление о том, что в нем больше уже нечего открывать.

Огромные участки океана нам все еще не известны, причем в данном случае я имею в виду только то, что происходит на поверхности, а не в глубине. Водный и воздушный транспорт придерживается установленных путей. Времена бесконтрольных блужданий по морям давно позади, и существуют участки океана, измеряемые тысячами миль, которые едва ли посещаются раз в десятилетие. Без всякого преувеличения можно сказать, что есть такие районы в океане, особенно в высоких широтах, которые полтора столетия тому назад были известны лучше, чем в наше время. На этих пространствах все еще могут оказаться неоткрытые острова, которые послужат источниками новых мифов.

И в самом деле, если говорить о маленьких изолированных островках, изображенных на картах Тихого океана или субантарктических районов, то напрасно мы будем искать какого-либо сообщения о них человека, недавно посетившего их и способного подтвердить их существование.

Поэтому я обращаюсь к тем, кто настроен романтически: время исследования голубых просторов еще не прошло. Обращаюсь и к тем, кто посвятил себя научным исследованиям: прошли времена, когда первозданные мифы что-либо значили в географии.

Интересных книг по истории географических открытий великое множество. Это сочинения мореплавателей и путешественников, научные сводки по истории открытий и монографии о том, как в связи с открытиями расширялся географический кругозор людей; это мощный поток научно-популярной литературы для читателей разных возрастов, подготовки и вкусов. Обычно это книги о действительных открытиях, нередко требовавших преодоления больших трудностей и лишений, а иногда и жертв, об открытиях, которые навеки нашли свое место на карте мира.

Однако не всегда географические открытия, нанесенные на карту, были реальными. Карты разных времен вплоть до XIX века отражали и такие «открытия», которые никогда не были сделаны, потому что не существуют на Земле те географические объекты, которые якобы были открыты, изображены на карте, а затем исчезли с нее. И все же они были на карте! Люди десятилетиями и даже веками верили в их существование, пока жизненный опыт и практика не рассеивали заблуждений, выводя научную мысль и представления о мире на истинный путь.

К карте всегда было несколько иное отношение, чем к литературному произведению, карта издавеле считалась и считается правдивым, строго научным документом. И вот, оказывается, на физической карте мира время от времени возникали ранее неведомые земли, моря, острова, и т. д. На каком основании они появились на карте, почему и когда «стерты» с нее — все это не праздные вопросы, ибо, каковы бы ни были заблуждения картогра-

фов, они всегда отражали на карте те представления людей о поверхности нашей планеты, которые были господствующими в ту или иную эпоху общественного развития.

Вполне естественно и понятно, что во времена, отделенные от нас тысячелетиями, карта мира была далеко не полной и не соответствовала реальной картине мира. Культурным народам древней Европы были известны лишь Европа, юг Азии, север Ливии, то есть одна сторона, да и то не полностью, земного шара, а о Новом Свете они вообще не имели никакого представления. Несмотря на то, что передовыми мыслителями и натуралистами античного мира уже была принята идея о шарообразной форме Земли, они высказывали лишь умозрительные предположения о возможном наличии неизвестных земель за морем или, как Платон, говорили о дошедших до них преданиях о затонувшей в океане Атлантиде. Величайший из ученых античного мира Клавдий Птолемей впервые изобразил Землю в виде проекции шара на плоскость, но и он во II веке новой эры достоверно представлял себе лишь контуры Европы, а Ливию протянул до Южного полюса, соединил ее с юго-восточной Азией и показал на своей карте Индийский океан замкнутым морем.

В эпоху феодализма, вплоть до XIII века, карта мира не пополнилась сколько-нибудь существенно новыми сведениями, если не считать повышения самой техники картографирования, более точного изображения морских путей и побережий на портоланах благодаря применению в мореходстве компаса.

Содержание мировой физической карты начало усиленно изменяться с XIII века. Толчком к этому послужили сведения, поступающие в Европу от норманнских и ирландских мореплавателей, открывших ряд островов в Атлантике; о внутренних областях восточной Европы и Азии узнали из рассказов многочисленных посольств на Восток (Рубрук, Пьяно Карпини), а особенно из книги Марко Поло, написанной после четвертьвекового путешествия в Каракорум и Китай с последующим плаванием вдоль южных берегов Азии. Книга Поло открывала широкие горизонты для картографов. Благодаря ей границы мира расширились вплоть до Тихого океана, на картах появился могучий меридианальный горный хребет Болор в Центральной Азии и Сибири, стали вырисо-

вываться восточные окраины Азии и возник мифический пролив Аниан, со временем смещенный картографами далеко к северу и разделивший Азию и Америку.

В XIV и XV веках с развитием плавания португальцев в Атлантике, открытием островов Зеленого Мыса, Мадейры и Азорских, с распространением христианства на эти и более северные острова, с идеологической борьбой внутри самой христианской церкви и возникновением новых орденов в ней, их обособлением и враждой между собой, перед началом испанского мореходства и надеждой найти «промежуточные» станции на пути в Индию на картах появляются гипотетические земли. Изображение их на карте основывалось отнюдь не только на географических открытиях, но и на непроверенных слухах, нередко распространявшихся церковниками для привлечения паствы (вроде Земли Святого Иоанна, острова Святого Брандана и др.), а иногда в результате ошибок мореплавателей, а то и прямого надувательства картографов предприимчивыми лгунами.

На карте мира Фра-Мауро 1439 года уже показано немало островов и в Атлантическом океане и в «Индийском море», как действительно известных, так и неправдоподобных. На карте Тосканелли, известной Колумбу, в Атлантическом океане обозначены острова Бразил, Азорские, Мадейра, Гомера, Ферро, Канарские, Зеленого Мыса, Антильские, Святого Брандана, а на западе Японские (Зипанго) и множество других. Как видно из перечисления, многие острова достоверны, а некоторые ныне на карте мира отсутствуют.

Некоторые гипотетические земли неоднократно привлекали внимание русских и советских ученых. Так, например, академик Л. С. Берг, изучая вопрос о легендарной Атлантиде, пришел к заключению, что в Атлантическом океане подобного континента не существовало, а основой древнего предания мог послужить один из островов Средиземного моря. В начале XVIII века на карте Тихого океана, в центральной части его северного сектора изображалась обширная Земля Гамы, которую безуспешно разыскивала, но так и не обнаружила Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга и Алексея Чирикова. В XX веке советским полярникам пришлось выяснять местоположение, казалось бы, правдоподобных островов Андреева и Земли Санникова, но,

как только оказалось, что их нет в природе, они, естественно, тут же исчезли и с карты.

В послевоенные годы в советской географии вообще сильно вырос интерес к истории географических открытий и исследований. Наряду с детальными частными исследованиями по истории географического познания Земли появились фундаментальные труды, такие, как «Очерки по истории географических открытий» И. П. Магидовича, пятитомная история открытий по частям света, в переводе на русский язык изданы сочинения Хеннига, Томсона, Бейкера и др.

Интерес к этой области географии все время усиливается, и не только в нашей стране. Для примера можно привести серию интересных книг на английском языке, изданных в Англии и США: В. Гуч «В Тихий океан и Арктику с Бичи», Р. Бренк «Капитан Скотт. Трагедия в Антарктике», Ж. Камерон «Антарктида — последний континент», Г. Томсон «Северо-западный проход» и т. д.

И вот среди них — книга Раймонда Рамсея «Открытия, которых никогда не было».

Автор ее родом из Манитобы (Канада). Детство его прошло на ферме Ред Ривер Велли в Северной Дакоте (США), где отец его был пасечником. С 1953 года Р. Рамсей живет в Калифорнии. После окончания колледжа он избрал своей специальностью филологию, а точнее, изучение древней английской литературы о путешествиях, и вместе с мореплавателями мысленно бороздил моря и океаны, проникал во льды Арктики и в тропики, бродил по прериям и взбирался на вершины Кордильер, плавал по неизведанным рекам и озерам Канады. С 1965 по 1969 год он был сотрудником периодического издания «Беркли Барб». По мнению знающих его людей, Рамсей «упорный и беспокойный мечтатель, любитель трубки и пива и мастер по раскапыванию исторических материалов».

«Раскапывая» материалы об английских путешествиях и географических открытиях, Рамсей неизбежно сталкивался с древними картами и уяснил, что карта — «второй язык географии». Отражая географические знания, она сама является источником знаний. Древние рукописи и книги рассказывают, а карта показывает и ход географических открытий и состояние географических знаний в определенный исторический момент.

Работая с литературными источниками и картами, Рамсей не мог не обратить внимание на то обстоятельство, что мореплавателями и путешественниками было сделано немало мнимых открытий, связанных с такими географическими объектами, которых в действительности не было и нет, но сообщения об их «открытии» картографы успели нанести на карту. Более того, на картах мира в прошлом изображались обширные материки, не говоря уже об островах, которые «существовали» лишь в мифах и народных преданиях. И Рамсей решил написать научно-популярную книгу об открытиях, которых никогда не было, а также о землях, некогда бывших на карте мира, а затем исчезнувших с нее и из сознания людей.

Один из американских рецензентов его книги, директор музея Пибоди в Салеме Эрнест Додж, писал, что автор «собрал информацию, которую невозможно обнаружить между двумя обложками одной книги во всей мировой литературе. Это книга, которую сочтет увлекательной любой человек, проявляющий интерес к истории географии». В известной нам литературе действительно нет столь полной книги о мифических землях, хотя и Рамсей охватил их далеко не все.

Автор — специалист по истории английских путешествий, но он вышел далеко за рамки географических открытий, сделанных англичанами, и построил свою книгу «по проблемам», а это неизбежно заставило его обращаться к разнообразным источникам и говорить о португальских, испанских, голландских, французских открытиях, а иногда делать экскурсии и в очень далекое прошлое — ко временам Древнего Египта, Греции и Рима, особенно в тех случаях, когда изображения на карте несуществовавших земель были следствием древних мифов и преданий.

В сферу своих изысканий Р. Рамсей включил Эльдорадо, Южную Землю, необычайный случай с Фрисландией, острова Святого Брандана и Бразил и разные другие острова, в том числе «Дьявольские», семь городов Сиволы, проблему Северо-западного морского прохода, Неведомую Северную Землю, «странствующую» Гренландию, остров Майда, то есть только то, что можно найти на картах, но отказался от рассказа о всем известной Атлантиде, так как этот легендарный материк никогда не

изображался ни на одной из карт. К освещению каждой из этих проблем автор привлек обширную литературу по истории собственно, по истории географии (описания путешествий, исторические свидетельства), научные исследования. Самое же важное — обильный картографический материал, к изучению которого он подошел с особой, своей целью. Известно, что выявление древних карт, их чтение, сопоставление содержания — дело чрезвычайно трудное. Большинство упомянутых им карт опубликовано (значительная часть, например, в изданиях, посвященных 400-летию открытия Америки), но некоторые старинные карты хранятся в архивах, музеях, у частных лиц или, например, как полагает автор, в государственных сейфах Португалии и до сих пор не увидели света, что тем более затрудняет и даже делает недоступным их изучение. Жаль, что Рамсею, по-видимому, не известны опубликованные советские картографические источники, как, например, Атлас древних русских карт, составленный А. В. Ефимовым, который был бы полезен при рассмотрении «неуловимого Северо-западного прохода».

Усилия автора как филолога были направлены и на выяснение этимологии некоторых географических названий на древних картах, например «Фрисландии», и эти его изыскания заслуживают внимания.

Реалистически оцениваются в книге исторические причины поисков новых земель, например Эльдорадо, причем Рамсей не скупится на яркие эпизоды из истории завоевания Америки и характеристики конкистадоров, огнем и мечом расправлявшихся с индейцами, и показывает отвратительный звериный облик некоторых из них. Не останавливается он и перед резкими оценками некоторых известных мореплавателей, изображая их лгунами и мошенниками, как, например, Себастьяна Кабота.

Все эти моменты характеризуют книгу как труд, имеющий научную основу, и искушенный в истории географии советский читатель найдет в ней для себя немало интересного. Правда, он не всегда будет удовлетворен глубиной исторического анализа событий, который подчас кажется поверхностным и легковесным по сравнению, например, с блестящим исследованием Уильяма Фостера (Фостер У. Очерк политической истории Америки. ИЛ, М., 1955). У Рамсея появление на континенте Се-

верной Америки новых колониальных образований типа Новой Франции, Новой Швеции, Новой Голландии, Новой Англии выглядит довольно идиллическим процессом, в то время как это была упорная и безжалостная конкуренция великих держав в борьбе за колонии и раздел мира, сопровождавшаяся жестоким истреблением аборигенов.

Удивительным и странным для советского читателя окажется тот факт, что Р. Рамсею как будто совсем не известна русская научная литература. Например, кто же не знает, что открытие материка Антарктиды совершилось в 1820 году на русских кораблях «Восток» и «Мирный» под командованием Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева? Неужели человеку, занимающемуся историей путешествий и филологу, неведомо, откуда происходят названия антарктических научных станций «Восток» и «Мирный»? Первооткрывателей Южного континента он видит в китобоях Палмере и Брэнсфилде и в то же время говорит, что «невозможно определить, кто открыл Антарктиду, может быть Биско», но, как известно, последний плавал в водах Антарктики в 1831—1832 годах, то есть десятью годами позднее Беллинсгаузена и Лазарева.

Столь же удивительно в наши дни замалчивание подвигов русских мореходов в связи с проблемой поисков Северо-западного морского пути. Как будто и не было плаваний Гвоздева и Федорова и даже Коцебу (книга которого издавалась неоднократно, и не только на русском языке, так же как записки натуралиста и поэта Шамиссо, спутника Коцебу), плаваний Васильева и Шишмарева и других, и вообще не было Русской Америки, где на подступах к Северо-западному проходу вели исследования и сделали немало открытий русские мореходы и путешественники. О плаваниях русских поморов до Шпицбергена задолго до Баренца, в 1435 году, упоминается, но все же говорится, что Шпицберген был открыт Баренцем, принявшим его за Гренландию. О плаваниях поморов на восток по Студеному (Полуночному) морю — ни слова.

Вместе с тем Рамсей рассказывает о совершенно неправдоподобном плавании некоего Б. де Фонте, якобы прошедшего в 1640 году Северо-западным проходом. При этом он ссылается на один лондонский журнал, опублико-

вавший это сообщение за сорок лет до плавания Беринга. И с еще большим увлечением Рамсей повествует о совершенно невероятной истории с командой судна «Геральд», будто бы встретившей мертвый корабль «Октавиус», который после четырнадцатилетнего дрейфа во льдах вдруг появился в одном из проливов Северо-западного прохода. «Вполне вероятно!» — восклицает Рамсей. Приведем еще пример. Рамсей ссылается на книгу Чарльза Хепгуда «Карты древних морских королей», в которой высказывается предположение о том, что около десяти тысяч лет назад, до эпохи последнего оледенения, якобы существовала очень развитая культура мореплавания, когда весь мир был исследован и закартирован, в том числе и Антарктида. Рамсей говорит, что по своей склонности к романтике он хочет верить в «ошеломляющую теорию» Хепгуда, хотя и с осторожностью, но все же в связи с шумевшей картой Пири Рейса находит в своей книге место для упоминания об этой довольно неправдоподобной теории.

Таким образом, в научной основе книги, как видит читатель, есть и слабые места. Среди них нередкие «очевидно», когда многое еще далеко не очевидно и требует глубокого исследования, и необоснованные предположения, и неполный охват материалов по той или иной проблеме.

Один американский читатель сказал о книге Рамсея: «Она и научная и романтическая в одно и то же время». Это действительно так. Романтический колорит и занимательность придает ей пристрастие автора к необычному, «чудесному». А этого необычного в истории географических открытий, в мифах о загадочных землях, в описаниях путешественниками нравов и обычаев неизвестных дотоле народов, в их преданиях сколько угодно. С этого «чудесного» Рамсей начинает свою книгу — с рассказа об Эльдорадо. Нельзя отказать ему в том, что он умело отобрал многие интересные мифы, предания, эпизоды из истории географических открытий. В некоторых случаях он сам не верит в реальность того, о чем пишет, и иногда не скрывает шутливой иронии, подчеркивая «курьезное».

Одним словом, занимательного в книге Р. Рамсея предостаточно, это «занимательное» умело вилеется автором в общую ткань научно-популярного изложения, и по-

знавательного в ней значительно больше, чем «чудесного», неправдоподобного. А совмещение того и другого обеспечило книге широкую популярность среди американцев. Наш читатель без труда отличит правду от домысла и хочется думать, с интересом отнесется к «плоду долгого чтения и многолетних размышлений» автора.

*Член-корреспондент АН СССР,
профессор Соловьев А. И.*

Предисловие автора	7
<i>Глава 1.</i> Эльдorado. Люди и мифы	9
<i>Глава 2.</i> Якобы известная Южная Земля	24
<i>Глава 3.</i> Необычайный случай с Фрисландией	42
<i>Глава 4.</i> Две ирландские проблемы: Святой Брандан и остров Бразил	60
<i>Глава 5.</i> Различные острова, некоторые из них дьявольские . .	75
<i>Глава 6.</i> От Семи городов до нуля	99
<i>Глава 7.</i> Неуловимый Северо-западный проход	114
<i>Глава 8.</i> Неведомая Северная Земля	141
<i>Глава 9.</i> Странствующая Гренландия	155
<i>Глава 10.</i> Возможная судьба Майды	175
<i>Глава 11.</i> Три особых случая	184
Эпилог	195
Послесловие	198

Раймонд Рамсей

*Открытия,
которых никогда
не было*

Редактор *М. Н. Бродовская*
Младший редактор *Т. В. Есина*

Художник *А. А. Астрецов*

Художественный редактор *А. Д. Суима*

Технический редактор *Г. В. Трушина*

Корректор *Г. А. Локшина*

Сдано в набор 24.08.1976 г. Подписано в печать 14.02.1977.
Формат 84 × 108 $\frac{1}{32}$. Бумага офсетная 80 гр. Услови. печ. л.
10,92. Уч.-изд. л. 11,41. Тираж 250 000 экз. Заказ 414.
Цена 80 коп. Изд. № 22152.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва 119021, Зубовский бульвар, 21.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.